Г. ЖОМИНИ

ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ II

ВОЕНИЗДАТ
1939

ЖОМИНИ

1960

II
А-848

Библиотека

1952 г.

ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ II

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва—1939

Жомини. „Очерки военного искусства", том II. *Перевод с французского.*

Во II томе своего труда Жомини продолжает исследование основных положений военного искусства в области „высшей тактики" и сражений, сохраняя при этом не только метод, каким он пользовался в I томе при исследовании вопросов военной политики и стратегии, но даже нумерацию глав и отдельных статей. В „Приложении" Жомини дает краткий очерк „заморских" экспедиций, начиная с времен египтян, финикиян и родосцев и кончая Наполеоном I.

Редактор майор *Кашаев.*

Техн. редактор *Бабочкин.* Корректоры *Крель, Новоженов.*

Сдано в производство 7.6.38 Подписано к печати 1.7.39
Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. 13 печ. л.+3 вкл. ³/₄ п. л. 12,1 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г—3111 Изд. № 309. Зак. № 2191.

Отпечатано во 2-й типографии Государственного военного издательства НКО СССР им. К. Ворошилова, Ленинград, ул. Герцена, 1.

Военно-Морская Академия
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА IV

О ВЫСШЕЙ ТАКТИКЕ И О СРАЖЕНИЯХ

Сражение — это решительное столкновение двух армий, борющихся за политические и стратегические цели. Стратегия подводит армии к решающим пунктам операционной зоны, подготовляет успех сражения и заранее обусловливает его результаты. Но добиться победы должна именно тактика, в союзе с храбростью, гением и удачей.

Следовательно, высшая тактика есть искусство хорошо комбинировать сражения и управлять ими. Руководящий принцип комбинаций высшей тактики тот же, что и стратегии, а именно — направлять главную массу своих сил лишь против части неприятельской армии и на такой пункт, который обещает наибольшие результаты.

Существовало мнение, что, в конце концов, сражения были главным и решающим действием войны. Это утверждение не всегда справедливо, потому что бывали примеры уничтожения армий одними стратегическими операциями, когда не было сражений, а был только ряд мелких боев. С другой стороны, полная и решительная победа может дать такие же результаты без каких-либо крупных стратегических комбинаций.

Результаты сражения обычно зависят от совокупности причин, которые не всегда принадлежат к области военного искусства; принятый боевой порядок, разумность мер по выполнению замысла, поддержка главнокомандующего непосредственно подчиненными ему командирами, причина борьбы, порыв, состав и качество войск, превосходство в артиллерии или в коннице и их умелое использование, но главным образом моральное состояние армий и даже наций — вот что дает более или менее решительные победы и определяет их результаты.

Поэтому ген. Клаузевиц высказывает весьма большой софизм, когда утверждает, что без обходного маневра сражение не может дать полной победы. Сражение при Заме уничтожило в несколько часов плоды двадцати лет славных успехов Ганнибала, хотя никто и не думал его обходить. При Риволи обходившие войска были разбиты наголову; не более счастливы были они в Штоккахе в 1799 г. и при Аустерлице в 1805 г. Как будет видно из ст. XXXII, я далек от мысли отрицать значение маневра, имеющего целью разбить или обойти крыло (фланг), и я это постоянно рекомендовал, но важно уметь обойти во-время и искусно. Я думаю, что стратегический маневр для овладения коммуникациями неприятеля, без потери при этом своих собственных сообщений, более надежен, чем подобный же маневр в тактике.

Существуют три вида сражений:

— оборонительные сражения, т. е. такие, которые дает армия, занявшая выгодную позицию, где она ожидает неприятеля;

— наступательные сражения, даваемые армией с целью атаки неприятеля, находящегося на разведанной позиции;

— непредвиденные сражения или сражения, даваемые обеими сторонами на марше.

Мы приступим сейчас к последовательному рассмотрению различных комбинаций, связанных с этими видами сражений.

Статья XXX

О ПОЗИЦИЯХ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СРАЖЕНИЯХ

Когда армия ожидает сражения, она занимает позицию и образует боевую линию. Как уже было показано раньше, — в общем определении операций, данном в начале этого труда, — я различаю «боевые линии» и «боевые порядки», которые до настоящего времени друг с другом смешивались.

Боевой линией я называю расположение, развернутое или состоящее из батальонов в штурмовых колоннах, принимаемое армией для занятия лагеря или местности, где она примет бой, без определенной заранее цели. Это наименование как раз подходит для войск, построенных согласно строевому уставу в одну или несколько линий. Боевым порядком, напротив, я называю расположение войск, указывающее на определенный

маневр: например, параллельный порядок, косой порядок, порядок перпендикулярный на крыльях (флангах) *.

Хотя это наименование и ново, но оно кажется мне совершенно необходимым, для того чтобы обозначать и различать два понятия, смешивания которых следует избегать **.

Из самой природы этих двух понятий видно, что термин «боевая линия» более свойствен оборонительной системе, ибо армия, ожидающая неприятеля, не зная еще, что он предпримет, действительно образует неопределенную боевую линию, без определенной цели. Боевой порядок, напротив, указывает на расположение войск, намеренно построенных для боя, и предполагает наличие заранее обдуманного маневра, а поэтому более соответствует наступлению.

Однако я не утверждаю, что боевая линия обязательно должна быть оборонительной, потому что в этом построении войска могут итти и для атаки позиции. Точно так же и обороняющаяся армия может принять косой или всякий другой боевой порядок, свойственный наступлению. Я говорю лишь о наиболее часто встречающихся случаях.

* * *

Нисколько не придерживаясь того, что называют системой позиционной войны, армия может нередко ожидать неприятеля, находясь на выгодной позиции, сильной от природы и заранее выбранной для принятия на ней оборонительного сражения. Такую позицию можно занять в том случае, когда надо прикрыть важный объект действий, как, например, сто-

---

* Мне приходится изменять принятую терминологию не из удовольствия придумывать новые названия. Для развития всякой науки необходимо, чтобы одно и то же слово не обозначало двух совершенно различных вещей. Если непременно хотят называть *боевым расписанием* (ordre de bataille) простое распределение войск в линии, то все же нельзя называть крупный маневр косым или вогнутым боевым расписанием. Тогда надо было бы обозначать эти маневры терминами вроде „косая боевая система“ и т. п. Но я предпочитаю наименования, принятые мною. Боевое расписание войск на бумаге можно назвать „табелью состава войск“ или „табелью организации“, а обычное построение войск на местности — „боевой линией“.

** Жомини предлагает французский термин „ordre de bataille“ понимать *буквально*, как „порядок сражения“ или „боевой порядок“, а не вкладывать в это выражение тот смысл, какой оно имело во времена Жомини (он сохранился даже и до наших дней), как „боевой состав“, „боевое расписание“. В настоящее время термин „боевой порядок“, в отличие от термина „боевое расписание“ (ordre de bataille), французы выражают словами „ordre de combat“, т. е. буквально. — *Ред.*

лицу, крупные склады или решающий стратегический пункт, командующий над местностью; наконец, в том случае, когда прикрывают осаду.

В конце концов, имеется много разного рода позиций, как стратегических, так и тактических. Последние, в свою очередь, могут быть подразделены на несколько видов. Прежде всего, могут быть укрепленные позиции, избранные с намерением ждать на них неприятеля и представляющие собою местность, обеспеченную более или менее связанными между собой искусственными укреплениями. Мы говорили о них и об их отношении к стратегическим операциям в ст. XXVII, а в ст. XXXV будем говорить об их атаке и обороне. Затем могут быть сильные по своей природе позиции, которые армии занимают, чтобы выиграть несколько дней. Наконец, существуют открытые позиции, но выбираемые заблаговременно для принятия на них сражения.

Качества, которых следует искать в таких позициях, зависят от той цели, какая имеется в виду; при этом все же важно не поддаваться слишком распространенному предрассудку, будто предпочтительнее выбирать позиции на крутых, труднодоступных скатах. Такие позиции весьма подходящи, может быть, для устройства временного лагеря, но они не всегда являются наилучшими для сражения. В самом деле, позиция крепка не только тогда, когда она находится на крутизнах, но и тогда, когда ее свойства соответствуют поставленной при ее занятии цели, когда она предоставляет наибольшие выгоды тому роду войск, который составляет основную силу армии, и когда, наконец, местные препятствия более невыгодны противнику, чем той армии, которая займет эту позицию. Например, несомненно, что Массена совершил бы грубую ошибку, заняв позицию на Альбисе, если бы он имел превосходство в кавалерии и артиллерии, в то время как для его превосходной пехоты как раз и была нужна такая позиция. Точно так же и Веллингтон, вся сила войск которого была в огне, удачно выбрал позицию под Ватерлоо, где он настильным огнем поражал издалека все подступы.

В конце концов, эта позиция на Альбисе скорее была стратегической позицией, тогда как при Ватерлоо позиция была тактической.

Правила, которые обычно следует соблюдать при выборе позиций для сражений, заключаются в следующем:

1) иметь для нападения на противника в благоприятный момент более легкие выходы с позиции, чем подступы для противника при его приближении к боевой линии;

2) обеспечивать артиллерии возможность проявить при обороне всю присущую ей мощь;

3) выбирать местность, удобную для незаметных перебросок войск с одного фланга на другой, с целью направлять массы в пункт, который будет признан выгодным;

4) иметь возможность легко раскрывать передвижения противника;

5) иметь удобные пути отступления;

6) иметь фланги, надежно обеспеченные от внезапных атак против них, что вынуждало бы противника атаковать центр или, по крайней мере, фронт; это последнее условие выполнить трудно, потому что малейшая неудача армии, опирающейся на реку, на горы или на непроходимые леса, может превратиться в полное ее поражение, так как прорванная линия войск может быть отброшена как раз на те самые препятствия, на которые рассчитывали как на средство обороны; указанная бесспорная опасность позволяет думать, что легко обороняемые укрепления имеют для сражения гораздо большую ценность, чем непреодолимые препятствия, потому что во время сражения достаточно иметь несколько укреплений, где можно продержаться несколько часов с помощью небольших отрядов *;

7) иногда за отсутствием опоры для флангов образуют загибы флангов назад; эта система опасна потому, что загиб, будучи связан с линией, стесняет передвижения; противник, поставив пушки на пересечении этих двух линий, может причинить большие опустошения; двойной резерв, расположенный в глубоком порядке позади того фланга, который хотят защитить от нападения, повидимому, лучше достигнет цели, чем загиб; местные условия должны точно определить, какой из этих двух способов следует применить; по этому вопросу мы приводим много подробностей при описании Пражского сражения (см. 2-ю главу «Семилетней войны»);

8) в оборонительной позиции нужно стремиться прикрывать не только одни фланги; часто случается, что в одной своей

---

* Парк Гугомон, холм Гэ-Сент и ручей Папелот были для Нея более серьезными препятствиями, чем знаменитая Эльхингенская позиция, когда он форсировал Дунай в 1805 г. по обломкам сгоревшего моста. Мужество защитников могло, конечно, и не быть совершенно одинаковым в обоих случаях, но независимо от этого нужно признать, что местные препятствия, если они хорошо используются, не должны быть обязательно непреодолимыми, чтобы сорвать атаку. В Эльхингене большая высота и крутизна холмов сводили действительную помощь обороне почти к нулю и были скорее вредны, чем полезны, для обороны.

части фронт имеет препятствия и тем самым заставляет противника направлять свои атаки на центр; такая позиция всегда более выгодна для обороняющейся армии, как это доказали сражения при Малыплакэ и Ватерлоо; чтобы достичь цели, иногда нет необходимости в громадных препятствиях, а достаточно малейших неровностей почвы. Так, например, ничтожный ручей Папелот заставил Нея атаковать центр Веллингтона, вместо того чтобы атаковать его левый фланг, как ему было приказано.

Когда обороняют подобное расположение, нужно позаботиться о подвижности той части войск, которая находится на обеспеченных от атаки флангах, чтобы она могла принять участие в бою, вместо того чтобы оставаться в роли бесполезного свидетеля.

Нельзя, однако, скрывать того, что все эти способы — только паллиативы и что лучше всего для армии, которая ожидает противника, находясь в оборонительном положении, уметь захватить вновь инициативу, когда наступит момент, выгодный для успешного достижения этой цели.

В числе требований к позиции мы предъявили и то, чтобы она обеспечивала удобное отступление. Это нас приводит к исследованию вопроса, поднятого сражением при Ватерлоо: попадает ли армия, имеющая в своем тылу лес и хорошие дороги, в тяжелое положение в случае проигрыша сражения, как это утверждал Наполеон? Что касается меня, то я, напротив, думаю, что подобная позиция более благоприятна для отступления, чем совершенно открытая местность, потому что разбитая армия не может перейти через равнину, не подвергаясь очень большим опасностям. Конечно, если отступление превратится в полное бегство, то часть артиллерии, оставленная на позиции перед лесом, по всей вероятности, погибнет, но все же пехота, конница и остальная часть артиллерии отступят с таким же успехом, как и по равнине. Если же отступление производится в порядке, то ничто так хорошо не защищает, как лес, конечно, в том случае, когда имеются, по крайней мере, две хорошие дороги в тылу, когда войска не позволили слишком близко прижать себя к лесу и когда были приняты меры, обеспечивающие отступление. Наконец, нельзя допускать никакого флангового движения противника, которое могло бы опередить армию при ее выходе из леса, как это случилось при Гогенлиндене. Отступление было бы еще безопаснее, если бы, как это было при Ватерлоо, лес образовал вогнутую линию позади центра, так как благодаря этому образовался бы настоящий плацдарм для сбора войск и для

выгадывания времени при последовательном выводе их на большую дорогу.

Говоря о стратегических операциях, мы уже указали на различные возможности, которые имеют армии при обеих системах действий — оборонительной и наступательной. Мы уже признали, что в стратегии тот, кто захватывает инициативу, имеет большие преимущества, так как он может направить свои массы туда и ударить ими там, где ему это наиболее выгодно с точки зрения его интересов. Между тем, тот, кто ожидает противника, находясь на позиции, повсюду оказывается упрежденным, часто подвергается атаке врасплох и всегда вынужден подчинять свои движения движениям противника. Но мы в равной мере признали также, что в тактике эти выгоды менее действительны, так как операции развиваются не на столь обширном пространстве, и тот, кто имеет инициативу, не может скрыть свои действия от противника, всегда могущего раскрыть их и при помощи хороших резервов немедленно же принять необходимые меры противодействия. Кроме того, тот, кто идет на врага, имеет против себя все невыгоды, вытекающие из наличия препятствий на местности, которые он должен преодолеть, чтобы напасть на линию расположения своего противника. Как бы ни была ровна местность, на ней всегда имеются препятствия и неровности: канавки, небольшие перелески, изгороди, мызы, деревни, которые нужно или захватить или обойти. Если к естественным препятствиям прибавить неприятельские батареи, которыми надо овладеть, и учесть тот беспорядок, который всегда в большей или меньшей степени возникает в войсках, находящихся продолжительное время под артиллерийским или ружейным огнем, то придется согласиться, что в тактике выгоды инициативы по крайней мере уравновешиваются выгодами обороны.

Как бы ни были неоспоримы эти истины, существует еще одна, господствующая над ними истина, доказанная наиболее крупными событиями истории. Эта истина заключается в том, что всякая армия, которая, находясь на позиции, неподвижно ожидает противника, в конце концов всегда бывает разбита, тогда как, используя выгоды обороны, чтобы затем овладеть преимуществами, предоставляемыми инициативой, она может надеяться на самые большие успехи. Генерал, ожидающий неприятеля как автомат,— не предпринимая ничего другого, кроме храброго сопротивления неприятелю на позиции, — всегда будет разбит, если только его атакуют. Совсем другое дело, когда генерал ожидает противника с твердым решением предпринять смелый маневр против него, с целью захватить те

моральные преимущества, которые создаются наступательным порывом и уверенностью в том, что главные силы будут введены в действие в наиболее важном пункте, чего в простой обороне никогда не бывает.

В самом деле, если ожидающий противника находится на хорошо выбранной позиции, где его движения свободны, он имеет ту выгоду, что видит наступающего. Его войска, заблаговременно хорошо расположенные на местности и поддержанные батареями, поставленными так, чтобы добиться наибольшего эффекта, могут заставить противника дорого заплатить за преодоление промежутка, разделяющего обе армии. Когда же наступающий, уже потрясенный значительными потерями, будет сам атакован в тот момент, когда он, как ему казалось, уже одерживает победу, то мало вероятно, чтобы у него еще были преимущества: ведь подобный переход к наступательным действиям врага, который считался уже разбитым, всегда потрясает даже наиболее храбрых.

Таким образом, командующий с одинаковым успехом может использовать в сражениях как наступательную, так и оборонительную системы. Но для достижения успеха необходимо, чтобы он:

1) не ограничиваясь пассивной обороной, умел во-время переходить от обороны к наступлению;

2) обладал хорошим глазомером и большим хладнокровием;

3) командовал такими войсками, на которые мог бы рассчитывать;

4) возобновляя наступление, применял те же общие принципы, какие были положены в основу его боевого порядка, если он начал с наступления;

5) наносил свои удары по решающим пунктам.

Примеры Бонапарта в Риволи и Аустерлице, Веллингтона — под Талаверой, Саламанкой и Ватерлоо служат доказательством этих истин.

Статья XXXI

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ И РАЗЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ

Наступательными сражениями называются такие сражения, которые дает армия, нападающая на другую армию, находящуюся на позициях *. Армия, вынужденная стратегически

* Во всех сражениях имеется сторона атакующая и сторона атакуемая, поэтому каждое сражение является для одного наступательным, а для другого — оборонительным.

оборониться, часто предпринимает наступление атакой, подобно тому как армия, на которую напали, может во время самого сражения вновь захватить инициативу и воспользоваться ее преимуществами. История дает нам множество примеров для каждого из этих различных по своему содержанию видов сражения. Так как мы уже говорили в предыдущей главе о выгодах, которые могут представиться при ожидании атаки, то мы ограничимся здесь рассмотрением всего, что имеет отношение к нападающему.

Нельзя отрицать, что нападение представляет вообще известную выгоду, вытекающую из уверенности в моральных качествах своих войск и из того, что нападающий почти всегда лучше знает, чего он хочет и что он делает.

Как только принято решение напасть на неприятеля, следует установить порядок для атаки, соответствующий этому решению. Это как раз то, что я считаю необходимым называть «порядком сражения» (боевым порядком). Впрочем, нередко случается, что приходится начинать сражение, не имея твердо установленного плана, ввиду отсутствия точных данных о положении противника. Как в одном, так и в другом случае всегда нужно заранее проникнуться мыслью, что в каждом сражении имеется решающий пункт, который вернее дает победу, чем другие пункты, так как он обеспечивает применение принципов войны. Поэтому нужно принять все меры к тому, чтобы наносить свои удары по этому пункту.

Решающий пункт поля сражения определяется, как мы уже об этом говорили, конфигурацией местности, сочетанием местных условий со стратегической целью, которую ставит себе армия, наконец, взаимным расположением сил.

Приведем пример. Когда одно крыло неприятеля опирается на высоты, откуда можно обстреливать его расположение на всем протяжении, тогда, повидимому, занятие этих высот является наиболее выгодным тактическим пунктом. Однако может случиться, что к этим высотам очень труден доступ и что они, с точки зрения стратегических соображений, расположены как раз в наименее важном пункте. В сражении при Бауцене левое крыло союзников опиралось на крутые горы Богемии, которая в то время была скорее нейтральной, чем враждебной. Поэтому казалось, что тактически решающим пунктом был бы захват склонов этих гор, — а на самом деле было как раз наоборот, потому что местность там была очень благоприятна для обороны, а союзная армия имела только одну линию отступления на Рейхенбах и Гёрлиц; французы же, атакуя правое крыло на равнине, могли бы захватить эту

линию отступления и отбросить союзную армию на горы, где она потеряла бы всю свою материальную часть и большую часть личного состава. Этот участок был более легок с точки зрения условий местности и в то же время представлял громадные выгоды.

Из всего вышесказанного, я думаю, можно вывести следующие истины:

1) топографический ключ поля сражения не всегда является тактическим ключом;

2) решающий пункт поля сражения несомненно тот, который соединяет в себе выгоды стратегические с выгодами местности;

3) в том случае, когда местность, окружающая стратегический пункт поля сражения, не представляет слишком больших затруднений, этот пункт обычно бывает самым важным;

4) однако случается, что определение этого пункта зависит главным образом от взаимного расположения сил: так, например, при слишком растянутых или прерывчатых боевых линиях всегда важнее атаковать центр; при коротких линиях, напротив, центр является наиболее сильным пунктом, потому что, — независимо от резервов, которые за ним находятся, — его легко поддержать с флангов. В этом случае решающим пунктом будет один из флангов позиции. При большом превосходстве в силах можно атаковать сразу оба фланга, чего нельзя делать при равных или меньших силах. Отсюда видно, что все комбинации сражения заключаются в таком использовании своих сил, при котором бо́льшая часть их направляется на тот из указанных трех пунктов, который представляет наибольшие выгоды. Этот пункт легко определить, подвергнув обстановку только что изложенному нами анализу.

* * *

Целью наступательного сражения может быть лишь вытеснение и расстройство противника, за исключением того случая, когда с помощью стратегического маневра подготовлено полное уничтожение неприятельской армии. Но вытеснить противника можно, или прорвав его линию в каком-либо пункте его фронта, или обойдя его фронт с целью атаковать его во фланг и в тыл, или же, наконец, одновременно применяя оба способа, т. е. атакуя противника с фронта и в то же время обходя и охватывая его расположение с фланга активно действующим крылом.

Для достижения этих различных целей необходимо выбирать всякий раз наиболее подходящий боевой порядок.

Насчитывают по меньшей мере 12 видов боевых порядков, а именно:

1) простой параллельный боевой порядок;

2) параллельный боевой порядок с наступательным или оборонительным загибом;

3) порядок, усиленный на одном или на обоих флангах;

4) боевой порядок, усиленный в центре;

5) простой косой боевой порядок или же порядок, усиленный на наступающем крыле;

6 и 7) боевой порядок, перпендикулярный к одному или к обоим крыльям армий противника;

8) вогнутый боевой порядок;

9) выпуклый боевой порядок;

10) боевой порядок, эшелонированный на одном или на обоих крыльях;

11) боевой порядок, эшелонированный в центре;

12) боевой порядок в виде сочетания одновременных сильных атак в центре и на одном из флангов (табл. 1, рис. 1—12).

Каждый из этих боевых порядков может быть использован в простом виде или, как об этом было уже сказано, в комбинации с маневром сильной колонны, предназначенной для обхода неприятельской линии. Чтобы судить о достоинствах каждого боевого порядка, нужно выяснить, насколько он согласуется с основным принципом, который мы установили.

Например, легко видеть, что параллельный боевой порядок № 1 является наихудшим, потому что нет никакого искусства в том, чтобы заставлять сражаться обе стороны с равными шансами, — батальон против батальона; это просто — отсутствие всякой тактики. Тем не менее возможен достойный внимания случай, в котором и этот боевой порядок может быть применен с выгодой: когда армия, захватив инициативу в крупных стратегических операциях, сумела выйти на сообщения своего противника и отрезала ему линию отступления, в то же время прикрывая свою. В этом случае, при окончательном столкновении армий, та из них, которая находится уже на тылах другой, может дать параллельное сражение, так как она выполнила решающий маневр еще до сражения и теперь вся ее цель состоит в отражении усилий противника открыть себе проход. Во всех других случаях параллельный боевой порядок необходимо признать наименее выгодным; однако это не должно означать, что, принимая такой боевой порядок, нельзя выиграть сражение, потому что, в конце концов, кто-нибудь да должен его выиграть, а преимущества

ТАБЛИЦА 1

Наступательные и оборонительные боевые порядки.

(Буква „А" обозначает обороняющуюся армию, а „В" - наступающую

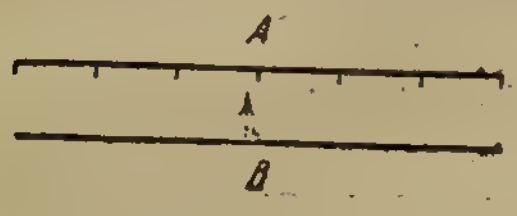


Рис. 1

Рис. 2

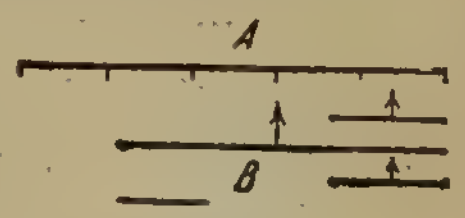


Рис. 3

Рис. 4

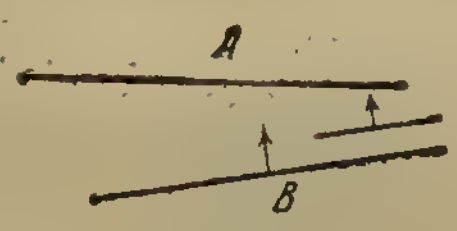


Рис. 5

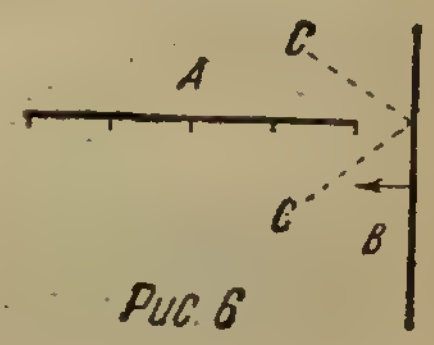


Рис. 6

Рис. 7

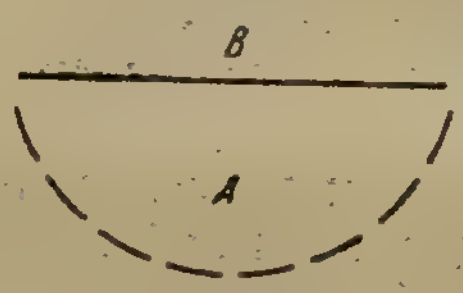


Рис. 8

Рис. 9

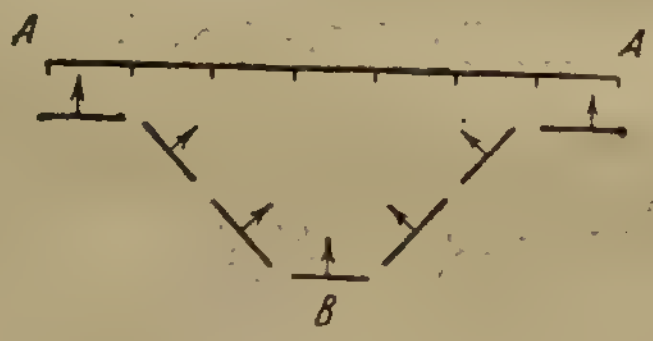


Рис. 9 bis

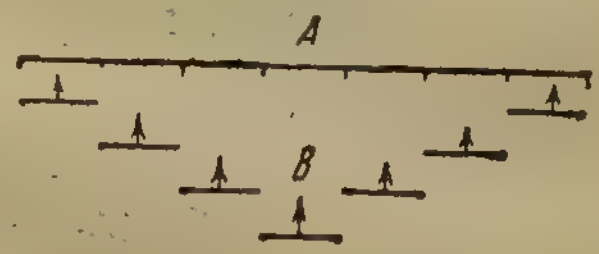


Рис. 10

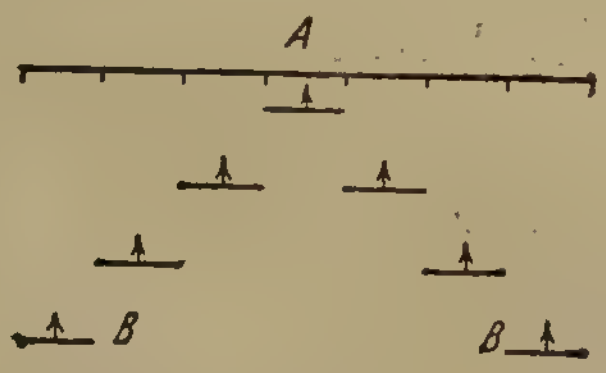


Рис. 11

Рис. 12

Армии изображены здесь в одной линии, чтобы не усложнять чертежа; но надо заметить, что всякий боевой порядок должен состоять из двух линий, все равно, развернуты ли войска, построены ли в колонны для атаки, в каре, в шахматном порядке — это ничуть не меняет их тактического расположения

всегда будут на стороне того, у кого наилучшие войска, кто сумеет более своевременно вступить в бой, кто будет лучше маневрировать своими резервами и, наконец, кому будет больше благоприятствовать судьба.

Параллельный боевой порядок с загибом на фланге (рис. 2) большей частью принимается при обороне. Он может быть также результатом наступательной комбинации, но тогда загиб находится впереди линии фронта, тогда как при обороне он будет позади. Сражение под Прагой представляет один из самых необычных примеров той опасности, которой подвергается подобный загиб, когда его хорошо атакуют.

Параллельный боевой порядок № 3, усиленный на одном из крыльев, или боевой порядок № 4, усиленный в центре для прорыва центра расположения противника, гораздо более благоприятны и выгодны, чем оба предыдущих. Они также более согласуются с основным принципом, на что мы уже указали, хотя при равенстве сил часть фронта, которую ослабили для усиления другой его части, может подвергнуться неудаче, если в сражении она будет поставлена параллельно противнику.

Косой боевой порядок № 5 лучше всего подходит для меньшей армии, атакующей бо́льшую, потому что при этом порядке прежде всего можно направить главные силы на определенный пункт неприятельской линии. Кроме того, выгоды такого порядка состоят еще и в том, что ослабленное крыло не только находится вне ударов неприятеля, но выполняет при этом еще два назначения: сковывает часть сил противника, которую не желают атаковать, и является резервом, в случае необходимости, для армии, действующей против неприятельского фланга. Такой боевой порядок был применен знаменитым Эпаминондом в сражениях при Левктрах и Мантинее. Но самый блестящий пример преимуществ этой системы был дан Фридрихом Великим в сражении при Лейтене (см. гл. VII «Трактата о крупных операциях»).

Боевой порядок, перпендикулярный к одному или обоим флангам, может рассматриваться лишь как теоретический — для указания тактического направления, по которому можно наносить удары. Но никогда две армии не будут находиться на позициях, перпендикулярных одна к другой, и притом так, как это указано на чертежах. Ведь если армия *B* в самом деле займет перпендикулярную линию по отношению к одному или двум крыльям армии *A*, то эта последняя тотчас же изменит фронт одной части своей линии; кроме того, как только армия *B* достигнет фланга или обойдет его, она тотчас же

направит свои колонны вправо или влево для сближения с неприятельской линией, так чтобы часть С атаковала их в тыл. Вследствие этого образовались бы две настоящие косые линии, как это показано пунктиром на рис. 6. Отсюда следует, что одна дивизия атакующей армии нанесет удар перпендикулярно к флангу противника, тогда как остальная часть этой армии сблизится с фронтом, чтобы его беспокоить, а это всегда приведет к одному из косых боевых порядков, указанных на рис. 5 и 12.

Впрочем, атака обоих флангов, какую бы форму ей ни придать, может быть очень выгодной, но лишь тогда, когда нападающий имеет большое численное превосходство. Ведь если основной принцип состоит в направлении большей части сил на решающий пункт, то более слабая армия нарушила бы этот принцип, организуя двойную атаку против единой сосредоточенной массы, обладающей численным превосходством. Эту истину мы докажем в нашем труде.

Вогнутый в центре (вдавленный) боевой порядок (рис. 8) нашел сторонников после того, как Ганнибал благодаря ему одержал победу при Каннах. Этот порядок, в самом деле, может быть очень хорошим, когда к нему переходят в результате развития событий, т. е. когда противник, ведя атаку против отступающего перед ним центра, позволяет охватить себя крыльями (флангами). Но если такое построение принимается до сражения, то противник, вместо того чтобы броситься на центр, может просто атаковать крылья, которые сами подставляют свои концы и находятся как раз в таком положении, как будто они были атакованы во фланг. Это расположение можно применить лишь против неприятеля, принявшего выпуклый боевой порядок, о котором будет сейчас сказано.

В действительности армия редко будет строиться полукругом, она скорее построится ломаной линией, отступающей назад в центре. Некоторые писатели уверяют, что таким именно был боевой порядок англичан, давший им победу в знаменитых сражениях при Кресси и Азинкуре. Конечно, этот порядок лучше, чем полукруг, поскольку он не так сильно подставляет фланги и позволяет двигаться вперед уступами, сохраняя в то же время весь эффект сосредоточения огня. Однако все эти выгоды исчезают, как только неприятель, — вместо того чтобы неразумно броситься в вогнутый центр, — ограничится лишь наблюдением за ним, а сам бросится своими главными силами только на одно крыло.

Сражение при Эслингене в 1809 г. представляет собою еще один образец преимуществ вогнутой линии. Но из этого нельзя

заключить, что Наполеон напрасно допустил атаку своего центра. Нельзя судить об армии, сражавшейся при наличии в ее тылу Дуная и не имевшей возможности двигаться, не открыв своих мостов, точно так же, как и об армии, имевшей полную свободу маневрирования.

Выпуклый в центре боевой порядок (рис. 9) принимается для боя тотчас после перехода через реку, когда приходится отказаться от использования крыльев, чтобы, опираясь на реку, прикрыть мосты. Этот же порядок принимается в оборонительном бою, когда в тылу находится река, чтобы ее вновь перейти и прикрыть дефиле, как в Лейпциге. Наконец, этот же порядок можно принять, сопротивляясь противнику, образовавшему вогнутый порядок. Если противник направит свой удар на выступ или же на один из флангов выпуклого боевого порядка, то этот боевой порядок может привести армию к разгрому *. Французы построили такой боевой порядок при Флерюс в 1794 г. и имели успех, потому что принц Кобургский, вместо того чтобы обрушиться главными силами на центр или только на один из флангов боевого порядка, повел свои атаки по пяти или шести расходящимся радиусам, и притом против обоих флангов сразу.

Почти при таком же выпуклом боевом порядке происходило сражение при Эслингене, а также на второй и на третий день знаменитого боя при Лейпциге.

Боевой порядок с эшелонированием обоих крыльев в направлении к центру (рис. 10) похож на перпендикулярный боевой порядок (рис. 7). Нужно, однако, наблюдать, чтобы уступы сближались у центра, где надо держать резерв. Этот порядок лучше перпендикулярного потому, что неприятель имеет меньше времени и пространства, чтобы броситься в интервал центра и направить туда угрожающую контратаку.

Боевой порядок, эшелонированный уступами от центра к флангам (рис. 11), может с особым успехом применяться против армии, занимающей слишком широкую, растянутую и прерывчатую линию, так как в этом случае центр бывает изолирован от крыльев; каждое из крыльев в случае разрыва армии надвое будет наверняка разбито. Но, применяя к этому порядку основной принцип, нетрудно определить, что он менее

---

* Атака сразу на оба фланга тоже может при известной обстановке закончиться успехом, — именно тогда, когда имеется достаточно сил для такой попытки или когда неприятель не может взять войска из центра для поддержки крыльев

Вообще же говоря, особенно большие успехи дает демонстративная атака центра и главный удар по одному из флангов.

надежен против армии, занимающей сосредоточенное расположение, так как резервы, находящиеся обычно в близком расстоянии от центра, и крылья, если они могут действовать сосредоточенным огнем или предпринимая наступление против первых эшелонов, с легкостью могут их отбить.

Если это построение до некоторой степени похоже на знаменитый треугольник или «свиную голову» (caput porci) * древних и на колонну Винкельрида, то оно же и существенно отличается от них, так как при нем не образуется плотной массы, что было бы в наше время невозможно из-за артиллерийского огня, а наоборот, — в середине образуется большое пустое пространство, облегчающее маневр. Это построение, удобное, как уже сказано, для прорыва центра слишком растянутой линии, может также дать успех против линии, которая осуждена на неподвижность. Но если фланги атакованной линии и сумеют во-время воздействовать против флангов первых эшелонов, то и такой боевой порядок окажется не без неудобств. Лучше был бы, может быть, параллельный порядок, основательно усиленный в центре (рис. 4 и 12), потому что в этом случае параллельная линия могла бы, по крайней мере, ввести неприятеля в заблуждение относительно истинного пункта задуманного удара, что и помешало бы крыльям атаковать эшелоны центра во фланг.

Этот уступный порядок был принят Лаудоном для атаки укрепленного лагеря при Бунцельвице («Трактат о крупных операциях», гл. 28). В подобном случае он действительно выгоден, так как можно быть уверенным, что обороняющаяся армия, вынужденная оставаться в своих укреплениях, не предпримет никакой атаки против флангов эшелонов. Однако это построение имеет то неудобство, что выдает противнику тот пункт на линии, который собираются атаковать. Поэтому необходимо одновременно произвести демонстративные атаки против флангов, достаточно сильные, чтобы обмануть неприятеля насчет действительного пункта главного удара.

Штурмовой порядок с колоннами одновременно в центре и на одном из крыльев (рис. 12) выгоднее предыдущего, — в особенности, если его применять против непрерывной неприятельской линии. Можно даже сказать, что, по сравнению со всеми другими, это самый рациональный боевой порядок. В самом деле, атака в центр со вспомогательной атакой крыла, обходящего неприятеля, мешает последнему сделать то, что сделали Ганнибал и маршал Саксонский, т. е. обрушиться на

---

* Построение клином. — *Ред.*

фланг атакующего. Неприятельское крыло, сжатое между атакующим центром и крылом противной стороны, которому приходится, таким образом, сражаться почти со всей наступающей массой, по всей вероятности, будет подавлено и разгромлено.

Благодаря именно этому маневру Наполеон одержал победу при Ваграме и у Линьи. Этот же маневр он пытался использовать у Бородино, однако он ему удался не в полной мере вследствие героической обороны войск левого русского крыла и дивизии ген. Паскевича на знаменитом редуте в центре, а затем вследствие прибытия корпуса Багговута как раз на то крыло, которое он хотел обойти.

Этот же боевой порядок он использовал также под Бауценом, где одержал бы неслыханную победу, если бы не случай, расстроивший маневр его левого крыла, получившего задачу перерезать дорогу на Вуршен.

* * *

Мы должны заметить, что эти разнородные боевые порядки нельзя применять в том самом геометрическом виде, в каком они изображены на рисунках. Полководец, который захотел бы расположить свою боевую линию с такой же правильностью, как на чертеже или на учебном плацу, несомненно, был бы обманут в своих ожиданиях и разбит, особенно при современном способе ведения войны. Во времена Людовика XIV и Фридриха II, когда армии располагались лагерем в палатках и почти всегда сосредоточенно, когда они стояли по нескольку дней подряд одна против другой и имели достаточно времени, чтобы проводить симметрически проложенные дороги для подвода своих колонн к неприятелю на одинаковые расстояния, — тогда можно было строить боевую линию с такой же правильностью, как на чертеже. Но теперь, когда армии располагаются на биваках, когда организация армий в виде нескольких корпусов делает армии более подвижными, когда они бросаются друг на друга во исполнение приказов, заочно отдаваемых, и даже часто не имеют времени как следует разведать неприятельскую позицию, когда, наконец, различные рода войск смешиваются на боевой линии, — все боевые порядки, начерченные с помощью циркуля и линейки, ошибочны. Поэтому все эти чертежи служат лишь для приблизительного обозначения расположения, для обозначения системы расположения.

Если бы армии были плотными массами или предметами, которые можно было бы передвигать посредством блока, действием одной воли и столь же быстро, как мысль, то искусство одерживать победы свелось бы к умению выбрать наилучший

боевой порядок, и можно было бы рассчитывать на успех маневра, задуманного до боя. Но на самом деле происходит нечто совсем иное: главная трудность тактики сражений всегда будет состоять в одновременном введении в дело всех этих многочисленных отдельных частей, обязанных принять согласованное участие в атаке, на которой основана надежда на победу, или, лучше сказать, принять согласованное участие в выполнении главного маневра, который, по первоначальному плану, должен дать успех.

Точная передача приказов, то или иное понимание подчиненными главнокомандующему генералами приказов и выполнение их, излишнее рвение одних и вялость или недостаток военного глазомера у других — все это может мешать одновременному введению войск в дело, не говоря уже о разных непредвиденных случаях, которые могут воспрепятствовать прибытию какого-либо корпуса.

В результате мы получаем две непреложные истины: первая — чем проще решительный маневр, тем вернее и его успех, и вторая — что принятые в течение боя, отданные кстати, непредвиденные заранее распоряжения и решения с бо́льшим вероятием способны дать успех, чем заблаговременно задуманные и рассчитанные маневры, за исключением тех, которые, будучи о́снованы на предыдущих стратегических движениях, направили колонны, решающие исход сражения, на такие пункты, где результаты их действий не подвержены никакому сомнению. Ватерлоо и Бауцен подтверждают эту последнюю истину; с той минуты, как Бюлов и Блюхер дошли до высоты Фришермон, ничто уже не могло спасти французов от поражения. Продолжать сражаться значило для них только сделать поражение более полным. Точно так же и при Бауцене: как только Ней прибыл в Кликс, единственным спасением союзников было отступление ночью 20 мая, потому что 21 мая было уже поздно, и если бы Ней лучше выполнил то, что ему советовали, победа была бы огромной.

Что касается маневров для прорыва линии противника путем взаимодействия колонн, отправленных с того же фронта, что и остальные части армии, с задачей выполнить большие кружные движения для обхода неприятельского крыла, то их успех всегда сомнителен, потому что он зависит от редко встречающейся точности в расчете и выполнении, о чем мы будем говорить в ст. XXXII.

Независимо от трудности рассчитывать на точное построение заранее задуманного боевого порядка, часто случается, что сражение начинается без определенной цели даже со сто-

роны нападающего, хотя столкновение и было предусмотрено. Такая неопределенность может быть результатом или предшествовавших сражению событий, или незнания расположения и намерений неприятеля, или, наконец, ожидания части армии, которая еще не прибыла.

На основании этого многие пришли к заключению о невозможности свести формы боевых порядков в различные системы и об отсутствии влияния того или иного боевого порядка на исход боя. Такое заключение, по моему мнению, совершенно ложно, даже для приведенных выше случаев. В самом деле, даже в этих сражениях, начатых без определенного плана, армии в начале боя будут, по всей вероятности, находиться в линиях, почти параллельных одна другой и более или менее усиленных на том или другом пункте; обороняющийся, не зная, откуда грянет гром, будет значительную часть своих сил держать в резерве в целях влияния на развитие событий; тот, кто решился нападать, сделает вначале то же самое, чтобы иметь свои массы свободными для действий, где будет нужно; но лишь только нападающий определит пункт, по которому он решит нанести удар, его силы будут направлены или на центр, или на одно из крыльев, или на то и другое вместе. Таким образом, какой бы оборот ни приняло дело, всегда создается, приблизительно, одно из положений, показанных различными чертежами приведенной выше таблицы. Даже при непредвиденных встречах произойдет то же; это, надеюсь, доказывает, что классификация различных систем или боевых порядков не представляет собой пустой мечты и не бесполезна.

В самом деле, даже сражения Наполеона доказывают эту истину, хотя они менее всех прочих могут быть изображены размеренными циркулем линиями. Например, можно видеть, что при Риволи, Аустерлице и Регенсбурге Наполеон сосредоточивал свои силы в центре, в ожидании благоприятной минуты для нападения на неприятельский центр. При пирамидах он построил войска в каре уступами по косой линии; при Эслингене, Лейпциге и Бриене он образовал нечто вроде вогнутого порядка, почти сходного с рис. 7; при Ваграме он принял боевой порядок, совершенно схожий с рис. 12, притянув войска к правому крылу и к центру и отведя левое крыло; то же он хотел повторить при Бородино и при Ватерлоо до прибытия пруссаков. При Эйлау, — хотя столкновение и было почти непредвиденным, вследствие совершенно неожиданного возобновления русскими войсками наступления, — Наполеон вытянул левое крыло почти перпендикулярно, между тем как с другой стороны он старался прорвать центр; но в этих атаках не было

одновременности, — и атака на центр была уже в 11 часов отбита, тогда как Даву только к 1 часу дня сильно нажал на левое крыло.

При Дрездене он, — может быть, в первый раз в своей жизни, — атаковал обоими крыльями (флангами), потому что его центр был прикрыт крепостью и укрепленным лагерем, а сверх того, атака его левого крыла была согласована с атакой Вандамма на линию отступления союзников.

При Маренго, по словам самого же Наполеона, принятый им косой порядок, с опорой правого крыла на Кастель-Чериоле, спас его от почти неизбежного поражения. Сражения при Ульме и Иене были выиграны стратегически еще до того, как они были даны, и тактика играла в них весьма малую роль. При Ульме даже не было сражения.

Итак, думается, я вправе заключить из предыдущего, что если и глупо стремление к построению на местности прямолинейных геометрически правильных боевых порядков в том виде, в каком они показаны на чертежах, то все же, несмотря на это, искусный полководец легко может прибегнуть к такому приблизительному расположению, посредством которого он получит возможность применить свои действующие массы почти таким же образом, как в одном из указанных выше боевых порядков. При таких расположениях — как предусмотренных, так и внезапных — полководец должен стараться здраво рассудить, какой пункт сражения является важнейшим, а это он может сделать, рассмотрев и оценив положение неприятельской линии по отношению к решающим стратегическим направлениям. Тогда он должен направить свое внимание и усилия на этот пункт, используя одну треть сил для наблюдения или сковывания неприятеля и направляя остальные две трети на решающий пункт, овладение которым послужит залогом победы. Действуя таким образом, он выполнит все условия, какие только наука высшей тактики может предписать искуснейшему полководцу, и добьется совершеннейшего применения принципов военного искусства.

* * *

После того как я дал определение указанным выше 12 боевым порядкам, мне пришла мысль ответить на некоторые относящиеся к этому предмету утверждения в записках Наполеона, изданных ген. Монтолоном.

Великий полководец, повидимому, предполагал, что косой боевой порядок есть новейшая концепция и притом невыполнимая утопия. Я оспариваю как то, так и другое, потому что

косой боевой порядок столь же древен, как Фивы и Спарта, и в мое время я сам видел его применение на деле. Эти утверждения покажутся тем более удивительными, что Наполеон, как мы только что выше об этом говорили, сам хвастался успешным применением при Маренго того самого боевого порядка, существование которого он отрицает.

Если понимать косой боевой порядок в том безусловном смысле, какой ему придает ген. Рухель в Берлинской академии, то, конечно, Наполеон имел право считать его гиперболой. Но, я повторяю, боевой порядок никогда не был совершенной геометрической фигурой, и если подобные фигуры использовались в тактических дискуссиях, то лишь для того, чтоб оформить идею, пояснить ее каким-либо символом, изображением. Тем не менее верно и то, что если боевой порядок не параллелен и не перпендикулярен к неприятельскому боевому порядку, то он неизбежно будет косым. Так что, если армия атакует один из неприятельских флангов, усиливая атакующий фланг и оттягивая в то же время назад ослабленный фланг, то направление ее линии будет действительно несколько косое, потому что одно крыло будет дальше от неприятельской линии, чем другое. *Косой порядок столь мало похож на мечту, что всякий боевой порядок с уступами на одном крыле будет всегда косым.* А я видел немало сражений с таким эшелонированием.

Что касается других фигур, показанных на том же чертеже, то нельзя оспаривать, что при Эслингене и Флерюсе общее расположение австрийцев было выпуклым, а французов — вогнутым. Но эти два боевых порядка так же могут образовать параллельные линии, как и две прямые линии; поэтому оба эти порядка будут в системе параллельных, если ни одна из частей боевой линии не будет ни более усиленной, ни более близкой к неприятелю, чем другая.

Впрочем, оставим эти геометрические фигуры и признаем, что подлинная научная теория сражений должна ограничиваться нижеследующими положениями:

1. Наступательный боевой порядок должен иметь своей целью вытеснить неприятеля из его позиции всеми разумными средствами.

2. Маневр, предписываемый военным искусством, состоит в подавлении только одного крыла или же одновременно центра и какого-либо из крыльев; неприятеля можно также вытеснить маневром, имеющим целью обойти его.

3. Эти действия будут тем более успешны, чем больше их удастся скрыть от неприятеля до момента самого нападения.

4. Атаковать в одно и то же время центр и оба крыла, не имея весьма значительного превосходства в силах, означает полное отсутствие искусства, за исключением разве того случая, когда значительно усиливают одну из атак, избегая неуспеха остальных.

5. Косой боевой порядок есть не что иное, как расположение, стремящееся объединить для атаки и для подавления одного из крыльев не менее половины сил, удерживая в то же время другую часть сил вне досягаемости ударов неприятеля, что достигается или образованием уступов или косым расположением линии (рис. 5 и 12).

6. Различные построения — выпуклые, вогнутые, перпендикулярные и пр. — представляют собой двойную комбинацию параллельных или усиленных атак на одну только часть неприятельской линии.

7. Так как оборона должна стремиться мешать наступлению, то расположение оборонительного боевого порядка должно иметь целью увеличение затруднений для подхода атакующих войск и затем обеспечение обороны сильными, искусно скрытыми резервами, чтобы в решительную минуту произвести нападение там, где неприятель полагал встретить лишь слабое сопротивление.

8. Трудно с безусловной точностью определить наилучший способ атаки, чтобы принудить неприятеля оставить свою позицию; всякий боевой порядок или всякое построение, которое соединяет в себе выгоды огневого нападения с удобством натиска при атаке и с производимым ею моральным впечатлением, и будет наилучшим порядком. Искусное перемешивание развернутых линий и колонн, действующих попеременно, смотря по обстановке, всегда будет хорошей системой. Что же касается ее практического приложения, то большое влияние на возможные варианты всегда будут иметь следующие факторы: военный глазомер начальника, моральное состояние офицеров и солдат, их обученность всякого рода маневрированию и ведению огня, местные условия или характер местности.

9. Так как главная цель наступательного сражения заключается в атаке неприятеля и, особенно, в создании у него возможно большей дезорганизации, то для достижения этой цели следует обыкновенно рассчитывать на использование материальной силы, как на наиболее верное и действительное средство. Впрочем, случается иногда, что применение одной только материальной силы обещает настолько сомнительный успех, что легче становится выполнить свое намерение маневром в целях обхода или охвата того из неприятельских

крыльев (фланга), которое ближе к пути его отступления; это его принудит отступить из опасения быть отрезанным.

История изобилует примерами успеха подобного маневра, в особенности, когда он предпринимался против слабовольных генералов. Хотя победы, одержанные при помощи одного лишь этого средства, менее решительны и неприятельская армия редко бывает при этом серьезно расстроена, но и таких полууспехов достаточно для доказательства того, что подобными маневрами вовсе не нужно пренебрегать и что искусный генерал должен уметь применять их во-время, особенно же уметь комбинировать их по возможности с атаками живой силой.

10. Соединение обоих средств, т. е. одновременное применение материальной силы на фронте и обходного маневра во фланг, доставит победу вернее, чем раздельное применение одного из них; но в обоих случаях следует одинаково опасаться слишком разобщенных движений, имея перед собой хотя сколько-нибудь заслуживающего уважения неприятеля.

11. Средства для овладения неприятелькой позицией, т. е. для прорыва линии противника и для принуждения его к отступлению с помощью материальной силы, состоят в следующем: сначала нужно поколебать противника превосходством огня своей артиллерии, потом посеять у него беспорядок при помощи во-время произведенной кавалерийской атаки и, наконец, напасть на поколебленную таким образом линию массами пехоты, предшествуемой стрелками и обеспеченной с флангов несколькими эскадронами *.

Однако в случае успеха столь хорошо скомбинированной атаки на первую линию все же останется еще сломить вторую линию, а также сопротивление резерва; но тут затруднения атаки станут более серьезными, если только моральный эффект, произведенный поражением первой линии, не повлечет за собой, как это часто бывает, отступления и второй линии и не лишит атакованного генерала присутствия духа.

В самом деле, атакующие войска, несмотря на свой первый успех, будут в свою очередь несколько расстроены; часто будет весьма трудно заменить их войсками второй линии не только потому, что последние редко следуют за действующими массами до расстояния действительного огня пехоты, но и по-

---

* В ту минуту, как я решился вновь напечатать эту статью, я получил брошюру ген. Окунева об использовании артиллерии для прорыва линии; я о ней скажу несколько слов в ст. XLVII.

тому, в особенности, что всегда затруднительно в самом пылу сражения заменить одну дивизию другой, притом в тот момент, когда неприятель напрягает все свои силы для отбития атаки.

Следовательно, все это позволяет считать, что если бы генерал и войска атакуемой армии одинаково хорошо выполняли свой долг и сохраняли присутствие духа, если бы не было угрозы их флангам и их линии отступления, то выгода второго натиска почти всегда была бы на их стороне. Но для этого необходимо точно и быстро воспользоваться моментом, когда бывает выгодно двинуть вторую линию и кавалерию на победоносные батальоны неприятеля, иначе несколько потерянных минут могут лишить возможности поправить дело, и войска второй линии будут увлечены первой линией.

12. Из предыдущего можно вывести для атакующего следующую истину: «Самое трудное, но зато и самое верное средство для достижения успеха состоит в умении хорошо поддерживать действующую линию войсками второй линии, а эти последние — резервами; затем — верно рассчитать применение масс кавалерии и артиллерии для облегчения и поддержания последних решительных усилий против второй неприятельской линии, потому что в этом-то и состоит главнейшая задача тактики сражений».

Но как раз в этом-то важном акте теория становится трудно применимой, потому что ее одной недостаточно и она никогда не может итти в сравнение ни с природным военным гением, ни с инстинктивным военным чутьем, вырабатывающимся практикой боев.

Следовательно, одновременное применение возможно больших объединенных сил всех трех родов войск (оставляя, однако, у каждого из них небольшой резерв, который всегда необходимо иметь под рукой) * составляет в решительную минуту боя задачу, которую постарается решить каждый искусный генерал и которая должна ему служить руководящим правилом. А решительной обычно бывает та минута, когда первая линия одной из армий будет опрокинута и когда оба противника будут стремиться: один — довершить победу, а другой — вырвать ее из рук неприятеля. Едва ли нужно добавлять, что для большей верности и большей действительности

---

* Большие резервы должны также вводиться в дело, когда это нужно, но всегда хорошо иметь под рукой два или три батальона и пять-шесть эскадронов. Генерал Моро решил Энгенское сражение четырьмя ротами 58-го полка; всем также известно, что сделали при Маренго 9-й легкий полк и кавалерия Келлермана.

этого решительного удара самое мощное воздействие окажет одновременная атака на один из флангов неприятеля.

13. Ружейный огонь пехоты всегда будет играть бо́льшую роль при обороне, чем при наступлении, где надобно двигаться вперед, чтоб овладеть позицией, а стрелять и двигаться вперед — два дела, которые одновременно могут выполнять одни только застрельщики; для главных сил это очень трудно, если не невозможно. Так как задача обороняющегося заключается не в овладении позициями, а в приведении в расстройство и в уничтожении идущих на него колонн, то его первая линия, естественно, должна составляться из артиллерии и пехоты; позднее, когда неприятель станет сильно теснить первую линию, надо двинуть на него колонны второй линии и часть кавалерии; все заставляет предполагать, что тогда противник будет отбит.

Я не могу, — не вдаваясь в неопределенные, смутные теории, которые притом перешли бы поставленные этому очерку границы, — ничего больше добавить о сражениях, за исключением обзора тех комбинаций, которые могут иметь место в отношении построений и использования трех родов войск, что составит предмет главы VII.

Что касается деталей применения и выполнения различных боевых порядков, то в этом отношении наиболее полным сочинением является труд маркиза Тэрнэ, в котором эта часть является наиболее замечательной. Хотя можно и не поверить ему, что все им сказанное выполнимо в виду неприятеля, но справедливость все же требует признать, что это его сочинение — лучшее из всех до сих пор напечатанных во Франции сочинений по части тактики.

Статья XXXII

ОБ ОБХОДНЫХ МАНЕВРАХ И О СЛИШКОМ ШИРОКОМ РАЗМАХЕ ДВИЖЕНИЙ В СРАЖЕНИЯХ

В предыдущей статье мы говорили о маневре, предпринимаемом для обхода неприятеля в день сражения, и о том, что́ именно такой маневр может дать. Нам остается сказать несколько слов о слишком широком размахе движений, намечаемых иногда для такого маневра, из-за чего столько хорошо, казалось бы, задуманных планов окончились неудачей.

Как правило, всякое более или менее значительное передвижение, выполнение которого дает неприятелю время и возможность разбить отдельно половину армии, является движением оторванным и опасным. Но так как могущая от этого возникнуть опасность зависит от быстроты принятых противником мер, равно как и от принятой им системы войны, то легко понять, почему такие движения не удавались против одних и были удачны против других и почему подобные движения, имевшие слишком широкий размах при действиях против Фридриха, Наполеона и Веллингтона, приводили к полному успеху при действиях против посредственных генералов: последним или недоставало такта, для того чтобы вновь захватить инициативу и перейти в наступление, или же они сами привыкли употреблять разрозненные движения.

Таким образом, представляется достаточно трудным установить какое-либо абсолютное правило поведения. Повидимому, иного нет, как всегда иметь главные силы под рукой, чтобы использовать их в надлежащий момент, не впадая, однако, в противоположную крайность излишнего их напромождения. Тогда можно быть уверенным в возможности всегда встретить события во всеоружии. Но если имеют дело с противником неискусным или склонным чрезмерно растягивать свои силы, то можно рискнуть на большее.

Несколько взятых из истории примеров представят наилучшее доказательство этих истин и покажут разницу в результатах подобных движений в зависимости от армии и генерала, с которыми приходится меряться силами.

В Семилетней войне Фридрих одержал победу при Праге потому, что австрийцы оставили незанятым небольшое пространство в 500—600 туазов * между своим правым крылом и остальной частью армии, а эта последняя оставалась неподвижной в то время, когда правое крыло подвергалось разгрому. Такое бездействие тем более удивительно, что левому крылу австрийцев нужно было пройти гораздо меньшее пространство для оказания помощи своим войскам, чем Фридриху для достижения правого крыла, которое образовало запиб, вынуждая этим Фридриха произвести движение по дуге полукруга.

Наоборот, Фридрих едва не был разбит при Торгау, потому что, желая обойти правое крыло Дауна, он предпринял своим левым крылом слишком широкое и нескладное движение

---

* 1 туаз = 1,949 *м.* — *Ред.*

(около 2 лье *). Положение было исправлено концентрическим движением правого крыла короля, благодаря чему Молендорф был приведен на высоты Сиптица для присоединения к нему.

Сражение при Риволи было одним из классических образцов в этом роде: общеизвестно, что Альвинци и его начальник штаба Вейротер хотели окружить небольшую армию Наполеона, сосредоточенную на Риволийском плато. Известно также, что их центр был разбит в то время, когда их левое крыло завязло в оврагах Эча и когда Лузиньян пытался посредством дальнего обхода выйти правым крылом в тыл французам, где он вскоре был сам окружен и взят в плен.

Никто не забудет сражения при Штоккахе, в котором ген. Журдану пришла в голову несчастная мысль атаковать сосредоточенную армию в 60 000 чел. тремя малыми дивизиями по 7 000—8 000 каждая, удаленными одна от другой на расстояние в несколько лье, между тем как Сен-Сир с третьей частью армии (13 000 чел.) должен был продвинуться на 4 лье за правый фланг неприятеля, чтобы напасть на тыл этих 60 000, которые не могли не быть победителями разобщенных отрядов. Они должны были захватить в плен тот отряд, который был предназначен для их обхода. Сен-Сир только чудом избег этой участи.

Всем памятно также, как ген. Вейротер, стремившийся окружить Наполеона при Риволи, намеревался проделать то же и при Аустерлице, несмотря на полученный им суровый урок, так и не принесший ему пользы. Известно, что левое крыло союзников, желая опрокинуть правое крыло Наполеона, чтоб отрезать ему дорогу к Вене (куда он и не хотел возвращаться), проделывало круговые движения около 2 лье (8 *км*), тем самым оставив в линии незанятый промежуток в пол-лье (2 *км*). Наполеон воспользовался этим и для нападения на изолированный центр и для окружения затем этого левого крыла, загнанного в озера Тельниц и Мельниц.

Наконец, известно также, как Веллингтон выиграл сражение при Саламанке почти подобным же маневром, потому что левое крыло Мармона, который хотел отрезать ему дорогу на Португалию, оставило пустой промежуток в пол-лье, чем и воспользовался английский генерал для разгрома этого крыла, лишенного поддержки.

---

* 1 лье = 4 445 *м*.

Изданное мною описание десяти кампаний изобилует подобными примерами. Считаю излишним увеличивать здесь число их, потому что к сказанному нами они ничего не добавили бы для понимания опасности, происходящей не только от обходных маневров, но даже и от оставления всякого промежутка в боевой линии, когда приходится иметь дело с неприятелем, привыкшим к осторожной игре.

Легко понять, что, если бы при Риволи и Аустерлице Вейротер имел дело с Журданом, он, может быть, и уничтожил бы французскую армию, между тем как Наполеоном он был совершенно разбит. Генерал, атаковавший при Штоккахе четырьмя *небольшими,* изолированными, лишенными возможности помогать друг другу, *пакетами* массу в 60 000 чел., не сумел бы воспользоваться предпринятым против него слишком растянутым движением. Так же точно Мармон, к своему несчастью имевший дело при Саламанке с противником, наиболее признанное достоинство которого состояло в опытном и быстром тактическом взгляде, вероятно, имел бы успех, будь против него герцог Иоркский или Мур.

Из числа обходных маневров, увенчавшихся успехом в наше время, Ватерлоо и Гогенлинден дали самые блистательные результаты. Но в первом из этих сражений движение было почти стратегическое и сопровождалось множеством таких счастливых обстоятельств, стечение которых случается редко. Что касается Гогенлиндена, то тщетно было бы искать другого подобного примера в истории, когда одна бригада, будучи послана в лес, в гущу 50 000 чел., наделала бы столько чудес, сколько Ришпанс в западне Матенпоэ, где он, как казалось более вероятным, должен был бы сложить оружие.

При Ваграме от обходившего крыла Даву в значительной степени зависел успех этого сражения, но если бы он не был во-время поддержан сильной атакой центра, произведенной Макдональдом, Удино и Бернадотом, то весьма возможно, что дело приняло бы другой оборот.

Такое количество примеров, показывающих противоположные результаты, приводит, повидимому, к заключению, что на этот счет нельзя дать никаких правил. Но такое заключение было бы неправильным, так как, напротив, мне кажется очевидным следующее: «Принимая вообще очень сжатую и связную систему сражений, можно встретить во всеоружии все возможные события и не действовать наудачу; но прежде всего следует хорошо понять и оценить неприятеля, с которым надо сразиться, чтобы соразмерить смелость операций с его характером и с принятой им системой.

В случае численного, а также и морального превосходства можно предпринимать такие маневры, которые при численном равенстве сил и при равных способностях начальников были бы неосторожны.

Маневр для охвата и обхода какого-либо одного крыла должен быть связан с другими атаками и быть во-время поддержан усилиями остальной части армии, направленными против фронта неприятеля, либо против обходимого крыла, либо против центра.

Наконец, стратегический маневр, имеющий целью еще до сражения отрезать неприятеля от его сообщений и атаковать его, таким образом, с тыла, без потери в то же время своей линии отступления, дает гораздо более верные и гораздо более значительные результаты, а кроме того, этот маневр не вынуждает проделывать в сражении никаких рискованных передвижений».

* * *

Впрочем, повидимому, уже достаточно сказано о преднамеренных сражениях. Пора перейти к сражениям непредвиденным.

Статья XXXIII

О ВСТРЕЧЕ ДВУХ АРМИЙ НА МАРШЕ

Одним из самых драматических актов войны является непредвиденная встреча двух армий на марше.

В большей части сражений бывает так, что одна сторона ожидает другую, заняв предварительно определенную позицию, а другая армия атакует эту позицию, разведав ее по возможности лучше. Но часто также случается, в особенности при современном способе ведения войны и при возобновлении наступательных действий одной стороной, что одна армия идет навстречу другой с целью атаковать ее, не зная при этом, что и неприятель намеревается сделать то же самое. Вследствие этого возникает нечто вроде обоюдной внезапности, потому что обе стороны одинаково ошиблись в своих комбинациях, найдя противника там, где его никак нельзя было ожидать. Наконец, бывают и такие случаи, когда армия сама позволяет атаковать себя на марше противнику, подготовлявшему ей эту неожиданность, как то было с французами при Росбахе.

В таких-то именно важных случаях и проявляется гений искусного генерала, как воина, способного овладеть событиями; тут-то и познается великий полководец. Всегда возможно выиграть сражение с помощью храбрых войск, причем командующий армией не может себе приписать ни малейшего участия в успехе; но такие победы, как при Люцене, Люцаре, Эйлау, Абенсберге, могут быть результатом только крупного характера в соединении с большим присутствием духа и с мудрыми комбинациями.

Во встречах подобного рода так много случайностей и так много поэзии, что нелегко дать положительные правила для таких сражений. И все же именно в этом случае принципиально важно глубоко проникнуться основным принципом военного искусства и знать различные способы его применения, чтобы к этой цели устремлять все маневры, какие только можно организовать в самый момент события. Сказанное нами в ст. XXXI об импровизированных маневрах представляет собою, следовательно, единственное правило, которое можно дать для таких непредвиденных обстоятельств. Достаточно будет только скомбинировать их с предшествовавшими обстоятельствами и с обстановкой — как физической, так и моральной — у обеих сторон.

Двум армиям, совершающим марш, как это бывало прежде, со всеми лагерными принадлежностями и внезапно встретившимся на походе, не осталось бы, без сомнения, ничего иного, как прежде всего построить свои авангарды вправо или влево от дорог, по которым они следовали. Но в то же время каждая из них должна была бы объединить свои главные силы, чтобы направить их затем в соответствии с поставленной себе целью. Было бы грубой ошибкой развернуть всю армию позади ее авангарда, ибо даже в том случае, если бы и успели это сделать, то построили бы лишь самый невыгодный параллельный боевой порядок; если же неприятель сильно потеснил бы авангард, то привел бы в беспорядочное бегство все войска, еще находящиеся в движении.

При современной системе ведения войны, когда более подвижные армии следуют по нескольким дорогам, столькими же частями, сколько дорог, и притом частями, способными действовать независимо одна от другой, — такие частные поражения не так опасны, но принципы остаются те же самые. Надлежит всегда наметить и построить авангард, а потом соединить свои главные силы на подходящем пункте, в соответствии с целью, предположенной при выступлении с места. Таким образом можно противостоять любым маневрам неприятеля.

Статья XXXIV

О ВНЕЗАПНЫХ НАПАДЕНИЯХ НА АРМИЮ

Мы не намерены исследовать здесь те небольшие внезапные нападения, из которых состоит партизанская война или война легких войск и в которых русская и турецкая легкие кавалерии имеют такое превосходство. Мы будем говорить о внезапных нападениях на целые армии.

До изобретения огнестрельного оружия было гораздо легче производить внезапные нападения, чем в настоящее время, когда гром ружейной и пушечной пальбы не дает возможности напасть на армию совершенно врасплох, если только она не забудет основных требований полевой службы и не позволит неприятелю врезаться в свои ряды, за отсутствием выполняющих свой долг передовых постов. История Семилетней войны знает достопамятное внезапное нападение при Гохкирхе, как пример, достойный размышления. Он доказывает, что внезапное нападение заключается не только в том, чтобы броситься на спящие или на плохо охраняемые войска, но также и в том, чтобы скомбинировать атаку против одного из флангов войск, имея в виду напасть на войска врасплох и одновременно их обойти. Действительно, дело не в том, чтобы захватить неприятеля врасплох и бить людей поодиночке в их палатках, но в том, чтобы скрытно подвести свои силы к пункту, где желают напасть на неприятеля, прежде чем он успеет принять контрмеры.

С того времени, как армии перестали становиться лагерем в палатках, заранее задуманные внезапные нападения стали и более редкими и более затруднительными, потому что для этого надо в точности знать расположение неприятельского лагеря. Хотя при Маренго, Люцене и Эйлау и происходило нечто похожее на нападение врасплох, однако, по существу, это были лишь неожиданные атаки, которые все же нельзя назвать внезапными. В виде примера можно привести только одно большое нападение врасплох, а именно — в 1812 г. под Тарутиным, где Мюрат был внезапно атакован и разбит фельдмаршалом Кутузовым. Хотя Мюрат в оправдание своей неосторожности и говорил, что он полагался на молчаливое перемирие, однако никакого подобного условия не существовало, и допустил он захватить себя врасплох только по своей непростительной оплошности.

Очевидно, всего удобнее нападать на лагерь армии перед рассветом, в то время, когда она этого совсем не ожидает:

тогда замешательство неизбежно; и если, в дополнение к этому преимуществу, нападающий еще знает местность и дает своим силам подходящее тактическое и стратегическое направление, то он может надеяться одержать полную победу, если только при этом не возникнут какие-либо непредвиденные события. Не следует пренебрегать этой операцией, хотя случается она не так часто и является менее блестящей, чем большие стратегические комбинации, которые обеспечивают победу еще, так сказать, до вступления в бой.

По той же причине, по какой следует пользоваться всеми случаями для захвата своего противника врасплох, надлежит также принимать и все необходимые меры предосторожности во избежание подобных внезапных нападений. Правила, касающиеся этих мер предосторожности, имеются в уставах всех государств, — надо только исполнять их в точности.

Статья XXXV

ОБ АТАКАХ ЖИВОЙ (ОТКРЫТОЙ) СИЛОЙ КРЕПОСТЕИ, УКРЕПЛЕННЫХ ЛАГЕРЕЙ ИЛИ ЛИНИЙ. О ВНЕЗАПНЫХ НАПАДЕНИЯХ (ПОИСКАХ *) ВООБЩЕ

Есть много укрепленных городов, которые, не будучи крепостями, считаются, однако, обеспеченными от внезапного нападения, хотя они все же могут быть взяты штурмом — путем эскаладирования ** или с помощью проломов и брешей, а когда потребуется — также посредством лестниц и других средств для достижения бруствера.

Атака таких пунктов представляет собой почти те же комбинации, что и атака укрепленных лагерей, потому что она, подобно этой последней, входит в категорию больших поисков или внезапных нападений.

Подобного рода атаки, естественно, видоизменяются в зависимости от следующих обстоятельств: 1) мощи укреплений, 2) характера местности, на которой они расположены, 3) их связи с другими укреплениями или их изолированности, 4) морального состояния обеих сторон. История дает достаточно много примеров всякого рода атак.

Например, атаки укрепленных лагерей при Келе, Дрездене и Варшаве, укрепленных линий при Турине и Майнце, сильных

---

* Coups de main. — *Ред.*

** Эскаладирование—овладение крепостным валом непосредственно прямой атакой. — *Ред.*

укреплений Фельдкирха, Шарница и Ассиеты — вот события, сущность которых, а также исход неодинаковы. При Келе (1796 г.) укрепления были более связаны между собой и более закончены, чем в Варшаве; они представляли собой как бы предмостное укрепление из долговременных сооружений, поэтому эрцгерцог счел нужным вести правильную осаду,— да и в самом деле он не мог, не подвергаясь большой опасности, атаковать их живой силой. В Варшаве укрепления были изолированными, но весьма внушительного профиля, и их редюитом был большой город, обнесенный зубчатыми стенами, вооруженными и защищаемыми отчаявшимися войсками.

Дрезден в 1813 г. имел редюитом сомкнутый бастионный пояс, у которого, однако, один фронт был уже срыт и прикрывался лишь полевым бруствером; собственно лагерь состоял из простых редутов, весьма удаленных один от другого и весьма несовершенно выполненных, так что главную силу и составлял один редюит *.

В Майнце и Турине были непрерывные циркумвалационные линии, но если в первом городе эти линии были сильной профили, то этого нельзя сказать о линиях второго города, потому что они на важных пунктах представляли собой только плохой бруствер, высотой в 3 фута над горизонтом, с пропорциональным ему рвом. Кроме того, линии при Турине, обойденные и атакованные извне, попали между двух огней, потому что сильный гарнизон атаковал их с тыла в тот момент, когда принц Евгений напал на них со стороны их линии отступления. При Майнце они были атакованы с фронта; только небольшой отряд напал на правое крыло.

Существует очень немного таких тактических мер, которые можно было бы принять в подобного рода атаках полевых укреплений. Если полагают, что можно взять такое укрепление нечаянным нападением незадолго до рассвета, то нет ничего естественнее, как попытаться это сделать. Но если эта операция является наиболее естественной при захвате отдельных постов, то трудно предположить, чтобы армия, расположенная в виду неприятеля в большом укрепленном лагере, исполняла свой долг столь плохо, что позволила бы противнику напасть на себя врасплох, тем более что по всем воинским правилам и уставам с появлением зари все службы должны находиться под ружьем. Таким образом, если

---

* В Дрездене в первый день (25 августа) число защитников достигало 24 000 чел., на другой день их было уже 63 000, а на третий день — более 100 000.

вероятно, что дело все же дойдет до штурма живой (открытой) силой, то из самой сущности такой операции вытекают нижеследующие меры предосторожности, как самые простые и самые целесообразные:

1. Сначала необходимо подавить неприятельский огонь сильнейшей артиллерией, которая в то же время выполнила бы еще и другую цель, — поколебала бы моральное состояние обороняющихся.

2. Следует снабдить войска всеми нужными средствами (как то: фашинами, малыми лестницами), чтобы облегчить засыпку рва и тем самым штурм бруствера.

3. Нужно направить на укрепление, которое желают взять, три небольших колонны и поддержать их стрелками, держа при этом резервы на таком расстоянии, чтобы они также могли их поддерживать.

4. Необходимо пользоваться всеми неровностями местности для укрытия войск и открывать последние как можно позже.

5. Следует дать главным колоннам точные указания, что̀ именно они должны делать после захвата одного из укреплений, когда дело дойдет до атаки неприятельских сил, занимающих лагерь. Наконец, нужно назначить кавалерийские части, которые должны способствовать атаке, если местность это позволяет. После этого останется сделать только одно: бросить войска с возможно большей быстротой на эти укрепления в то самое время, когда один отряд будет обходить их с горжи, потому что в таких случаях малейшая нерешительность хуже самой дерзкой отваги.

Мы добавим, однако, что гимнастические упражнения, имеющие своей целью приучить солдат к влезанию на укрепления и к атакам укрепленных постов, были бы столь же полезны, как и все прочие ученья, и что новейшая балистика могла бы удачно направить умы инженеров на изыскание средств для облегчения перехода через полевой ров и влезания на бруствер.

Из всех прочитанных мной диспозиций для подобных случаев лучше всего были составлены диспозиции для штурма Варшавы и укрепленного лагеря при Майнце. Тильке дал нам содержание диспозиции Лаудона для атаки Бунцельвицского лагеря, которая хотя и не была выполнена, тем не менее может быть рекомендована в качестве хорошего примера.

Атака Варшавы может быть особо упомянута, как одна из лучших операций этого рода. Она в одинаковой степени делает честь как главнокомандующему Паскевичу, так и выполнившим эту операцию войскам. Вот пример того, что в таком

случае надлежит делать! Что же касается того, чего нужно избегать, то с этой точки зрения нельзя привести в пример ничего худшего, чем диспозиции для атаки Дрездена в 1813 г. Авторы или редакторы этих диспозиций не могли бы придумать ничего лучшего, если бы они хотели помешать взятию этого лагеря. С этими диспозициями можно ознакомиться в сочинении ген. Плото, хотя там они помещены уже в просмотренном и исправленном виде.

К этой категории атак можно причислить достопамятные штурмы или эскалады порта Магона в 1756 г. и Бергопцома в 1747 г. Как тот, так и другой, хотя им и предшествовали осады, были, тем не менее, блестящими внезапными нападениями, потому что не имелось достаточной бреши для правильного штурма. Штурмы Праги, Очакова и Измаила могут быть отнесены к той же категории атак; хотя в этих городах земляные рвы, частью обвалившиеся, способствовали эскаладе, тем не менее ее выполнение заслуживает одобрения.

* * *

Что касается сплошных укрепленных линий, то хотя они и кажутся лучше связанными между собой, чем отдельные укрепления, но взять их еще легче, потому что, будучи построены на протяжении нескольких лье, они создают почти полную невозможность помешать неприятелю проникнуть в каком-либо одном пункте. Взятие Майнцских и Вейссенбургских укрепленных линий, описанное нами в «Истории революционных войн» (гл. 21 и 52), а также укрепленных линий Турина, захваченных принцем Евгением Савойским в 1706 г., представляют собой уроки, которые следует изучать.

Знаменитое событие под Турином, о котором мы уже часто упоминали, слишком хорошо известно, чтобы еще раз напоминать о сопровождавших его обстоятельствах; однако на самом деле нельзя воздержаться от замечания, что никогда еще победа не доставалась столь дешево и никогда еще не было труднее ее замыслить. Стратегический план был поистине удивителен; движение от Эча через Пиаченцу к Асти, по правому берегу По, с оставлением французов на Минчио, было задумано превосходно. Что же касается действий под Турином, то надо признать, что победители были скорее счастливы, чем мудры. Принцу Евгению не было надобности в большом напряжении ума для составления отданного им по армии приказа. Надо было слишком сильно презирать своего противника, чтобы выполнить марш, поставивший 35 000 чел. союзников, десяти различных наций, между 80 000 французов

и Альпами. Фланговый марш 35 000 чел., прогуливавшихся в продолжение двух суток вокруг лагеря французов, был самым отважным фланговым маршем, который когда-либо совершался. Самая же диспозиция для атаки была столь кратко написана и столь мало поучительна, что в настоящее время заурядный офицер генерального штаба сумеет составить лучшую диспозицию. Предписать образование 8 пехотных колонн по-бригадно в две линии, приказать им овладеть укреплениями и сделать в них проходы, чтобы следовавшие за ними кавалерийские колонны могли проникнуть в лагерь, — вот и вся та наука, которую принц Евгений сумел использовать для выполнения своего смелого предприятия. Правда, он искусно выбрал самый уязвимый пункт укрепления, — настолько слабый, что он имел всего лишь 3 фута высоты над горизонтом и не прикрывал своих защитников даже до пояса.

Что касается генералов, командовавших лагерем под Турином, то панегирик им составлен одним из историков принца Евгения. Г. де-М., не боясь уменьшить славу своего героя, наивно негодует на французский двор, который *хвалил генералов, заслуживавших за свои действия по всей справедливости эшафота.* Несомненно, он хотел сказать это только о Марсене, так как всем известно, что герцог Орлеанский восставал против идеи ожидания неприятеля в окопах и что две полученные им раны лишили его возможности с самого начала боя присутствовать при атаке. Настоящий же виновник искупил своей благородной смертью ошибку, которую ничто не может извинить *.

Но я увлекся своим предметом, и надо возвратиться к рассмотрению наиболее удобных способов атаки укрепленных линий. Если последние столь сильной профили, что штурм их опасен, и если, напротив, их можно обойти с фланга или зайти им в тыл посредством стратегического маневра, то это средство всегда лучше неверного по своему исходу штурма. В противном случае, если имеются какие-либо побудительные причины для предпочтения штурма, надо избирать для атаки какой-либо пункт на одном из крыльев, так как противнику, естественно, легче поддержать центр, чем фланги. Впрочем, бывали и такие примеры, когда атака одного из крыльев, справедливо считавшаяся обороняющимися наиболее вероятной,

---

* Альберготти был виновен не менее Марсена: будучи поставлен с 40 батальонами на правом берегу По, где не было атаки, он отказался итти на помощь Марсену, что всегда бывает в подобных случаях, потому что всякий заботится только о занимаемом им самим пункте.

давала возможность ввести противника в заблуждение: по этому направлению вели довольно сильную, но ложную атаку, между тем действительная атака, будучи направлена на центр, именно потому и удавалась, что казалась невероятной. В комбинациях подобного рода местность и сообразительность генералов должны подсказать наилучший способ действий.

Впрочем, что касается выполнения атаки, то нет основания принимать какие-либо иные меры, кроме рекомендованных для атаки укрепленных лагерей. Но так как такие укрепленные линии, — в прежние времена, по крайней мере, — часто имели профиль и размеры долговременных укреплений, то может случиться, что их эскаладирование будет затруднительно, за исключением земляных, уже несколько устаревших укреплений, у которых скаты от времени обвалились и удобны для взятия приступом легкой пехотой. Таковы были, как мы уже сказали, укрепления Измаила и Праги, такова же была и цитадель Смоленска, которую с такой доблестью защищал от нападений Нея ген. Паскевич. Паскевич предпочел оборону лежавших перед цитаделью рвов отступлению за плохой бруствер с крутизной едва в 30°.

Если укрепленная линия опирается на большую реку, то безрассудно, повидимому, даже надеяться проникнуть на примкнутое к реке крыло, потому что неприятель, собрав свои силы и держа главные из них близ центра, сможет опрокинуть колонны, продвигающиеся между рекой и главными силами, и тогда полная гибель их будет неизбежной. Однако бывали примеры, что и подобное безрассудство удавалось, потому что неприятель, выбитый из своих укрепленных линий, редко когда помышляет о переходе к наступательным действиям, сколь бы выгодными они ни казались: ведь генерал и солдаты, ищущие убежища в укреплениях, уже наполовину побеждены, и самая мысль перейти к наступательным действиям не приходит им в голову, когда их укрепления уже захвачены. Во всяком случае нельзя советовать проделать подобный маневр; генерал, который предпринял бы такую попытку и подвергся бы участи Таллярда при Гохштедте, не должен был бы жаловаться на судьбу.

* * *

Относительно обороны укрепленных лагерей и линий нельзя дать много правил. Главное правило, бесспорно, состоит в выделении значительных резервов, располагаемых между центром и обоими крыльями, или, лучше сказать, на правой оконечности левого крыла и на левой оконечности правого. Таким

способом можно с наибольшей быстротой успевать оказывать помощь прорванному участку фронта, чего один находящийся в центре резерв сделать не успеет. Некоторые даже полагают, что и три резерва не будут лишними, если укрепление очень растянуто. Лично я предпочел бы иметь только два резерва. Еще одно не менее важное правило состоит в том, чтобы войска не были угнетены мыслью, будто положение их станет отчаянным, если неприятель в каком-либо одном пункте прорвет их укрепленную линию. Раз имеются хорошие резервы, которые во-время захватят инициативу и перейдут к наступательным действиям, можно победить, сохранив присутствие духа и введя в дело резервы в надлежащее время и в надлежащем пункте. Войска, защищающие ров и бруствер, должны поступать в соответствии с теми указаниями, которые даны им инженерами, и в соответствии с принятыми при осадах правилами; впрочем, нужно признать, что еще нет хорошего труда о службе пехоты при осадах и в укрепленных лагерях, понятного для офицеров этого рода войск. Составление подобного труда не имеет ничего общего с этим очерком, потому что это — дело устава, а не догматической * книги.

О ВНЕЗАПНЫХ НАПАДЕНИЯХ (ПОИСКАХ)

Внезапное нападение (поиск) — это смелое предприятие одного из отрядов армии для овладения каким-либо более или менее важным и более или менее сильным постом **.

Внезапное нападение связано в одно и то же время и с захватом противника врасплох и с атакой его живой силой, причем для достижения цели оба эти способа применяются в равной мере. Хотя с внешней стороны предприятия подобного рода относятся почти исключительно к области тактики, однако нельзя не сознаться, что все их значение зависит от соотношений, существующих между захваченными постами и стратегическими комбинациями происходящих операций. Поэтому мы должны будем сказать о них несколько слов в ст. XXXVI, где будем говорить об отрядах. Но как бы ни были досадны повторения, мы все же вынуждены и здесь упомянуть о них с точки зрения их выполнения, которое полностью входит в область атаки укреплений.

---

* Т. е. построенной на отвлеченных положениях, признаваемых непреложными. — *Ред.*

** Следует различать важность и силу атакуемого пункта, потому что многое нужно для того, чтобы сильный пункт был в то же время и важным.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что мы хотим подчинить их правилам тактики, так как уже самое слово «внезапное нападение» показывает, что подобное предприятие выходит из рамок обыкновенных правил. Мы приводим их здесь только для памяти, отсылая наших читателей к различным историческим и дидактическим сочинениям, в которых о них говорится.

Мы уже говорили о результатах, иногда весьма важных, которых можно ожидать от подобного рода предприятий. Взятие Сизополя в 1828 г., неудачное нападение ген. Петраша на Кель в 1796 г., единственные в своем роде внезапные нападения на Кремону в 1702 г., на Гибралтар в 1704 г. и на Бергопцом в 1814 г., равно как и овладение портом Магона и Бадахоса, — все эти примеры могут дать представление о различного рода внезапных нападениях. Результаты одних из них объясняются неожиданностью нападений, а других — действиями живой силы: ловкость, хитрость и отвага являются при осуществлении подобных предприятий необходимыми условиями успеха.

При нынешнем способе ведения войны овладение каким-либо постом, сколь бы силен он ни был по своему положению, не может уже иметь того значения, какое некогда приписывалось таким операциям, за исключением разве того случая, когда овладение подобным пунктом дает какое-либо стратегическое преимущество, могущее повлиять на результаты крупной операции.

Взятие или разрушение укрепленного моста, разгром большого обоза или небольшого укрепления, прикрывающего важные проходы, — например, атаки, произведенные в 1799 г. на форт Люциштейг в Гризоне, взятие Неем в 1805 г. Лейтеша и Шарница; наконец, овладение пунктом, хотя и не укрепленным, но являющимся важным для неприятеля складом продовольствия и боеприпасов,—все такие предприятия могут считаться окупающими опасности, которым подвергаются отряды, назначаемые для их выполнения.

В последние войны казаки также иногда пробовали производить внезапные нападения. Атака Лаона князем Лопухиным, взятие Касселя и Шалона, хотя и имели свои выгоды, но тем не менее входят в категорию второстепенных действий, главное назначение которых состоит в том, что ими тревожат и беспокоят неприятеля.

Какие вообще правила можно дать для выполнения подобного рода действий? Мемуары Монлюка и военные хитрости («стратагемы») Фронтена, — эти старинные истории, которые

кажутся относящимися к другому миру, — могут, однако, по этому поводу сказать гораздо больше меня; эскаладирование, внезапность и ужас не могут быть подчинены правилам.

Одни брали укрепления, наполняя рвы или фашинами, или мешками с шерстью, иногда для этой цели употребляли даже навоз; другие добивались успеха, применяя лестницы, без которых вообще редко отваживаются на подобные предприятия; наконец, использовали даже железные шипы, привязывая их к рукам и к сапогам солдат для влезания на скалы, которые господствовали над укреплениями. Некоторые входили в укрепление по трубам для стока нечистот, как вошел принц Евгений в Кремону.

Читая описания таких событий, нужно не выискивать рецепты, но проникаться вдохновением, если только есть основание рассчитывать, что удавшееся одному может послужить правилом для другого. Было бы поэтому желательно, чтобы какой-либо любознательный офицер взял на себя труд собрать в подробном историческом сочинении описания всех наиболее интересных внезапных нападений. Этим он оказал бы большую услугу не только генералам, но и каждому из подчиненных, которым случилось бы принять участие в подобных попытках, где часто сообразительность лишь одного человека может привести к успеху.

Что касается меня, то я исполнил свой долг, показав здесь главные отношения, в каких эти предприятия находятся к общему ходу операций. Впрочем, мы отошлем читателя к тому, что было сказано в начале настоящей статьи о способе атаки полевых укреплений, так как это единственная военная операция, имеющая некоторое сходство с внезапными нападениями, когда последние выполняются открытой силой.

ГЛАВА V

О РАЗЛИЧНЫХ СМЕШАННЫХ ОПЕРАЦИЯХ, ОТНОСЯЩИХСЯ ОДНОВРЕМЕННО К СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ

Статья XXXVI

О ДИВЕРСИЯХ И БОЛЬШИХ ОТРЯДАХ *

Отряды, которые армия может оказаться вынужденной сформировать во время какой-нибудь кампании, настолько влияют на успех всех ее операций, что создание их приходится рассматривать как один из важнейших вопросов войны, но вместе с тем и особо щекотливых.

Действительно, если нет ничего более полезного, чем большой отряд, когда он создан кстати и хорошо сконструирован, то не может быть ничего вреднее такого отряда, который сформирован не в соответствии с задачей. Фридрих II считал даже, что одним из важнейших качеств военачальника является умение побуждать противника формировать отряды, чтобы затем либо захватывать эти отряды, либо нападать на армию во время их отсутствия.

---

* Полк. Вагнер в уже упоминавшемся его переводе сделал ряд замечаний по поводу настоящей статьи, справедливость которых я высоко ценю; они побудили меня дать статье совершенно новую редакцию. Если у нас остались еще расхождения в оценке тех или других вопросов, то я полагаю, что они не имеют большого значения. Я сомневался, не поместить ли настоящую статью в главе о стратегии или о смешанных операциях, но хотя в конечном итоге и кажется более подходящим отнести ее к вопросу о стратегических операциях, все же несомненно, что отряд, призванный вести бой, входит в тактические комбинации; поэтому я считаю, что настоящая статья должна быть помещена здесь.

Отрядомания была настолько сильна, что в порядке обратного увлечения многие пришли к мнению, будто можно обходиться без отрядов. Несомненно, было бы намного вернее и гораздо приятнее всегда держать свою армию в сборе в одной массе; но, поскольку это совершенно невыполнимо, приходится решаться на формирование отрядов, когда это становится бесспорно необходимым для самого успеха операции, которую предполагается выполнить. Главное заключается в том, чтобы создавать таких отрядов возможно меньше.

Отряды бывают нескольких видов:

1) большие корпуса, высылаемые далеко за пределы операционной зоны для исполнения диверсии в более или менее важных точках;

2) большие отряды, сформированные в операционной зоне для прикрытия важных пунктов этой зоны, для образования осадного корпуса, для охранения второстепенного базиса и для защиты операционной линии, если она находится под угрозой;

3) большие отряды, сформированные на операционных фронтах, в непосредственном соприкосновении с противником, для непосредственного содействия намеченному предприятию;

4) малые отряды, высылаемые далеко вперед для производства внезапных нападений на посты, захват которых мог бы быть полезен.

Я понимаю под диверсиями те второстепенные действия, которые организуются вдали от главной операционной зоны, на окраинах театра войны, и на которых было бы неразумно основывать успех кампании. Подобные диверсии полезны только в двух случаях: если выделяемый для этого корпус не может быть использован, вследствие своего удаления, в другом месте, или если корпус этот брошен в пункт, где он находит большую поддержку среди масс населения; последнее относится уже скорее к области политических комбинаций, чем к военному искусству. Чтобы понять сказанное, будет не лишним привести несколько примеров.

Гибельное влияние экспедиции англо-русских сил против Голландии, а также похода эрцгерцога Карла на ход дел коалиции в конце 1799 г., о чем мы уже говорили выше, до сих пор еще живы в памяти всего мира; было бы бесполезно повторять их.

В 1805 г. Наполеон занимал Неаполь и Ганновер. Союзники вздумали направить англо-русский корпус для его изгнания из Италии и англо-русско-шведский корпус для удаления его из Ганновера. Для этих двух центробежных походов было предназначено около 60 000 чел. Но пока войска собирались на

двух окраинах Европы, Наполеон распорядился очистить Неаполь и Ганновер, Сен-Сир присоединился к Массена во Фриуле, а Бернадот, покинув Ганновер, направился для принятия активного участия в развитии событий у Ульма и Аустерлица. После этих ошеломляющих успехов было легко взять Неаполь и Ганновер. Вот доказательство против диверсий.

Приведем пример условий, в которых они могли бы оказаться уместными.

Если бы союзники во время гражданских войн 1793 г. выделили из своих армий отряд в 20 000 чел. опытных боевых частей для высадки в Вандее, у них получился бы значительно больший результат, чем от усиления тех масс, которые безуспешно вели воинские операции под Тулоном, на Рейне и в Бельгии. Вот пример, когда диверсия могла не только быть полезной, но и иметь решающее значение.

* * *

Мы говорили, что независимо от дальних диверсий и легких корпусов часто применялись большие отряды также в операционной зоне армии.

Если злоупотребление этими крупными отдельными корпусами для более или менее второстепенных целей представляется еще более опасным, чем злоупотребления диверсиями, то в то же время нельзя не признать, что применить их часто бывает выгодно, а иногда и совершенно необходимо.

Эти отряды бывают двух основных видов. Первый представляется в виде постоянных корпусов, создание которых иногда бывает необходимо в направлении, противоположном тому, где происходят военные действия, и которые должны будут маневрировать там в течение всей кампании. Ко второму виду относятся отдельные временно выделяемые корпуса, которые должны оказать полезное влияние на ход какой-нибудь одной операции.

К числу отрядов первого вида следует отнести прежде всего отдельные части армии, выделенные либо для образования стратегического резерва, о котором мы говорили, либо для прикрытия операционной линии и пути отступления, когда общая конфигурация театра войны может подвергнуть их непосредственной опасности неприятельских ударов. Например, русская армия, при желании перевалить через Балканы, вынуждена оставить часть своих сил для наблюдения за Шумлой, Рущуком и долиной Дуная, которая упирается под прямым углом в операционную линию; как бы ни были велики достигнутые успехи, всегда придется оставить заметные силы либо против

Джурджева, либо против Крайовы, и даже на правом берегу реки против Рущука.

Одного этого примера достаточно, чтобы доказать, что бывают случаи, когда нельзя отказаться от двойного операционного фронта, а это потребует выделить корпус для встречи части неприятельской армии, которую пришлось бы оставить позади себя в тылу. Мы могли бы перечислить другие географические условия и другие условия обстановки, в которых такая мера была бы не менее нужна. Одним из таких случаев являлся бы двойной операционный фронт в Тироле и во Фриуле для французской армии, переправляющейся через реку Эч (Адиж); в какую бы сторону она ни захотела направить свой главный удар, она не смогла бы этого сделать, не выделив на другой фронт корпус, соразмерный могущим оказаться здесь неприятельским силам, в противном случае она лишилась бы всех своих коммуникаций. Третий пример — граница Испании, тоже представляющая для испанцев удобства для создания двойного операционного фронта, одного — прикрывающего прямой путь на Мадрид, другого — базирующегося либо на Сарагоссу, либо на Галисию. В какую бы сторону ни желали действовать, необходимо с другой стороны оставлять отряд, соразмерный силам противника.

Все, что может быть сказано на эту тему, сводится к тому, что выгодно возможно больше расширять район операций и восстанавливать подвижность оставленных для наблюдения сил всякий раз, когда это может быть сделано и когда дело будет итти о нанесении решающих ударов. Одно из наиболее замечательных доказательств этой истины было дано Наполеоном в кампанию 1797 г. Будучи вынужден оставить корпус в 15 000 чел. в долине реки Эч, чтобы удерживать Тироль, пока операции будут происходить в Норических Альпах, Наполеон предпочел этот корпус притянуть к себе, рискуя поставить на некоторое время под удар свою линию отступления, лишь бы не оставлять обе части своей армии разъединенными под угрозой быть разбитыми по частям. Уверенный, что он победит силами своей армии, если он ее объединит, он решил, что временное присутствие нескольких неприятельских отрядов на его коммуникациях после этого уже не представит никакой опасности.

Большие подвижные и временные отряды создаются для следующих целей:

1) для принуждения противника к отходу путем угрозы его операционной линии или для прикрытия своей собственной линии;

2) для упреждения неприятельского корпуса и воспрепятствования его сосредоточению или же для облегчения сосредоточения ожидаемых подкреплений;

3) для наблюдения и удержания значительной части неприятельской армии, в то время как намечается нанести удар по другой части этой армии;

4) для захвата продовольственного или боевого транспорта, от которого могли бы зависеть продолжение осады или успех стратегического предприятия, либо для прикрытия подхода транспорта, который ожидаем мы сами;

5) для производства демонстрации в целях привлечения противника на направление, по которому желательно направить его движения, чтобы облегчить операцию, предпринятую в другом направлении;

6) для маскировки и даже для захвата одного или нескольких крупных укрепленных городов в течение определенного времени, при намерении атаковать их или же при предположении ограничиться осадой гарнизонов за их стенами;

7) для захвата важного пункта на коммуникациях уже отступающего противника.

Какой бы заманчивой ни казалась возможность достичь целей, указанных в приведенном выше перечне, все же нужно признать, что все они представляют собой более или менее второстепенные объекты; поскольку сущность состоит в том, чтобы быть победителем в решающих пунктах, следует остерегаться излишнего увлечения многочисленными отрядами, так как было немало примеров, что армии терпели неудачу вследствие того, что не сумели остаться сосредоточенными.

Мы приведем здесь несколько таких операций для доказательства того, что их успех или неудача зависят в одних случаях от благоприятных условий, в других — от дарований их руководителя, а еще чаще — от ошибок исполнения.

Всем известно, как Петр I подготовил поражение Карла XII, лишив его, при помощи усиленного корпуса, того знаменитого транспорта, который вел к нему Левенгаупт. У всех в памяти также, как Виллар совершенно разбил у Дэнэн большой отряд, который принц Евгений сформировал под начальством герцога Альбермаль в 1709 г.

Уничтожение большого транспорта, который Лаудон отнял у Фридриха во время осады Ольмюца, вынудило короля очистить Моравию. Судьба двух отрядов Фуке у Ландсгута в 1760 г. и Финка у Максена в 1759 г. равным образом свидетельствует, как трудно избежать необходимости образования отрядов и проистекающих от этого опасностей.

В более близкие к нам времена поражение Вандама у Кульма было кровавым уроком против слишком опрометчивого применения корпусов. Однако приходится признать, что в этом последнем случае маневр был задуман умело, и ошибка состояла не столько в том, что отряд был выделен, сколько в том, что его не поддержали своевременно, а это легко могло быть выполнено. Отряд Финка был уничтожен у Максена почти на той же местности и по тем же причинам.

Что касается диверсий-демонстраций, производимых в самом районе действий армии, то они положительно выгодны, если скомбинированы с целью заставить противника выйти в какой-нибудь точке, к которой желательно привлечь его внимание, тогда как свои главные силы сосредоточиваются в совершенно противоположной точке, где предполагается нанесение решительного удара. В этом случае следует не только избегать того, чтобы корпус, назначенный для этой демонстрации, ввязался в бой, но и отозвать его возможно скорее к корпусу, предназначенному для сражения. Мы приведем два примера, подтверждающие целесообразность такого рода предосторожностей.

В 1800 г. Моро, желая ввести в заблуждение Крэя относительно действительного направления своего марша, направил свое левое крыло из Келя к Раштадту, двигаясь в то же время со своей армией на Штокках; его левое крыло, только показавшись, отклонилось затем назад к своему центру через Фрейбург к Брисгау.

В 1805 г. Наполеон, владея Веной, бросает корпус Бернадота на Иглау с целью вызвать переполох в Богемии и парализовать действия эрцгерцога Фердинанда, который там сосредоточивал корпус; в другом направлении он бросает Даву на Прессбург, чтобы произвести впечатление на Венгрию. Но он сейчас же их опять собирает обратно к Брюнну, с тем чтобы они могли прибыть туда для участия в решающем ударе, от которого зависела участь всей кампании. Результатом этих разумных маневров явилась исключительная победа. Такого рода операции нужны для поощрения маневрирования.

Из всего предшествующего легко убедиться, что нет возможности дать абсолютные нормы для столь разнородных операций, успех которых к тому же зависит от такого большого количества трудно уловимых частностей. Дело талантов и глазомера полководцев судить о том, когда им следует рисковать отрядами. Все допустимые указания мы уже привели: следует создавать возможно меньше отрядов и

возвращать их обратно, как только они выполнят свое назначение.

Сверх того, можно частично исправить присущие им недостатки, если дать тем, кто ими командует, хорошие инструкции. В этом и состоит самый большой талант начальника штаба.

Одно из средств, могущих также содействовать предотвращению досадных результатов применения отрядов, это — ни в коем случае не пренебрегать ни одной из предписываемых тактикой предосторожностей: удваивать их силы при помощи хороших позиций, не упуская в то же время из виду, что вообще благоразумнее не вводить их в серьезный бой против несоответственно больших сил. При подобных обстоятельствах подвижность является первым средством их спасения. Лишь в небольшом числе случаев отряд обязан принять решение — победить или умереть на позиции, которую он захватил или которая ему указана.

Как бы то ни было, бесспорным является то, что при всех возможных предположениях предписания тактики и полевой фортификации применимы в такой же степени к крупным отрядам, как и к самой армии.

Поскольку в числе отрядов, могущих быть полезными, мы упомянули о малых отрядах, предназначаемых для внезапных налетов, укажем несколько случаев подобного рода, которые позволят об этом судить. Вспоминается налет, совершенный русскими в конце 1828 г. для захвата Сизополя в Бургасском заливе. Захват этого слабо укрепленного поста, который спешно старались прикрыть, давал в случае удачи важную опорную точку по ту сторону Балкан для заблаговременного устройства здесь складов армии, которая должна была перевалить через эти горы; в случае неуспеха это не вызвало бы никаких осложнений даже для небольшого отряда, располагавшего обеспеченным отходом на свои суда.

Равным образом, в кампанию 1796 г. налет, посредством которого австрийцы попытались овладеть Келем и разрушить в нем мост в то время, когда Моро возвращался из Баварии, мог бы иметь весьма существенные результаты, если бы он не потерпел неудачи.

В подобного рода предприятиях рискуют немногим, чтобы выиграть много, а потому, раз такие предприятия не могут ни в какой мере принести вреда главным силам армии, их можно только приветствовать. К той же категории надо отнести и направление легких корпусов в самую середину операционной зоны противника.

Несколько сот всадников, брошенных таким образом наугад, не составят большой потери, но часто могут причинить противнику значительный вред. Легкие отряды, сформированные русскими в 1807, 1812 и 1813 гг., сильно мешали операциям Наполеона и неоднократно приводили их к неудаче, перехватывая приказы и прерывая сообщения. Для подобного рода экспедиций предпочтительно назначают ловких и в то же время отважных офицеров, вообще известных под названием «партизан». Как подлинные разведчики, они должны причинять возможно больший вред противнику, не слишком подвергая себя опасности. Конечно, когда представляется случай нанести хороший удар, они должны уметь также ринуться сломя голову на противника, но, вообще говоря, ловкость и присутствие духа, для избежания всякой ненужной опасности, являются настоящими необходимыми партизану качествами, еще в большей мере необходимыми, чем разумная отвага.

Статья XXXVII

О ПЕРЕПРАВАХ ЧЕРЕЗ МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ РЕКИ

Переправы через небольшие реки, на которых имеются уже готовые мосты или где их можно построить, не связаны ни с какими комбинациями, относящимися к высшей тактике или стратегии. Но переправы через большие реки, вроде Дуная, Рейна, По, Эльбы, Одера, Вислы, Инна, Тичино и т. п., являются операциями, заслуживающими изучения.

Искусство наводить мосты есть специальность офицеров саперных и понтонных частей. Мы будем рассматривать переправы не в этом отношении, а как нападение на военную позицию и как военный маневр.

Переправа сама по себе есть действие тактическое. Но выбор места переправы связан с крупными операциями, обнимающими весь театр войны. Переправа ген. Моро через Рейн в 1800 г., о которой мы уже говорили, может служить примером, помогающим лучше оценить мое утверждение. Наполеон, — более искусный стратег, чем ген. Моро, — хотел, чтобы последний переправился всей массой при Шафгаузене, с целью выйти в тыл всей армии ген. Крэя, предупредить эту армию под Ульмом, отрезать ее от Австрии и оттеснить к Майну. Но ген. Моро, имевший уже готовое предмостное укрепление в Базеле, предпочел с большими удобствами переправиться против неприятельского фронта, чем обойти его

левый фланг. Тактическое преимущество казалось ему надежнее всяких стратегических преимуществ. Он предпочел полууспех выгодам победы, которая, хотя и могла бы быть решительной, была подвержена большим случайностям. В ту же кампанию переправа Наполеона через реку По представляет другой пример, доказывающий, насколько в стратегии важен выбор места для переправы. Резервная армия после боя при Киузеле могла итти левым флангом от реки По к Турину или же, переправившись через реку при Крешентино, следовать прямо к Генуе. Наполеон предпочел перейти через реку Тичино, вступить в Милан, соединиться там с ген. Монсей, пришедшим туда с 20 000 чел. через Сен-Готард, и только потом уже переправиться через По при Пиаченце, будучи уверенным, что таким образом он надежнее опередит ген. Меласа, чем повернув слишком рано на его путь отступления. Переправа в 1805 г. через Дунай при Донауверте и Ингольштадте была операцией почти такого же рода: направление, избранное Наполеоном, было главной причиной уничтожения армии ген. Макка.

Выгодное в стратегическом отношении место переправы легко можно определить по правилам, изложенным в ст. XIX. Однако нелишне будет напомнить, что при переправе через реку, — точно так же, как и при всякой другой операции, — бывают решающие пункты: одни — постоянные или географические, а другие — относительные или случайные, зависящие от размещения неприятельских сил.

Если избранное для переправы место соединяет стратегические преимущества с тактическими удобствами местности, то лучшего и желать нечего. Но если бы оно представляло местные почти непреодолимые препятствия, то следовало бы избрать другое место, предпочитая при этом пункт, ближе всего расположенный к стратегическому направлению, на которое надо выйти. Независимо от этих общих соображений, которые должны влиять на выбор места для переправы, есть еще одно, относящееся к самой местности. Наиболее выгодным местом для переправы будет то, где армия по переходе через реку сможет расположить свой операционный фронт и боевую линию перпендикулярно к реке, хотя бы на первых переходах, не будучи при этом вынуждена разделяться на несколько корпусов, следующих по разным направлениям. Эта выгода избавит армию также и от опасности принять сражение, имея в тылу реку, как это случилось с Наполеоном при Эслингене.

Изложенного вполне достаточно для выяснения тех стратегических соображений, которые должны решать вопрос о выборе

места для переправ. Теперь пора сказать о самом выполнении переправ. История — наилучшая школа для изучения мер, могущих обеспечить успех этой операции. Переправу Александра через реку Граник древние изобразили как чудо, хотя Граник можно назвать ручьем. Переправы, произведенные в новейшие времена, несравненно больше заслуживают чести быть упомянутыми.

Переправа Людовика XIV через Рейн при Тольгюйзе наделала много шуму, — и надо признать, что она заслуживает быть отмеченной.

В наши времена ген. Дедон прославил две переправы: одну — через Рейн при Келе, а другую — через Дунай при Гохштедте в 1800 г. Его сочинением можно руководствоваться как классическим трудом, с точки зрения подробностей выполнения, а при переправах точность в выполнении деталей — это все.

Наконец, три другие переправы через Дунай и навеки знаменитая переправа через Березину превзошли все, что до тех пор было известно об этого рода операциях.

Две первые переправы через Дунай были совершены Наполеоном при Эслингене и Ваграме в виду 120-тысячной неприятельской армии, располагавшей 400 артиллерийских орудий, и в одном из самых широких мест этой реки. Надо прочитать любопытное описание этих переправ ген. Пеле. Третья переправа произведена была русской армией в 1828 г. при Сатунове. Хотя ее и нельзя сравнивать с предыдущими, однако она была весьма замечательна по чрезвычайно трудным местным препятствиям и по характеру усилий, которые пришлось приложить для их преодоления. Что же касается до переправы через Березину, то она во всех отношениях была изумительной. Так как в мои намерения не входит давать здесь исторические подробности, я отсылаю читателей к полным описаниям этого события, а здесь только вкратце изложу общие правила, касающиеся переправ.

1. Необходимо вводить неприятеля в заблуждение относительно места, где будет совершаться переправа, чтобы он не сосредоточил там своих средств сопротивления. Помимо стратегических демонстраций, надо производить также ложные нападения вблизи места переправы, чтобы рассредоточить средства, собранные неприятелем в этом месте. С этой целью половина артиллерии должна производить возможно больше шума во всех тех пунктах, где переправа не предполагается, тогда как на действительно выбранном пункте переправы, где идет серьезная подготовка, должна царить полнейшая тишина.

2. Надо насколько возможно прикрывать постройку мостов, перевезя войска на лодках на противоположный берег, чтобы оттеснить оттуда неприятеля, который мог бы воспрепятствовать производству работ. Эти войска должны тотчас же овладеть деревнями, лесами или другими препятствиями, находящимися вблизи переправы.

3. Весьма важно также выставить батареи крупного калибра не только для уничтожения целей, расположенных на противоположном берегу, но и для того, чтобы приводить к молчанию артиллерию, которую неприятель захотел бы сосредоточить с намерением разрушать мосты по мере их постройки. Для этого необходимо, чтобы берег, с которого переправляется наступающий, был несколько выше противоположного берега.

4. Большой остров невдалеке от неприятельского берега создает большие удобства для высаживания войск. Равным образом, наличие небольшой речки, впадающей в болышую реку вблизи места переправы, позволяет собирать на ней лодки и скрывать подготовку к переправе.

5. Место для переправы весьма выгодно избирать там, где река образует входящую излучину или колено, чтобы, поставив на своем берегу батареи, обеспечивать перекрестным огнем по подходам надежный выход войск на противоположный берег и воспрепятствовать неприятелю нападать на батальоны по мере их переправы.

6. Месту, избранное для наведения мостов, должно находиться вблизи хороших дорог на обоих беретах, чтобы армия после переправы могла найти удобные пути сообщения, в том числе и для сосредоточения. Поэтому надо избегать таких мест, где берега очень круты, особенно со стороны неприятеля.

Что касается организации обороны против переправы неприятеля, то правила ее вытекают из самой сущности правил для атаки с целью переправы; поэтому они должны иметь своей задачей помешать выполнению вышеизложенных мер по обеспечению переправы. Главное — в том, чтобы легкими отрядами войск наблюдать за рекой, не пытаясь защищать ее повсюду, а затем быстро сосредоточиться к угрожаемому пункту и разгромить противника в то время, когда переправится только часть его армии. В этом случае нужно подражать действиям герцога Вандомского при Кассано и еще более крупным действиям эрцгерцога Карла при Эслингене в 1809 г., представляющим собой достопамятный пример, заслуживающий величайшей похвалы, хотя победитель и не воспользовался полностью плодами одержанной им победы.

В томе I мы уже упомянули о том влиянии, какое могут иметь на направление операционных линий переправы через большие реки, произведенные в начале какой-либо операции или кампании. Нам остается лишь исследовать влияние, оказываемое ими на стратегические передвижения, предпринимаемые непосредственно за переправами.

Одной из наибольших трудностей, возникающих после переправ, является прикрытие мостов от неприятеля, без стеснения, однако, при этом действий армии. Когда переправы производятся при большом численном превосходстве или после уже одержанных больших побед, тогда дело это не так затруднительно. Совсем иное, когда переправа предпринимается в начале кампании в виду неприятеля, почти равного по силам.

Если 100 000 французов переправляются через Рейн в Маннгейме или Страсбурге в виду 100 000 немцев, то первым их делом должно быть оттеснение неприятеля по трем направлениям: прямо перед собой — до гор Шварцвальда, вправо — для прикрытия мостов Верхнего Рейна и влево — для прикрытия мостов со стороны Майнца и Нижнего Рейна. Эта необходимость влечет за собой нежелательную разброску войск. Чтобы уменьшить вытекающие из этого неудобства, отнюдь не следует полагать, что армию необходимо разделить на три равные части или что эти отряды должны существовать дольше нескольких дней, пока не будет разведано, где сосредоточены неприятельские силы.

Во всяком случае нельзя не отметить, что для главнокомандующего это одно из затруднительнейших положений, потому что, если он разделит силы для прикрытия своих мостов, то может наткнуться с одним из своих трех отрядов на главные силы неприятеля, которые его уничтожат; если же он соединит свои силы на одном направлении, а неприятель введет его в заблуждение относительно своего пункта сосредоточения, то он может подвергнуть свои мосты опасности захвата или уничтожения и очутиться в критическом положении.

Самое надежное средство в этом случае будет состоять в том, чтобы построить мосты вблизи какого-нибудь города, который можно быстро укрепить для защиты мостов, и лишь после того выполнять свои первоначальные операции всеми силами и со всей быстротой, последовательно бросаясь на отдельные части неприятельской армии и поражая их так, чтобы отнять у них всякую охоту тревожить мосты. В иных случаях к этому можно еще прибавить систему эксцентрических (расходящихся) операционных линий. Если неприятель раз-

дробит свою 100-тысячную армию на несколько корпусов, которые займут позиции для наблюдения, и если произвести переправу равными силами в одном из пунктов, близких к центру этого кордона, то неприятельский оборонительный корпус, находящийся изолированно у этого центра, будет быстро опрокинут. Тогда без риска можно образовать два корпуса по 50 000 каждый, которые, приняв расходящиеся направления, наверняка рассеют отдельные неприятельские отряды, разбросанные по внешним направлениям, воспрепятствуют им впоследствии соединиться и таким образом все более и более будут отдалять их от мостов. Но если, наоборот, переправа будет совершена на одной из оконечностей неприятельского стратегического фронта, то, быстро напав на этот фронт, можно разбить его на всем его протяжении, как Фридрих тактически разбил австрийскую линию при Лейтене на всей ее длине. Тогда при всех своих движениях вперед армия будет иметь мосты в своем тылу и прикрывать их. Так, Журдан в 1795 г., переправившись в Дюссельдорфе на правом фланге австрийцев, мог без всяких опасений продвигаться к Майну. Если он и был опрокинут, то лишь потому, что французы, имея двойную и внешнюю операционную линию, оставили 120 000 чел. как бы парализованными на всем протяжении от Майнца до Базеля, между тем как Клерфайт теснил Журдана к Лану. Но это обстоятельство нисколько не меняет явной выгодности переправы против оконечности неприятельского стратегического фронта. Главнокомандующий должен будет применить или эту систему, или изложенную выше — для масс, бывших в момент переправы центральными, а потом расходящимися, в зависимости от обстоятельств, от расположения границ и базисов и, наконец, от расположения неприятеля. Эти комбинации, о которых мы уже сказали несколько слов в статье об операционных линиях, не показались мне неуместными и в этой статье, потому что их отношения к выбору места для мостов составляют главный предмет настоящего рассуждения.

Иногда случается, что важные причины побуждают предпринимать двойную переправу на протяжении одного и того же операционного фронта, как это было с Моро и Журданом в 1796 г. Если, с одной стороны, благодаря этому приобретается выгода в виде двойного пути отступления, то, с другой, — возникает то неудобство, что, действуя подобным образом на обе оконечности неприятельского фронта, мы сами принуждаем его, так сказать, сосредоточиться в центре и даем ему возможность разбить обе армии порознь. Такая

операция всегда будет иметь нежелательные последствия, если имеют дело с генералом, способным воспользоваться этим нарушением принципов.

Все, что можно советовать в таком случае, это — уменьшить невыгоды двойной переправы, направляя по крайней мере главные силы на один из выбранных пунктов, который вследствие этого сделается решающим, и потом по возможности быстро сблизить оба корпуса на внутренних направлениях, во избежание отдельного их поражения. Если бы Журдан и Моро следовали этому правилу и соединились у Донауверта, вместо того чтобы двигаться в расходящихся направлениях, то они, по всей вероятности, добились бы больших успехов в Баварии, а не были бы отброшены к Рейну.

Впрочем, этот вопрос относится к двойным операционным линиям, к которым нам нет надобности возвращаться.

Статья XXXVIII

ОБ ОТСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ

Из всех военных операций, бесспорно, самыми трудными являются отступления; это настолько справедливо, что знаменитый принц де-Линь со свойственным ему остроумием говорил, будто он не понимает, каким образом армии удалось отступить. В самом деле, если подумать о физическом и моральном состоянии, в каком находится армия, когда она отступает вследствие проигранного сражения, и принять во внимание трудность поддержания в ней порядка, а также гибельные последствия, которые могут произойти в случае возникновения малейшего беспорядка, то легко понять, почему самые опытные генералы с таким трудом решаются на отступление.

Какую систему следует рекомендовать для отступления: нужно ли сражаться, чего бы то ни стоило, до наступления ночи, чтобы затем отступить, пользуясь ее темнотой, или же, быть может, лучше не ожидать последней крайности и оставлять поле сражения, когда еще можно произвести отступление в порядке? Нужно ли форсированным маршем постараться ночью удалиться от неприятеля на возможно большее расстояние или же остановиться в порядке в полупереходе, делая вид, будто вновь собираются принять бой? Каждый из этих способов, удобный в одних случаях, может в других повлечь за собой полную гибель армии, и если теория ведения войны

бессильна в некоторых отношениях, то это, бесспорно, справедливо в отношении отступлений.

Если вы хотите с полным напряжением сил продолжать бой до наступления ночи, то можете подвергнуться полному поражению прежде, чем настанет ночь, а кроме того, если вынужденное отступление должно начаться в тот именно момент, когда все начинает покрываться мраком, — то каким образом избегнуть расстройства армии, которая больше не знает и не видит, что она делает? Если же, напротив, покинуть поле сражения среди бела дня и не ожидая последней крайности, то можно проиграть сражение как раз в тот момент, когда сам противник уже отказывается от продолжения своих атак; это повлечет за собой полную потерю доверия войск, всегда расположенных осуждать благоразумных вождей, которые решаются отступать, не будучи к тому явно вынуждены. Сверх того, кто же может поручиться, что дневное отступление в виду неприятеля, хотя бы и мало предприимчивого, не обратится в повальное бегство?

Когда, наконец, отступление начнется, то не меньшее затруднение будет заключаться в том, чтобы решить, нужно ли для большего выигрыша времени и пространства форсировать марш, потому что поспешность может закончиться или гибелью армии, или же ее спасением. Все, что можно утверждать по этому вопросу, заключается в том, что с более или менее значительной армией предпочтительнее, вообще говоря, отступать медленно, малыми и хорошо рассчитанными переходами, потому что в таком случае имеется возможность образовать многочисленные арьергарды, чтобы удерживаться в продолжение некоторой части дня против головных частей неприятельских колонн. Впрочем, мы еще вернемся к этим правилам.

Отступления бывают разного рода, — в зависимости от вызывающих их причин.

Отступают добровольно еще до начала сражения, чтобы завести неприятеля на пункт, менее для него выгодный, чем тот, на котором он находится. Это скорее разумный маневр, чем отступление. Так, в 1805 г. Наполеон отступал от Вишау к Брюнну для завлечения союзников в тот пункт, который для него был выгоден. Таким же образом Веллингтон отступал от Катр-Бра к Ватерлоо. Наконец, это то, что я советовал сделать до атаки Дрездена, как только стало известно о прибытии Наполеона. Я указывал на необходимость движения на Дипподисвальде для выбора там выгодного поля сражения, но эту идею спутали с отступлением, и рыцарская честь

помешала отступить, не обнажив меча, чем, однако же, была бы избегнута катастрофа следующего дня (26 августа 1813 г.).

Отступают также, не потерпев поражения, с целью обороны какого-либо угрожаемого пункта, находящегося или на флангах или на пути отступления. Когда двигаются вдалеке от своих складов, в разоренной местности, то можно быть вынужденным отступать, чтобы приблизиться к складам. Наконец, вынужденно отступают после проигранного сражения или вследствие неудачного предприятия.

Но не только эти разнородные причины влияют на соображения об отступлении. Они меняются в зависимости от характера страны, от расстояний, которые нужно пройти, и от препятствий, которые неприятель может противопоставить. Отступления особенно опасны, когда они производятся по неприятельской территории: чем отдаленнее от границ и от операционного базиса тот пункт, откуда начинается отступление, тем оно затруднительнее и опаснее.

Со времени знаменитого, столь справедливо прославленного отступления 10 000 греков и вплоть до ужасной катастрофы, постигшей французскую армию в 1812 г., в истории не так много примеров замечательных отступлений. Отступление Антония, вытесненного парфянами из Мидии, было не столько славно, сколько трудно. Отступление императора Юлиана, преследуемого теми же парфянами, было разгромом. В новейшие времена отступление, совершенное Карлом VIII для возвращения в Неаполь, минуя главную итальянскую армию в Форну, относится к числу не менее известных. Отступление маршала Белиля от Праги не заслуживало тех похвал, которые ему были возданы. Отступление, совершенное прусским королем после снятия осады Ольмюца и после захвата Гохкирха, было весьма хорошо организовано, но оно не может быть отнесено к разряду глубоких отступлений. Отступление ген. Моро в 1796 г., столь пристрастно превознесенное, заслуживало уважения, однако в нем не было ничего чрезвычайного *. Но то отступление, которое совершила русская армия в 1812 г. от Немана до Москвы на расстояние в 240 лье (960 *км*), не допустив себя расстроить или частично разбить такому неприятелю, как Наполеон, и такой кавалерии, какая находилась под руководством неутомимого и отважного Мюрата

---

* Отступление Лекурба от Энгадина до Альторфа и Макдональда через Понтремоли после поражения на Треббии, так же как отступление Суворова от Муттенталя до Куары были славными военными делами, но имели лишь временный и непродолжительный характер.

конечно, должно быть поставлено выше всех прочих. Несомненно, что этому отступлению благоприятствовало множество обстоятельств; однако это нисколько не уменьшает его достоинств, если и не в отношении стратегических талантов генералов, руководивших вначале отступлением, то, по крайней мере, в отношении удивительной уверенности, стойкости и твердости войск.

Наконец, хотя отступление от Москвы и явилось для Наполеона кровавой катастрофой, все же нельзя оспаривать того, что оно прославило как его самого, так и его войска под Красным и при Березине; он сумел спасти кадры своей армии, тогда как должен был бы потерять их до последнего человека. В этом достопамятном событии обе стороны покрыли себя одинаковой славой, только возможности и результаты были различны.

Величина расстояний и характер страны, через которую нужно проходить; средства, предоставляемые этой страной; препятствия, которые противник может создать на флангах и в тылу; превосходство в кавалерии или недостаток ее; дух войск — вот главные факторы, влияющие на участь отступления, независимо от искусных распоряжений, которые могут быть сделаны начальниками для их обеспечения.

Армия, отступающая по собственной территории к своей линии складов с запасами, может держать войска сосредоточенно, поддерживать в них порядок и совершать отступление с большей безопасностью, чем армия, которой приходится искать квартиры, чтобы жить, и рассредоточиваться, чтобы найти квартиры. Нелепо было бы требовать, чтобы в 1812 г. французская армия, отступавшая от Москвы к Неману без всяких продовольственных запасов и нуждавшаяся в кавалерии и в упряжных лошадях, совершала отступление в таком же порядке и с такой же уверенностью, как русская армия, которая была всем снабжена, действовала на собственной территории и прикрывалась бесчисленной легкой кавалерией.

Существует пять различных способов отступления:

1) всей массой войск по одной дороге;

2) по той же дороге, но разделившись на эшелоны в два или три корпуса, следующие один за другим на расстоянии в один переход, чтобы избежать замешательства, особенно в артиллерийских парках и обозах;

3) по нескольким параллельным дорогам, ведущим к одной цели, наблюдая, чтобы головы колонны шли на одной линии;

4) выступать из двух удаленных друг от друга пунктов, идя эксцентрически к одной цели;

5) идя, наоборот, концентрически по нескольким сходящимся дорогам.

Я не говорю о распоряжениях, относящихся к арьергарду; разумеется, всегда нужно формировать хороший арьергард и поддерживать его частью резервной кавалерии. Распоряжения подобного рода общи для отступлений всех видов, — здесь же речь идет только о действиях со стратегической точки зрения.

Нерасстроенная армия, отступающая с намерением принять сражение после того, как она или соединится с ожидаемым ею подкреплением или дойдет до намеченного ею стратегического пункта, должна преимущественно придерживаться первого способа отступления, так как он обеспечивает наибольшую компактность частям армии и позволяет последней вступить в бой, когда она этого захочет. Для этого ей достаточно только остановить головы колонн и под прикрытием последних выстраивать остальные войска по мере их прибытия.

Само собою, однако, разумеется, что армия, принявшая этот способ действий, не должна вся, в полном составе, итти по одной большой дороге, когда она может найти малые боковые пути, которые ускорили бы и обезопасили ее передвижение.

Наполеон, отступая от Смоленска (в 1812 г.), предпочел второй способ (отступление эшелонами) движению целой армией и сделал при этом тем более тяжелую ошибку, что неприятель преследовал его не сзади, а в поперечном направлении, почти перпендикулярно к середине его разобщенных корпусов. Три дня боя под Красным, столь пагубные для его армии, были результатом этой ошибки. Отступление эшелонами по одной дороге может производиться только с намерением избежать загромождения последней. Но для этого достаточно, чтобы между часами выступления разных корпусов был такой промежуток, который необходим для прохождения артиллерии, и нет никакой надобности оставлять между корпусами расстояние в целый переход. Надо только разделить армию на две части и иметь арьергард, держа эти части на расстоянии полуперехода одна от другой. Эти массы, выступая постепенно, с промежутком в два часа между их корпусами, могли бы двигаться беспрепятственно и без помех, по крайней мере, по обычной местности. На Сен-Бернаре и на Балканах, разумеется, необходимы другие расчеты.

Я эту мысль отношу к армии в 120 000—150 000 чел., с арьергардом в полупереходе численностью от 20 000 до 25 000 чел. Остальная часть армии делится на две массы,

каждая силою около 60 000, располагаемые эшелонами на расстоянии от 3 до 4 лье (12—16 *км*) одна от другой. Два или три корпуса, из которых будет состоять каждая из этих масс, также могут быть эшелонированы по направлению дороги или же построены в две линии по обеим сторонам ее. Как в том, так и в другом случае, если один корпус в 30 000 чел. выступит в 5 час. утра, а другой—в 7 час., то нет основания опасаться загромождения пути, за исключением лишь непредвиденного случая, потому что другая масса, выступая в те же самые часы с места, находящегося в 4 лье (16 *км*) позади, придет только между полуднем и 2 час. на то место, которое первая уже давно оставила.

Если существуют проселочные дороги, проходимые хотя бы для пехоты и кавалерии, то благодаря этому сильно уменьшатся интервалы. Излишне добавлять, что для такого марша надо иметь при себе продовольствие и что движение третьего вида вообще предпочтительнее, потому что тогда двигаются в боевом порядке; наконец, при большой продолжительности дневного времени и в жарких странах следует двигаться попеременно и ночью и рано утром. Впрочем, хорошо рассчитать и скомбинировать походные движения и привалы войск — одна из труднейших отраслей логистики; особенно при отступлениях это является важнейшим делом.

Многие генералы пренебрегают регулированием времени остановок на привалы, что является причиной всех беспорядков на маршах, так как каждая дивизия или бригада полагает, что она может остановиться, когда солдаты немного устали или встретили хороший бивак. Чем значительнее армия и чем сосредоточеннее она передвигается, тем важнее точное регулирование времени выступления и привалов, — в особенности, когда решаются на ночные переходы. Несвоевременная остановка части колонны может причинить такой же вред, как и бегство.

Если противник теснит арьергард, то армия должна остановиться, чтобы сменить его свежими силами. Неприятель, видя выстроившиеся 80 000 чел., тоже должен будет остановиться для сбора своих колонн; с наступлением ночи отступление должно быть возобновлено.

Третий способ отступления, т. е. отступление по нескольким параллельным дорогам, весьма выгоден, когда эти дороги находятся на довольно близком расстоянии одна от другой. Но когда они слишком удалены одна от другой, то каждое крыло армии, будучи разобщено от прочих колонн, может подвергнуться отдельному поражению, если неприятель,

обратив против него свои главные силы, принудит его к сражению. Доказательством может служить движение в 1806 г. прусской армии от Магдебурга к реке Одеру.

Четвертый из указанных способов отступления есть не что иное, как знаменитая система расходящихся линий, которую я приписывал Бюлову и с таким жаром оспаривал в первых изданиях моих сочинений, так как, по-моему, нельзя было ошибаться ни на счет смысла его текста, ни на счет цели его системы. Я понял из его определения, что он предлагает и советует отступать раздельно из данного пункта по эксцентрическим (расходящимся) направлениям как для того, чтобы легче уклониться от преследования неприятеля, так и для того, чтобы остановить его, угрожая его флангам и его собственной операционной линии. Я порицал подобную систему по той причине, что разбитая армия уже и без того достаточно слаба, чтобы еще более ослаблять себя нелепым разделением своих сил на глазах победоносного неприятеля.

Пятый способ — концентрическое отступление по двум сходящимся дорогам, без сомнения, наиболее выгоден, если в момент получения приказа об отступлении войска находятся на значительном расстоянии друг от друга. В этом случае самое лучшее — соединить свои силы, а для достижения этой цели концентрическое отступление (по сходящимся дорогам) является единственным средством.

Бюлов нашел защитников, которые утверждали, что я плохо понял смысл его слов, потому что под эксцентрическими (расходящимися) отступлениями он отнюдь не разумел отступлений по многим расходящимся направлениям, но имел в виду тот случай, когда — вместо того чтобы направляться к центру операционного базиса или к центру страны, — идут в эксцентрическом направлении от этого фокуса операций, следуя на окружность границ.

Может быть, я действительно ошибся в отношении его намерения. В таком случае моя критика сама собой отпадает, потому что я сам сильно поддерживал отступления подобного рода, назвав их параллельными отступлениями. В самом деле, мне кажется, что армия, оставляя путь, который ведет от окружности границ к центру государства, чтобы направиться вправо или влево, будет двигаться по направлению, почти параллельному к линии границ или к своему операционному фронту и своему операционному базису. Отсюда следует, что, повидимому, более рационально дать название параллельных тем отступлениям, которые следуют по этому последнему направлению, и оставить название эксцентрических

(расходящихся) отступлений тем, которые от операционного фронта идут в расходящихся направлениях.

Как бы ни было с этим спором о словах, единственной причиной которого является неясность бюловского текста, я осуждаю только отступления расходящиеся, выполняемые по нескольким радиусам, под предлогом, что таким образом можно прикрыть наибольшее протяжение границ и упрожать неприятелю на обоих флангах.

Употребляя эти пышные слова о «флангах», придают важный вид системам, наиболее противоречащим принципам военного искусства. Отступающая армия всегда слабее как физически, так и морально, потому что и отступает-то она вследствие неудач или своей численной слабости. Следует ли еще больше ослаблять ее раздроблением? Я не против отступлений, выполняемых многими колоннами для облегчения следования, если эти колонны могут поддерживать одна другую; я говорю только о тех отступлениях, которые производятся по расходящимся операционным линиям. Представим себе армию в 40 000 чел., отступающую перед армией в 60 000 чел. Если первая из этих армий образует 4 отдельные дивизии, каждая около 10 000 чел., то разве неприятель, маневрируя двумя группами по 30 000 чел. каждая, не будет в состоянии обойти, окружить, рассеять и уничтожить постепенно все эти дивизии? Какие у них имеются средства для того, чтобы избежать такой участи? *Только сосредоточиться!* Но так как такой способ находится в противоречии с расходящимся расположением и движением, то эта система расхождения сама собой отпадает.

Чтобы сделать мои рассуждения более убедительными, я сошлюсь на великие уроки опыта. Когда первые дивизии итальянской армии были отброшены Вурмзером, то Бонапарт собрал их все при Ровербелла, и хотя у него было только 40 000 чел., он разбил 60 000, потому что имел дело только с отдельными колоннами. Если бы он предпринял расходящиеся отступления, то что стало бы с его армией и с его завоеваниями? Вурмзер после этой первой неудачи предпринял расходящееся отступление, направляя свои оба крыла на фланги своей оборонительной линии.

Что же произошло? Правое крыло, хотя ему и благоприятствовали Тирольские горы, было разбито при Триенте; после этого Бонапарт направился в тыл левого крыла и уничтожил его при Бассано и Мантуе.

Если бы эрцгерцог Карл в 1796 г. уступил первым усилиям двух французских армий, спас ли бы он Германию эксцентри-

чёским маневром? Не обязана ли, наоборот, Германия своим спасением предпринятому им концентрическому отступлению? Наконец, Моро, двигавшийся на огромнейшем фронте отдельными, изолированными дивизиями, понял, что эта система привела бы его к уничтожению, если бы нужно было сражаться и, в особенности, отступать. Он сосредоточил свои рассеянные силы, и все усилия неприятеля разбились о массу, за которой нужно было наблюдать во всех точках линии протяжением в 80 лье (320 *км*). После таких примеров, повидимому, ничего нельзя возразить *.

Существуют только два случая, когда расходящиеся отступления могут быть допущены, но как последнее средство: первый — когда армия потерпит сильное поражение на собственной территории и когда ее разобщенные части будут искать убежища в крепостях; второй — в народной войне, когда каждый отряд рассеянной таким образом армии направится в провинции, чтобы служить ядром для их восстания. При операциях же чисто военного характера расходящееся отступление — явная бессмыслица.

При отступлениях есть еще другое соображение, относящееся по существу к стратегии: это — определение случаев, когда отступление следует производить перпендикулярно к границе, направляясь от границы к центру страны, или же направлять его параллельно границе **. Например, маршал Сульт, оставляя Пиренейские горы в 1814 г., должен был выбрать отступление или на Бордо по пути, ведущему внутрь Франции, или на Тулузу, вдоль Пиренейской границы. Точно так же Фридрих, отступая из Моравии, направился в Богемию, вместо того чтобы вернуться в Силезию.

Такие параллельные отступления часто бывают выгодны, так как они отвлекают неприятеля от пути к столице государства и к центру его могущества. Конфигурация границ, крепости, на них находящиеся, бо́льшая или меньшая величина пространства, которое армия будет иметь для своих движений и для восстановления прямых сообщений с центром государства, — вот соображения, определяющие целесообразность этих операций.

---

* Десять лет спустя после первого опровержения Бюлова концентрическое отступление Барклая и Багратиона спасло русскую армию. Хотя оно вначале и не воспрепятствовало успехам Наполеона, но все же было главной причиной его гибели.

** Эти параллельные отступления, если верить защитникам Бюлова, являются как раз теми, какие Бюлов предлагает под названием эксцентрических отступлений.

Между прочим, в Испании эта система имела бы очень большие преимущества. Если бы французская армия вступила в Испанию через Байонну, то у испанцев имелся бы выбор: опереться или на Пампелуну и Сарагоссу, или на Леон и на Астурийские горы, что и создало бы для французов невозможность итти на Мадрид, оставляя свою узкую операционную линию на милость испанцев.

Граница Турецкой империи по Дунаю могла бы создавать такие же выгоды для этой державы, если бы она умела ими пользоваться.

Франция тоже весьма пригодна для войны подобного рода. Если противник вторгнется через Альпийские горы, то французы могут действовать по рекам Роне и Саоне, поворачивая фронт по границе, с одной стороны, до реки Мозеля, а с другой — до Прованса. То же будет, если неприятель проникнет через Страсбург, Майнц или Валансьен; занятие Парижа было бы невозможно или, по крайней мере, весьма рискованно, пока французская армия, еще не расстроенная, опиралась бы на пояс крепостей. Впрочем, таково же положение у всех стран, имеющих двойной операционный фронт *.

Австрия не имеет, может быть, таких же преимуществ вследствие направления Ретийских и Тирольских Алп и течения Дуная. Правда, Ллойд, рассматривая Богемию и Тироль как два бастиона, между которыми р. Инн образует подобие мощной стены, кажется, напротив, считает эту границу наиболее выгодной для обороны путем фланговых передвижений. Это предположение было, как мы уже сказали, жестоко опровергнуто кампаниями 1800, 1805 и 1809 гг., но так как в этих кампаниях фланговая оборона не была как следует испытана, то этот вопрос еще остается открытым.

По моему мнению, все зависит от обстановки и от предшествовавших событий. Если бы французская армия, идя от Рейна через Баварию, встретила союзников на Лехе и Изере и была бы достаточно сильна, то в таком случае было бы довольно опасно двинуть всю австрийскую армию на Инн, чтобы таким образом прикрыть подступы к столице. Если же решиться сосредоточить всю армию в Тироле, оставив дорогу

---

* Во всех этих расчетах я предполагаю почти равные силы; если наступающая армия вдвое сильнее, то в этом случае одна ее половина может преследовать армию, отступающую параллельно границе, а другая — итти к столице, что при равных силах было бы невозможно.

на Вену открытой, то этот прием, если неприятель предприимчив, весьма опасен.

В Италии по ту сторону Минчио фланговая оборона будет легка со стороны Тироля, а в Богемии—против неприятеля, идущего из Саксонии.

Система параллельных отступлений представляет всевозможные варианты, особенно в применении ее к Пруссии, потому что она очень пригодна против армии, дебуширующей из Богемии к Эльбе или Одеру, но совершенно не годится против французской армии, идущей от Рейна, или против русской армии, идущей от Вислы, за исключением, впрочем, случая, если Пруссия будет в союзе с Австрией. Причина такого различия заключается в географической конфигурации страны, которая позволяет и даже благоприятствует фланговым (боковым) движениям по направлению большей глубины страны (от Мемеля до Майнца), но делает их гибельными в направлении меньшего протяжения страны, с юга на север (от Дрездена до Штеттина).

* * *

Если по каким бы то ни было причинам армия отступает, то естественно бывает также и ее преследование.

Даже наилучшим образом организованное отступление, совершаемое целой, еще не расстроенной армией, всегда оставляет некоторые преимущества на стороне того, кто армию преследует. Но отступление становится особенно трудной военной операцией после поражения и в далеких странах, причем трудности такого отступления возрастают прямо пропорционально искусству, проявленному неприятелем в организации преследования.

Смелость и активность преследования, естественно, будут зависеть от более или менее предприимчивого характера полководца, а также и от физического и морального состояния обеих армий. Трудно дать безусловные правила на все возникающие при преследовании случаи, но нужно признать следующее:

1. Вообще говоря, выгоднее направлять преследование на фланг, а не на хвост колонн, в особенности находясь на собственной территории. Можно безопасно взять диагональное или даже перпендикулярное направление к операционной линии противника. Во всяком случае не следует производить слишком далекие обходные движения, так как тогда можно вовсе потерять следы неприятеля.

2. Вообще выгодно также вести преследование с возможно большей активностью и смелостью, — в особенности, когда преследование является следствием выигранного сражения, потому что деморализация разбитой армии влечет за собой ее уничтожение.

3. Случаи, когда было бы благоразумно строить неприятелю «золотой мост», встречаются редко, что бы ни говорила об этом древняя римская пословица; такие случаи могут иметь место только тогда, когда армия с меньшими силами одержала почти нечаянную победу.

К сказанному здесь об отступлениях мы не можем прибавить ничего существенного в стратегическом отношении. Теперь остается только указать на тактические мероприятия, могущие облегчить выполнение этой операции.

Одним из вернейших средств для того, чтобы отступать в порядке, является внушение офицерам и солдатам мысли, что, с какой бы стороны неприятель ни появился, они не подвергаются большей опасности от того, что будут поражать его в хвост, а не в голову, и что соблюдение порядка — единственное средство спасти войска, потревоженные во время их отступательного движения. В этих именно случаях и можно оценить преимущества строгой дисциплины, которая всегда будет лучшим залогом поддержания порядка. Но чтобы требовать дисциплины, надо обеспечить войска продовольствием и, таким образом, избежать мародерства.

Командование арьергардом надо вверять человеку, одаренному большим хладнокровием и имеющему в своем распоряжении несколько офицеров генерального штаба, которые заранее отыскивали бы благоприятствующие обороне пункты, где арьергард мог бы задержаться, чтобы приостановить движение неприятеля, и где можно было бы поставить резерв арьергарда с артиллерией *. Нужно последовательно сменять войска, расположенные эшелонами, и притом так, чтобы никогда не позволять неприятелю подходить слишком близко.

Так как кавалерия легко может догнать корпус, ведущий бой, и присоединиться к нему, то, разумеется, большие массы этого рода войск сильно облегчают медленное и методическое

---

* Качества, отличающие хорошего начальника арьергарда, встречаются не очень часто, особенно в южных армиях. Генерал Ней может служить образцом всего того, чего только можно пожелать лучшего в этом роде. Русская армия в этом отношении имеет большие преимущества, потому что дух русских войск разделяется и начальниками.

отступление, а также дают средства разведки, обеспечения флангов и бокового охранения пути отступления, чтобы воспрепятствовать неприятелю внезапно потревожить марш колонн и прервать сообщения некоторых из них.

При отступлении вообще достаточно, чтобы арьергард удерживал неприятеля на расстоянии полуперехода от ведущего бой корпуса. Удалять арьергард на большее расстояние было бы опасно и бесполезно. Однако, если позади арьергарда будут находиться дефиле, надежно охраняемые своими войсками, то в таком случае он может несколько увеличить район своих действий и оставаться даже в одном переходе от армии. Ведь дефиле, когда ими владеют, настолько же облегчают отступление, насколько и затрудняют его, если их успел захватить неприятель. Если армия многочисленна и имеет соразмерный ее силам арьергард, то последний смело может оставаться позади в расстоянии до одного перехода: расстояние от главных сил зависит от силы арьергарда, свойств проходимой страны и неприятеля, с которым имеют дело.

Если противник сильно наседает, то важно не подпускать его к себе слишком близко, — в особенности, когда армия еще в довольно хорошем состоянии. В этом случае выгодно время от времени останавливаться и нападать на неприятельский авангард врасплох, как это сделал эрцгерцог Карл в 1796 г. при Нересгейме, Моро — при Биберахе и Клебер — при Укерате. Такой маневр почти всегда удается вследствие неожиданности возвращения преследуемого к наступательным действиям, тогда как все мысли преследующих войск были направлены только на сбор легких трофеев.

* * *

Переправы через реки во время отступления создают также комбинации, не лишенные интереса. Переправа через небольшую речку по постоянным мостам есть не что иное, как обыкновенное прохождение через дефиле (теснину). Но переправа во время отступления через большую реку по мостам, наведенным на судах, представляет собой более трудный маневр. Все меры предосторожности, которые можно в данном случае предписать, ограничиваются заблаговременной отсылкой обозов и артиллерийских парков, чтобы они не препятствовали движению войск. Эта мера уже показывает, что армия должна сделать привал по крайней мере в полупереходе от места переправы. В этом случае будет также неплохо,

если арьергард будет держаться от боевых корпусов несколько дальше, чем всегда, насколько это будут позволять условия местности и относительные силы противников. Благодаря этой мере у армии будет время, чтобы перейти по мостам, не находясь под слишком близким натиском неприятеля. Нужно лишь будет рассчитать движение арьергарда так, чтобы он занял позицию впереди мостов в то время, когда последние дивизии боевого корпуса окончат свою переправу. Этот решительный момент, несомненно, покажется удобным для смены арьергарда свежим корпусом, заранее поставленным на тщательно разведанном месте; в этом случае арьергард должен будет проходить через интервалы, оставленные корпусом, чтобы прежде него переправиться через реку. Неприятель, который, к своему удивлению, найдет свежие войска, готовые его хорошо встретить, не будет пытаться оттеснить их. Таким образом, можно выиграть без потерь ночь, когда и новый арьергард сможет, в свою очередь, переправиться и разрушить мосты.

Само собою разумеется, что войска по мере переправы должны выстраиваться по ту сторону мостов и ставить свои батареи таким образом, чтобы они защищали войска, оставшиеся на другом берегу для удержания неприятеля.

Опасности такой переправы во время отступления и характер предосторожностей, могущих ее облегчить, достаточно ясно указывают на то, что лучший способ ей содействовать состоял бы в том, чтобы заблаговременно принять меры к постройке предмостного укрепления на месте, избранном для наведения мостов. Если недостаток времени не позволит построить настоящего предмостного укрепления, то можно заменить его хотя бы несколькими хорошо вооруженными редутами, которые принесут очень большую пользу при прикрытии отступления последних войск.

Если переправа через большую реку создает столько затруднений для войск, преследуемых сзади, то она становится еще более опасной, когда на армию нападают одновременно и спереди и сзади, а река, через которую надо переправляться, охраняется значительным неприятельским корпусом.

Вдвойне знаменитая переправа французов в 1812 г. через Березину является одним из наиболее замечательных примеров подобной операции. Никогда еще ни одна армия не находилась в более отчаянном положении и не выходила из него с большей силой и искусством. Томимая голодом, погибавшая от морозов, удаленная на 500 лье (2 000 *км*) от своего

операционного базиса, атакованная спереди и сзади на обоих берегах болотистой реки, посреди обширных лесов, — разве могла такая армия надеяться на спасение и на возможность ускользнуть? Несомненно, она дорого заплатила за эту честь. Конечно, ошибка адмирала Чичагова очень сильно способствовала выходу ее из столь затруднительного положения, но все же эта армия совершила геройские усилия, достойные всяческого уважения. Не знаешь, чему больше удивляться: операционному ли плану, приведшему русскую армию из Молдавии, Москвы и Полоцка к реке Березине, как к сборному месту для заключения мира, — плану, который должен был бы закончиться пленением страшного противника, — или же поразительному упорству преследуемого таким образом льва, сумевшего проложить себе путь к спасению.

Единственные указания, которые можно дать для подобных случаев, состоят в следующем: не подпускать неприятеля слишком близко к себе; обмануть его насчет места переправы; обрушиться на неприятельский корпус, преграждающий путь к отступлению, прежде чем он успеет связаться с другим корпусом, преследующим с тыла. Ко всему этому можно еще добавить, что надо всеми мерами стараться избегать подобного положения, потому что из него редко удается выпутаться.

Раз отступающая армия должна всеми способами добиваться того, чтобы ее мосты были обеспечены от нападения, — посредством ли предмостного укрепления или линии редутов, которые могли бы прикрыть хотя бы отступление арьергарда, — то естественно, что преследующая армия должна сделать все возможное для уничтожения упомянутых мостов. Если отступление происходит вниз по течению реки, то противник может спускать по реке деревянные суда и брандеры, как это сделали в 1796 г. австрийцы, преследуя французскую армию ген. Журдана близ Нейвида на Рейне, где армия Самбра и Масса подвергалась большой опасности. Таким же образом поступил и эрцгерцог Карл в 1809 г. во время знаменитой переправы французов при Эслингене. Уничтожив мост на Дунае, он привел Наполеона на край гибели.

Имеется лишь очень немного способов предохранения мостов от попыток их уничтожения. Если время позволит, то можно прикрыть их рядом свай, забитых поперек реки. Можно также прикрепить на канатах несколько судов, чтобы останавливать предметы, пущенные по течению, и иметь средства для тушения брандеров.

Статья XXXIX

О РАСКВАРТИРОВАНИИ ВОЙСК НА МАРШЕ И О РАЗМЕЩЕНИИ ИХ ПО ЗИМНИМ КВАРТИРАМ

Расположение войск по квартирам — дело, настолько постороннее нашему предмету изложения, и о нем столько уже написано, что мы коснемся его только слегка.

Расквартирование войск в разгар войны представляет собой достаточно замысловатое дело. Как бы ни было плотно такое расквартирование, никогда нельзя гарантировать его от нападения противника. Страны, изобилующие большими городами, как Ломбардия, Саксония, Нидерланды, Швабия и Старая Пруссия, имеют больше возможностей для устройства квартир, чем страны, где города расположены редко. В первых имеются не только средства для питания войск, но и близко расположенные одни от других помещения, позволяющие держать дивизии сосредоточенно. В Польше, России, в некоторых частях Австрии и Франции, в Испании и в Южной Италии гораздо труднее располагаться на зимние квартиры.

В прежние времена обе враждебные стороны переходили на зимние квартиры в конце октября и довольствовались взаимными нападениями на некоторые батальоны, слишком изолированно расположенные для службы на передовых постах. Это была партизанская война.

Внезапное нападение маршала Тюренна в 1674 г. на зимние квартиры австрийцев в Верхнем Эльзасе является операцией, лучше всего показывающей, что́ можно предпринять против неприятельского квартирного расположения и какие меры предосторожности нужно принимать со своей стороны, чтобы удержать противника от таких же покушений.

Наилучшие правила в отношении расположения войск на зимние квартиры состоят, по моему мнению, в следующем: располагать свои квартиры сосредоточенно, на пространстве, имеющем одинаковое протяжение в глубину и в ширину, во избежание слишком растянутой линии фронта, которую всегда легко прорвать, а вновь соединить невозможно; квартиры прикрывать рекой или первой линией войск, расположенных в бараках и опирающихся на полевые укрепления; сборные места назначать таким образом, чтобы войска во всяком случае могли поспевать к ним раньше неприятеля; по всем дорогам, ведущим к армии, иметь постоянные кавалерийские разъезды; наконец, установить условные сигналы тревоги на случай серьезного нападения.

Зимой 1807 г. Наполеон расположил свою армию по квартирам за рекой Пассаргой, как раз напротив неприятельской армии. Только одни авангарды стояли в землянках близ Гутштадта, Остероде и других городов. В армии было более 120 000 чел., и надо было проявить много искусства, чтобы управлять ею и кормить ее в этом положении до июня. Правда, страна способствовала расквартированию, — не везде можно найти такие удобства.

Как сказано выше, армия в 100 000 чел. может найти сосредоточенные зимние квартиры в странах, изобилующих городами. Но чем больше армия, тем затруднительнее ее размещение. Впрочем, если общая площадь квартир и увеличивается в соответствии с увеличением численности армии, то надо также согласиться и с тем, что в такой же мере возрастают и те средства сопротивления, которые можно противопоставить вторжению неприятеля. Главное состоит в том, чтобы иметь возможность в течение 24 часов собрать от 50 000 до 60 000 чел. С такими силами и в полной уверенности, что силы будут постепенно возрастать, можно сдерживать неприятеля, пока не будет закончен сбор всей армии, как бы многочисленна она ни была.

Несмотря на это, надо признать, что всегда будет опасно располагаться по квартирам, пока неприятель, оставаясь все время сосредоточенным, может пожелать этому воспрепятствовать. Отсюда следует заключить, что единственное верное средство дать отдых войскам зимой или в продолжение кампании состоит в том, чтобы располагать их по квартирам, безопасность которых обеспечена или большой рекой, или заключенным перемирием.

Занимая во время войны стратегические позиции, — будь то во время марша, или для наблюдения, или же при выжидании случая возобновить наступление, — армия также, по всей вероятности, займет сосредоточенное квартирное расположение. Подобные позиции требуют от командующего армией умелого расчета, чтобы судить, чем ему может угрожать противник.

Армия должна охватывать достаточное пространство, чтобы найти для себя средства к существованию, и в то же время она должна, насколько возможно, оставаться боеспособной и быть в состоянии встретить противника, если он появится. Эти два условия трудно сочетаются одно с другим.

Нет лучшего способа, как размещать свои дивизии на почти квадратной площади, т. е. имеющей одинаковое протяжение как в глубину, так и по фронту, — притом так,

чтобы в случае надобности можно было собрать армию в любой точке шахматной доски, где противник может попытаться ее потревожить. Девять дивизий, расположенных таким образом в полупереходе одна от другой, могут в течение 12 часов сосредоточиться к центральной дивизии. Но также и в данном случае следует принимать все те меры, которые рекомендованы при расположении на зимних квартирах.

Статья XL

О ДЕСАНТАХ

Десанты представляют собой такие военные действия, которые очень редко производятся и которые можно причислить к наиболее трудным, если их выполняют в присутствии хорошо подготовленного неприятеля.

Со времени изобретения артиллерии и тех изменений, которые она, естественно, вызвала в военно-морском флоте, двух- и трехпалубные корабли-гиганты, вооруженные сотней пушек, получили столь большое превосходство над транспортными судами, что в настоящее время армия не может высадиться без помощи многочисленного флота, состоящего из линейных кораблей, который господствовал бы на море, хотя бы до окончания высадки.

До изобретения артиллерии транспортные суда были одновременно и военными кораблями; они ходили, в случае надобности, на веслах, были несравненно легче нынешних и могли плавать вдоль берегов; число их было пропорционально числу высаживаемых войск. Выполнению плана могли помешать только бури. Действия флота можно было комбинировать и планировать почти так же, как и действия сухопутной армии. Вот почему древняя история дает нам больше примеров крупных десантов, чем новые времена.

Кому не памятны огромные флоты персов на Черном море, в Босфоре и в Архипелаге; бесчисленные армии Ксеркса и Дария, перевезенные на судах во Фракию и в Грецию; многочисленные экспедиции карфагенян и римлян в Испанию и Сицилию; поход Александра Македонского в Малую Азию; поход Юлия Цезаря в Англию и Африку; Германика—к устью Эльбы; крестовые походы; походы северных народов в Англию, Францию и даже в Италию?

Со времени изобретения пушек до 1803 г., когда Наполеон задумал подготовить десант в Англию, знаменитая *Армада*

Филиппа II была единственным исполинским предприятием подобного рода. Все прочие заморские экспедиции были частными операциями, как экспедиция Карла V и Себастиана Португальского к берегам Африки, несколько десантов французов в США, Египет и на остров Сан-Доминго, а англичан — в Египет, Голландию, Копенгаген, Антверпен и Филадельфию. Я не говорю уже о проекте десанта в Ирландию, выдвинутом ген. Гошем; неудача этого проекта показывает всю трудность подобных предприятий.

Многочисленные армии, содержимые в настоящее время большими государствами, не позволяют атаковать себя десантам численностью в 30 000 или в 40 000 чел., следовательно, такие операции могут совершаться только против второстепенных государств, так как весьма затруднительно посадить на суда от 100 000 до 150 000 чел., с их кавалерией, артиллерией и т. п.

Между тем в наши времена чуть-чуть не последовало решение великой задачи высадки *крупных десантов*, если только верно, что Наполеон когда-либо действительно имел намерение перевезти 160 000 своих ветеранов из Булони на Британские острова. К сожалению, невыполнение этого колоссального проекта оставило указанный важный вопрос за непроницаемой завесой.

Не представлялось невозможным, направив внимание англичан в другую сторону, собрать в Ламанше 50 линейных французских кораблей; такое сосредоточение было уже накануне своего выполнения. После этого не было также ничего невозможного в том, чтобы флотилия при благоприятном ветре переправилась через пролив в двое сутюк и произвела высадку. Но что сталось бы с французской армией, если бы ветер рассеял флотилии или если бы английский флот, спешно вернувшись в Ламанш, разбил ее или принудил вернуться в свои порты?

Потомство будет сожалеть, что это огромное предприятие, как образец для будущих веков, не было доведено до конца или, по крайней мере, не была сделана попытка его осуществить. Конечно, много храбрых воинов заплатили бы за него жизнью, но разве эти воины не погибли с меньшей пользой на равнинах Швабии, Моравии и Кастилии, в горах Португалии и в лесах Литвы? Какой смертный не счел бы для себя честью и славой способствовать решению наиболее великого судебного процесса, какой когда-либо разбирался между двумя великими народами? По крайней мере, подготовка, проведенная для этого десанта, послужит для наших потомков одним

из важнейших уроков, которые наш достопамятный век оставил в поучение военным и государственным людям. Работы всякого рода, произведенные с 1803 по 1805 г. на берегах Франции, будут одним из самых необыкновенных памятников деятельности, прозорливости и искусства Наполеона. Молодые люди, посвятившие себя военному делу, непременно должны изучать их. Но, даже допуская возможность успеха большого десанта, предпринятого на столь близко находящиеся берега, как Булонь от Дувра, то какого же успеха можно было бы ожидать, если бы Армаде пришлось переплыть гораздо большее пространство для достижения своей цели? Возможно ли вести такое множество малых судов совместно хотя бы в продолжение двух суток? А каким опасностям подверглись бы легкие суда, пустившись в открытое море? Сверх того, артиллерия, боеприпасы, снаряжение, провиант и пресная вода, которой надо было бы запастись на такое множество людей, разве не потребовали бы огромной подготовки и материальной части?

Опыт показал уже трудность дальней экспедиции в колонии даже для корпуса, не превышающего численностью 30 000 чел. С тех пор стало очевидным, что десант таких сил может предприниматься лишь в следующих четырех случаях:

1) против отдельных колоний или владений;

2) против второстепенных государств, не могущих получить немедленной поддержки;

3) с целью временной диверсии или для овладения пунктом, занятие которого в продолжение определенного времени имело бы важное значение;

4) с целью политической и одновременно военной диверсии против государства, уже вступившего в большую войну, когда его войска находятся далеко от места высадки.

Операции подобного рода трудно подчинить каким-либо правилам. Вводить неприятеля в заблуждение относительно места высадки; избирать для этого рейд, где все войска могли бы выходить на берег одновременно; делать высадку с максимальной активностью, стараясь немедленно овладеть таким опорным пунктом, который мог бы служить прикрытием для постепенного развертывания войск; тотчас же выгружать на берег артиллерию для обеспечения и поддержки высаженных войск — вот почти все, что можно посоветовать нападающему.

Наибольшая трудность этой операции заключается в том, что транспортные корабли никогда не могут подойти к самому берегу; вот почему приходится высаживать войска на небольшое количество сопровождающих флот гребных судов,

вследствие чего высадка производится медленно и постепенно, а это как раз дает неприятелю большие выгоды, если он хоть сколько-нибудь подготовился к сопротивлению. Если море несколько бурно, то высаживаемые войска могут подвергнуться большой опасности, ибо что может сделать пехота, тесно посаженная на лодки, бросаемые из стороны в сторону волнами, и подвергающаяся обычно морской болезни, а потому почти неспособная действовать оружием?

Что касается обороняющегося, то ему можно только посоветовать, чтобы он, стремясь прикрыть свои силы, не слишком их разделял. Невозможно выставить батареи и батальоны на все берега для их защиты, но следует прикрыть хотя бы дороги к тем пунктам, где находятся крупные предприятия и учреждения. Нужно организовать связь сигналами, чтобы тотчас же узнавать, в каком месте производится высадка, и, если возможно, объединять все свои силы, прежде чем неприятель успеет утвердиться на берегу со всеми своими войсками.

Конфигурация берегов в такой же мере влияет на десант, как и на сопротивление ему. В некоторых странах берега настолько круты, что имеется весьма немного мест, доступных одновременно и для корабля, и для тех войск, которые должны высаживаться. В этом случае, ввиду малочисленности таких пунктов, легче организовать наблюдение за ними, а потому и предприятие становится труднее выполнимым.

Наконец, десанты связаны со следующими стратегическими соображениями, на которые небесполезно будет указать. В основе их лежит принцип, запрещающий сухопутной армии ставить свои главные силы между морем и неприятельской армией и требующий, наоборот, чтобы высадившаяся армия всегда поддерживала связь своих главных сил с берегом моря, а берег для нее является в одно и то же время и линией отступления и линией снабжения. По той же причине армия прежде всего должна стараться овладеть укрепленным портом или, по крайней мере, вдающимся в море мысом, легко укрепляемым и находящимся вблизи хорошего рейда, чтобы в случае неудачи войска снова могли сесть на корабли без излишней торопливости и без существенных потерь благодаря этому полуострову, который мог бы служить плацдармом для прикрытия войск во время операции.

ГЛАВА VI

О ЛОГИСТИКЕ, ИЛИ О ПРАКТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ПРИВОДИТЬ АРМИИ В ДВИЖЕНИЕ

Статья XLI

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛОГИСТИКЕ ВООБЩЕ

Является ли логистика только наукой о частностях? Или же, напротив, это общая наука, составляющая одну из наиболее важных частей военного искусства. Или, наконец, не есть ли это просто освященное обычаем выражение, служащее для расплывчатого обозначения различных отраслей службы штаба, т. е. различных средств приложения умозрительных комбинаций к действительным операциям?

Эти вопросы покажутся странными тому, кто твердо убежден, что больше уже нечего сказать о войне и что глупо искать новых определений, когда, повидимому, все уже хорошо определено. Что касается меня, то хотя я и придерживаюсь убеждения, что точные определения вносят ясность в концепции, но должен, однако, откровенно признаться, что в данном случае мне крайне трудно разрешить эти столь простые на первый взгляд вопросы.

В первых изданиях этого труда я, по примеру многих военных писателей, включил логистику в число подробностей выполнения штабной службы. Эти подробности предусмотрены полевым уставом и несколькими специальными инструкциями о корпусе квартирмейстеров. Такое мнение сложилось в результате освященных временем предрассудков.

Слово «логистика», как известно, происходит от «Major général des logis» (по-немецки переводимого «квартир-

мейстер»), т. е. от названия той категории офицеров, обязанность которых когда-то состояла в расположении войск по квартирам или в лагерях, в направлении колонн и в расположении их на месте. Этим и ограничивалась вся логистика, которая все же, как видим, включала в себя устройство обычных лагерей. Но после того как установился новый способ войны без лагерей, движения стали более сложными, а потому и штабы получили также более широкие права и обязанности. На начальника штаба возложена обязанность передавать мысли главнокомандующего в наиболее удаленные пункты театра войны и добывать данные для разработки операций. Являясь посвященным во все комбинации главнокомандующего и будучи призванным к их передаче и истолкованию, а также к контролю за их исполнением, начальник штаба естественным образом распространил свою деятельность на все военные операции.

Но с тех пор наука начальника штаба была обязана охватить также различные отрасли военного искусства. И если именно этой науке дали название «логистика», то едва ли хватило бы двух трудов эрцгерцога Карла, объемистых трактатов Гибера, Лярош-Эймона, Бусмара и маркиза де-Тэрнэ, чтоб набросать даже неполный курс подобной логистики, так как она была бы не чем иным, как прикладной частью всех военных наук.

Из вышесказанного, повидимому, естественно вытекает, что прежняя старая логистика уже не является более достаточной для обозначения науки штабов и что нынешние функции корпуса квартирмейстеров, если бы последнему захотели дать наставление, полностью отвечающее его задачам, потребовали бы еще их сформулирования — частично в виде свода доктрин, частично в виде уставных положений. Правительствам следовало бы проявить инициативу в опубликовании вполне отстоявшихся уставов, в которых вслед за перечислением прав и обязанностей начальников и офицеров штаба была бы изложена ясная и точная инструкция о наиболее подходящих методах выполнения штабных обязанностей.

В свое время австрийский штаб имел подобную официальную инструкцию. Но, будучи несколько устаревшей, она больше подходила к старым методам ведения войны, чем к новой системе. Этот труд, в конце концов, является единственным в своем роде из числа тех, с которыми мне удалось ознакомиться. Я не сомневаюсь, что существуют еще и другие подобные же труды, как секретные, так и несекретные, но

откровенно признаюсь, что таковых не знаю. Некоторые генералы, как Примоар и Тьебо, издавали руководства для штабов; новый королевский корпус Франции напечатал несколько частных инструкций, но нигде еще нет удовлетворительного цельного руководства. Я думаю, что у ген. Бутурлина есть намерение вскоре опубликовать инструкцию, составленную им для своих офицеров, когда он был генерал-квартирмейстером. Можно только пожелать, чтобы он поскорее осуществил это намерение, так как не подлежит сомнению, что надо ярче осветить этот интересный предмет, о котором можно еще многое сказать.

Если признать, что старая логистика была лишь наукой о подробностях организации маршей, и если согласиться, что в настоящее время функции штаба включают в себя наиболее высокие соображения стратегии, то нужно также допустить, что логистика—лишь частица штабной науки или что ей нужно придать другое развитие и сделать из нее новую науку, которая была бы не только наукой штабов, но и наукой главнокомандующих.

Чтобы убедиться в этом, перечислим, чем должна заниматься логистика, чтобы охватить все, относящееся к передвижениям армий, а также к вытекающим из этих передвижений действиям и мероприятиям.

1. Заблаговременно подготовить всю материальную часть, необходимую для приведения армии в движение, т. е. для открытия кампании. Наметить порядки, указания и маршруты, чтобы собрать армию и затем пустить ее в бой.

2. Составлять приказы главнокомандующего на различные боевые действия, а также проекты будущих боев.

3. Согласовать с начальниками инженерного дела и артиллерии все меры, которые надо принять для обеспечения безопасности разных пунктов, необходимых для устройства складов, а также тех, которые необходимо укрепить для облегчения операций армии.

4. Организовать и соответственно направлять разведку разного рода и добывать как разведывательными средствами, так и шпионажем возможно более точные сведения о расположении и движениях неприятеля.

5. Принимать все меры к точному согласованию всех движений с приказом главнокомандующего.

Организовать передвижения различных колонн так, чтобы они происходили согласованно и в порядке. Обеспечить для этого подготовку всех средств, применяемых для того, чтобы

сделать марш одновременно и легким и надежным. Устанавливать порядок и время остановок.

6. Правильно определять состав авангардов или арьергардов, а также отдельных отрядов, и руководить ими с помощью надлежащих указаний. Все отдельные отряды, направляемые для бокового охранения или для каких-либо других назначений, снабжать предметами, необходимыми для выполнения поставленных им задач.

7. Разрабатывать инструкции и давать указания начальникам отдельных частей и их штабам относительно способов распределения войск по колоннам при наличии противника, а также относительно способов наиболее удобного их построения, когда необходимо развернуться для боя в линию, в соответствии с характером местности и особенностями противника, с которым имеют дело *.

8. Указывать авангардам и другим выделенным частям хорошо выбранные пункты сбора на тот случай, если они будут атакованы превосходными силами, и ставить их в известность, на какую поддержку они могут рассчитывать в случае нужды.

9. Организовать и контролировать передвижения обозных парков, боевых припасов, продовольственных припасов и санитарных обозов как в колоннах, так и в тылу таким образом, чтобы они не стесняли войска, оставаясь в непосредственной от них близости. Принимать меры к обеспечению порядка и безопасности этих обозов как в походе, так и на обычных стоянках и в вагенбургах (баррикадах из повозок).

10. Организовать последовательное прибытие транспортов, предназначенных для возобновления запасов продовольствия или для пополнения израсходованных боеприпасов. Обеспечивать объединение всех транспортных средств страны и армии и устанавливать порядок их использования.

11. Руководить устройством лагерей и устанавливать правила несения в них службы в целях обеспечения безопасности и порядка.

12. Устанавливать и организовывать операционные линии армии и ее этапные линии, а также связь выделенных отрядов с этими линиями. Назначать способных офицеров для организации тыла армии и управления им; следить в тылу за безопасностью отрядов и обозов; давать им нужные указания; следить также за содержанием средств сообщения между армией и ее базисом.

---

* Здесь речь идет об общих инструкциях.

13. Организовать на этапной линии команды выздоравливающих, слабосильных и инвалидов; подвижные госпитали, пошивочные мастерские; заботиться об их безопасности.

14. Вести точный учет всех отрядов, сформированных на флангах или в тылу, заботиться об их судьбе и о возможно более быстром их возвращении по миновании в них надобности; в случае нужды назначать им центр действия и формировать из них стратегические резервы.

15. Организовать маршевые батальоны или роты для объединения изолированных людей или же небольших отрядов, идущих из армии к операционному базису или из этого базиса в армию.

16. В случае осады организовать службу войск в траншеях и контролировать ее выполнение; согласовать с инженерными начальниками производство всех тех работ, которые надо поручать войскам, и поведение последних при вылазках и во время штурмов.

17. Во время отступлений принимать меры предосторожности для обеспечения порядка: расставлять запасные войска, которые должны поддерживать и сменять войска арьергарда; поручать расторопным офицерам штаба разведку всех пунктов, где арьергарды могли бы с успехом держаться, чтобы выиграть время; заблаговременно заботиться о движении обозов, чтобы не оставлять противнику ничего из материальной части; поддерживать строгий порядок в обозах и обеспечивать их безопасность.

18. Распределять между разными корпусами места стоянок, указывать каждому армейскому корпусу общее место сбора по тревоге, предписывать им меры охранения и строго наблюдать за пунктуальным выполнением уставов.

Рассмотрение этого обширного перечня, который можно было бы еще более расширить за счет деталей, приводит к выводу, что все эти обязанности постольку же относятся к кругу ведения главнокомандующего, поскольку и штаба. Это истина, о которой мы только что говорили. Но несомненно, что именно для того и дан главнокомандующему штаб, ответственный за подробности выполнения, чтобы главнокомандующий мог все свое внимание и заботы посвятить высшему руководству операциями.

Отсюда и проистекает общность их прав и обязанностей,— и горе армии, когда эти ее органы власти перестают действовать как один! Между тем это случается слишком часто, и прежде всего потому, что главнокомандующие—люди, а потому им свойственны все человеческие недостатки; кроме того,

в армии часто на первом плане стоят личные интересы и соперничество между командирами и начальниками штабов *.

* * *

Нельзя предъявлять нашим «Очеркам» требования дать полный трактат о том, как следует разрешить все вопросы рассмотренной выше науки, — почти универсальной науки штаба, потому что, во-первых, в каждой стране на этот орган возлагаются неодинаково обширные права и обязанности, так что для каждой армии понадобилось бы особое сочинение; во-вторых, многие из этих деталей изложены в трудах полк. Лаллемана под заглавием «Трактат о вспомогательных военных операциях», в труде маркиза де-Тэрнэ, наконец, в первом труде эрцгерцога Карла под названием «Основы высшего военного искусства».

Поэтому я ограничусь изложением лишь нескольких идей по первым пунктам приведенного выше перечня.

1. В число мер, которые штаб должен принять для подготовки начала кампании, входят все те, которые облегчают выполнение первого операционного плана. Естественно, что путем смотров и инспекций различных служб надо убедиться в том, что вся материальная часть в хорошем состоянии. Нужно осмотреть лошадей, повозки или зарядные ящики, конское снаряжение, обувь; все недостающее должно быть пополнено. Понтонные парки, ящики с инженерным имуществом, материальная часть артиллерии, осадные средства, если их нужно двинуть, наконец, санитарные повозки — одним словом, все, что составляет материальную часть, должно быть проверено и приведено в надлежащее состояние.

Если начинают кампанию в районе больших рек, то заблаговременно надо подготовить канонерские шлюпки и перекидные мосты, а затем перебросить все лодки в те пункты и на тот берег, где предполагают в будущем воспользоваться ими. Хорошо подготовленные офицеры должны произвести разведку пунктов, наиболее благоприятных для посадки и высадки, предпочитая при этом местности, представляющие больше всего шансов на успех при первой переправе на противоположный берег.

---

* Начальники артиллерии, инженерных войск, военно-хозяйственного управления — все претендуют на то, чтобы работать с главнокомандующим, а не с его начальником штаба. Конечно, ничто не должно мешать непосредственным сношениям этих начальников с главнокомандующим. Но последний должен работать с ними в присутствии начальника штаба и отсылать ему всю их переписку,—иначе получится путаница.

Штаб должен подготовить все маршруты, необходимые для подвода различных армейских корпусов к пунктам сбора, в особенности стремясь так направлять корпуса, чтобы ничто не могло раскрыть противнику тех операций, которые предположено провести.

Если война наступательная, то следует совместно с инженерными начальниками установить, какие работы надо выполнить вблизи операционного базиса, если около него должны быть построены тет-де-поны или укрепленные лагери.

Если война оборонительная, то подобные работы надо приказать произвести между первой оборонительной линией и вторым базисом.

2. Существенной частью логистики является, бесспорно, составление диспозиций на марши и атаки, утверждаемых главнокомандующим и рассылаемых штабом. Первостепенным качеством генерала, помимо умения задумывать хорошие планы операций, несомненно, должно быть стремление облегчить выполнение своих приказов ясным их изложением. Какова бы в сущности ни была работа начальника штаба, в конце концов, именно от главнокомандующего, если он великий полководец, зависят достоинства его диспозиций. В противном случае начальник штаба обязан дополнить диспозицию, поскольку это входит в его полномочия, хорошо согласуя свои дополнения с ответственным за них начальником.

Я сам видел применение в этой важной служебной области двух противоположных друг другу систем. Первая, которую можно назвать старой школой, состояла в том, что на каждый день отдавались о движениях армии общие диспозиции, переполненные ничтожнейшими и до известной степени схоластическими подробностями, тем более неуместными, что они обычно адресовались командирам частей, достаточно опытным для того, чтобы их не водили на помочах, как будто только что вышедших из школы младших лейтенантов.

Другая система — это система отдельных приказов, дававшихся Наполеоном своим маршалам, где он каждому из них предписывал только то, что его непосредственно касалось, ограничиваясь самое большее тем, что ставил их в известность о корпусах, предназначенных действовать сообща с ними, справа или слева. Но никогда он не сообщал им операции армии в целом *.

---

* Я думаю, что при переходе через Дунай перед Ваграмом и в начале второй кампании 1813 г. Наполеон отступил от своей привычки и дал общий приказ.

Я имел возможность убедиться в том, что он систематически действовал так или для того, чтобы облечь таинственной пеленой всю совокупность своих комбинаций, или из опасения, что его общие приказы, попав в руки неприятеля, помогут последнему раскрыть его замысел.

Несомненно, очень выгодно держать в секрете свои операции, и Фридрих Великий не напрасно говорил, что если бы его ночной колпак знал, что у него в голове, то он бросил бы колпак в огонь. Такая секретность могла соблюдаться в те времена, когда Фридрих располагался лагерем со всей своей армией, сжимавшейся вокруг него в комок; но при том масштабе, в каком маневрировал Наполеон, и при современном способе ведения войны как можно надеяться на содействие генералов, абсолютно не знающих, что творится вокруг них?

Из этих двух систем вторая мне кажется более пригодной. Впрочем, можно остановиться на системе средней между нередко утрированным лаконизмом Наполеона и пустым словоизвержением, посредством которого таким опытным генералам, как Барклай, Клейст, Витгенштейн, указывался способ, каким они, прибывая на позиции, должны развертывать взводы и вновь их свертывать. Эти глупые указания тем более досадны, что они все равно невыполнимы на виду у неприятеля *. На мой взгляд, достаточно было бы отдавать генералам частные приказы только о том, что касается их армейских корпусов, прибавляя несколько зашифрованных строк, где им в кратких чертах указывалось бы, каково их участие в общей операции армии. При отсутствии шифра нужно доверять передачу приказа устно через офицера, способного понять этот приказ и точно его передать. Тогда не придется более опасаться разглашения приказа, и взаимодействие будет обеспечено.

Как бы то ни было, но составление диспозиций — сама по себе очень важная вещь, хотя и не всегда диспозиции дают все, что с полным правом можно было бы от них ожидать.

---

* Меня, быть может, упрекнут в том, что я запрещаю начальникам генеральных штабов излагать те детали, которые я выше причисляю к наиболее важным обязанностям штабов, но это был бы несправедливый упрек. Указанные детали входят в круг обязанностей штаба, но это вовсе не значит, что генеральный штаб не может доверить их делегату, имеющемуся в каждом двигающемся отдельно армейском корпусе. Вполне достаточно работы, чтобы руководить всей операцией в целом и в частности следить за передвижениями того боевого корпуса, который обычно сопровождает главную квартиру армии. Отсюда видно, что в сказанном никакого противоречия нет.

Каждый составляет свои указания в соответствии со своей точкой зрения, своим характером и своими способностями. Ничто не может так хорошо характеризовать командующего армией, как внимательное чтение распоряжений, отдаваемых им подчиненным командирам: это наилучший материал для биографии.

Но перейдем к маршам,

3. Когда сбор армии закончен и она приступает к выполнению какой-нибудь операции, ей необходимо двигаться с возможно большей точностью и в полном составе, принимая обычные меры разведки и обеспечения своих движений.

Существует два вида маршей: один, выполняемый вне видимости противника, и другой — в его присутствии, когда приходится или отступать, или наступать. В последних кампаниях эти марши подверглись особенно большим изменениям. В прежнее время армии не начинали нападения, не постояв друг против друга несколько дней. В это время атакующий с помощью инженерных войск строил несколько параллельных путей для различных колонн. Теперь же вступают в рукопашный бой скорее, довольствуясь существующими путями. Однако очень важно, чтобы инженерные части во время выполняемого армией марша следовали с авангардами, увеличивая число выходов, устраняя препятствия, наводя в случае надобности небольшие мосты через ручьи и обеспечивая частые сообщения между различными частями армии.

При нынешнем способе совершения маршей расчет времени и расстояний сделался более сложным. Колоннам одной и той же армии приходится преодолевать различные расстояния, и надо уметь комбинировать время начала их движения и их задачи:

1) с расстояниями, которые они должны пройти;

2) с большим или меньшим количеством материальной части, которую каждая колонна возьмет с собой;

3) с более или менее трудным характером местности и страны;

4) с теми препятствиями, которые может противопоставить противник;

5) со степенью необходимости скрыть или, наоборот, раскрыть марш.

При таком положении вещей наиболее надежным и простым средством отдавать приказы на движение как крупных соединений, образующих крылья армии, так и соединений, не идущих в той колонне, где находится главная квартира, является передача на усмотрение опытных командиров корпусов или других крупных соединений всех деталей выполнения, приучая

их этим к величайшей пунктуальности. Тогда достаточно будет указывать им лишь место и цель их назначения и час прибытия на место. Само собой разумеется, что их нужно ставить в известность о тех корпусах, которые будут итти или вместе с ними, или же по дорогам справа и слева от них, чтобы они могли согласовать свои движения. Наконец, им нужно сообщить все, что может иметь для них значение, и указать направление отхода, если они будут к этому вынуждены *.

Было бы скорее вредным, чем полезным, педантизмом ежедневно предписывать этим командирам корпусов все детали выполнения маршей, способы образования колонн, их развертывание на позиции и т. д.

Конечно, необходимо быть в курсе того, как движутся войска, соблюдают ли они установленные правила и приемы. Но им нужно оставлять большую свободу в организации движения для прибытия в назначенный пункт и в указанный час. Только в случае плохого выполнения, по ошибке или по нежеланию, армия может и должна сама организовать движение. Однако при отступлении по одной дороге армия должна установить точное расписание времени выступления и привалов частей.

Несомненно, что каждая колонна должна иметь свой небольшой авангард и боковое охранение. Даже если колонна движется во второй линии, в ее голове обязательно должно быть несколько сапер из состава дивизии с необходимыми инструментами, чтобы устранять препятствия, могущие встретиться на пути. Несколько рабочих такого рода должны прикомандировываться к каждой парковой колонне. Очень полезно также иметь возможность наводить небольшие легкие мосты.

4. Армия всегда должна при своем движении иметь впереди себя общий авангард, или же, как это чаще бывает при современной системе, центр армии и оба крыла должны иметь отдельные авангарды. Довольно часто бывает, что резервы и центр идут вместе с главной квартирой; по всей вероятности, если имеется общий авангард, то и он также будет следовать в этом направлении. Таким образом, половина армии будет сосредоточена на центральной дороге. При такой обстановке особенно важно принимать меры против загромождения

---

* Наполеон никогда не указывал направления отступления, так как считал, что никогда не следует заблаговременно предполагать возможность своего поражения. Действительно, в большинстве случаев это бесполезная предосторожность, но иногда она необходима.

пути. Но нередко случается, что когда главный удар направляется на одно из крыльев, то на это крыло переходят также резерв и главная квартира, а иногда даже общий авангард. В этом случае все сказанное о передвижениях центра относится к передвижениям этого крыла.

Очень важно, чтобы в авангардах были опытные офицеры генерального штаба, способные дать главнокомандующему правильную оценку движений противника и, таким образом, облегчить последнему принять решения, — да и начальник авангарда может воспользоваться советом этого офицера штаба. Само собой понятно, что общий авангард должен состоять из легких войск всех родов оружия, из нескольких отборных частей, составляющих главные боевые силы, из нескольких драгунских частей, готовых к бою спешенными: из конной артиллерии, мостовиков, сапер и т. д. с легкими козлами и понтонами для устройства переходов через речки. Не будут лишними несколько карабинеров, хороших стрелков. Один офицер-топограф обязательно должен находиться при авангарде для производства глазомерной съемки местности, примерно, на полулье (2 *км*) по обеим сторонам дороги. Наконец, необходимо добавить сюда иррегулярную кавалерию, которую следует использовать для разведки в целях сбережения хорошей кавалерии, а также потому, что иррегулярные войска лучше пригодны для такой службы.

5. По мере того как армия удаляется от своего базиса, законы хорошей логистики требуют организации операционной и этапной линий, из которых последняя должна явиться связующим звеном между армией и ее базисом. Генеральный штаб должен разделить эти этапы на округа, главным административным пунктом которых будет самый большой город, наиболее обеспечивающий армию квартирами и средствами питания всякого рода. Если имеется крепость, то главный административный пункт следует устраивать по преимуществу в ней.

Этапов, отстоящих друг от друга на 5—10 лье (20—40 *км*), в зависимости от имеющихся на пути городов, но в среднем на 7—8 лье (28—32 *км*), будет, таким образом, на линии в 100 лье (400 *км*) насчитываться до 15, что составит от трех до четырех этапных бригад. На каждом этапе — свой комендант с отрядом войск или выздоравливающих солдат для наведения порядка в данной местности и для защиты местных властей (когда они остаются на месте). Эти войска должны давать охрану для почтовой и другой связи. Комендант должен следить за хорошим состоянием дорог и мостов,

Надо на каждом этапе, поскольку это представится возможным, устраивать небольшие магазины и парк из нескольких повозок или организовать их хотя бы в главных пунктах пребывания этапных бригад.

Командование территориальными дивизиями следует поручать генералам, отличающимся способностями и предусмотрительностью. Ведь от их деятельности часто зависит безопасность коммуникаций армии *.

Эти дивизии могут даже быть по требованиям обстановки переформированы в стратегические резервы, как мы об этом говорили в ст. XXIII. Нескольких хороших батальонов при поддержке отрядов, непрерывно передвигающихся из армии к ее базису и от базиса к армии, почти всегда хватит для поддержания и сохранения сообщений армии.

6. Что касается мероприятий наполовину логистических, а наполовину тактических, посредством которых генеральный штаб должен превращать порядок движения войск в различные боевые порядки, то эта тема требует очень тщательного изучения. Три сочинения, о которых мы уже упоминали, в достаточной степени углубили этот вопрос, и нам нет необходимости делать то же. Об этих вопросах можно говорить, лишь вдаваясь в подробности, что и является достоинством упомянутых сочинений, но такие подробности не входят в задачу настоящего труда. Впрочем, что можно было бы еще сказать после сочинения в двух томах маркиза де-Тэрнэ и полковника Коха, его комментатора, когда эти труды посвящены перечислению всех логистических комбинаций, касающихся движения войск или различных приемов их построения? А если многие из этих приемов трудно осуществить на практике на глазах противника, то все же надо признать их пользу как подготовительных движений, выполняемых вне воздействия неприятеля. Благодаря превосходному учебнику де-Тэрнэ и сочинению Гибера, а также первому сочинению эрцгерцога Карла («Основы высшего военного искусства») легко можно научиться всем действиям, которые входят в задачу логистики. В нашем труде достаточно лишь сослаться на эти сочинения.

---

* Будут возражать, говоря, что в национальных войнах такие этапы невозможны. Я же скажу, что, напротив, они тогда будут особенно необходимы, и притом в более широком масштабе. Линия Байонна—Мадрид сопротивлялась 4 года всем атакам гверильясов, и хотя несколько обозов было захвачено, она даже была продолжена одно время до Кадикса.

Прежде чем перейти к другим вопросам, я хочу привести несколько замечательных событий, которые позволят оценить всю важность логистики. Это чудесный сбор французской армии в долинах Геры в 1806 г. Второй пример — это начало кампании 1815 г.

В том и другом случае Наполеон сумел с удивительной точностью сосредоточить в решающем пункте операционной зоны свои колонны, которые до этого находились в самых различных пунктах. Этим искусным сосредоточением он обеспечил успех кампании. Выбор решающего пункта явился результатом искусной стратегической комбинации, а расчет движений — следствием логистической деятельности его кабинета. Долгое время думали, что столь искусным логистиком, дававшим указания с такой точностью и удивительной ясностью, был Бертье. Но я сотни раз убеждался в неправильности этого утверждения. Император сам был настоящим начальником своего генерального штаба: вооруженный циркулем, раскрытым в масштабе 7—8 лье (28—32 *км*) по прямой линии (что давало всегда по меньшей мере 9—10 лье ввиду изгибов дорог), и склонившись над картой, а иногда и ложась на карту, на которой посредством флажков различного цвета * были отмечены позиции его армейских корпусов и предполагаемые позиции неприятельских корпусов, он отдавал свои распоряжения о передвижениях с такой точностью, о которой едва ли можно составить себе правильное представление. Быстро отмеривая своим циркулем по карте расстояния, он одним взглядом оценивал, сколько необходимо сделать переходов каждому корпусу, чтобы прибыть в назначенный день к желательному для него пункту. Затем, переставляя флажки на новые места, он подсчитывал скорость движения, которую нужно назначить каждой колонне, учитывая время ее выступления, после чего диктовал свои указания, которые сами по себе могли бы его прославить.

Так, Ней, выходя с берегов Констанцского озера, Ланн — из Верхней Швабии, Сульт и Даву — из Баварии и Палатината, Бернадот и Ожеро — из Франконии, имперская гвардия — из Парижа, вдруг оказались на одной линии по трем параллельным дорогам, выходящим между Заальфельдом, Герой и Плауеном, когда никто еще в армии и в Германии ничего не понимал в этих движениях, с внешней стороны весьма сложных.

---

* „Des épingles de différentes couleurs" — буквально „булавки различных цветов". — *Ред.*

Так в 1815 г., когда Блюхер ещё мирно располагался в лагере между Самброй и Рейном, когда лорд Веллингтон еще давал балы в Брюсселе и когда оба ожидали сигнала для наступления на Францию, Наполеон, о котором думали, что он находится в Париже, всецело занятый политическими церемониями, — на самом деле в сопровождении своей гвардии, которую он едва лишь успел восстановить в столице, как молния, обрушивается на Шарлеруа и на квартиры Блюхера, причем его колонны с редкой пунктуальностью сходятся с разных точек горизонта в одном пункте, прибывая 14 июня на берега Самбры (сам Наполеон выехал из Парижа 12 июня).

В этих двух операциях комбинация была основана на искусном стратегическом расчете, но несомненно и то, что выполнение ее было образцом логистики. Чтобы правильно оценить достоинство подобных мероприятий, я приведу другие примеры, где ошибки в логистике привели к катастрофам. Наполеон, вызванный в 1809 г. из Испании вследствие австрийских вооружений и уверенный, что у него будет война с этой державой, поручил Бертье в Баварии очень ответственную задачу по сбору армии, рассредоточенной от Браунау до Страсбурга и Эрфурта. Даву возвращался из этого города, Удино—из Франкфурта; Массена, находясь на пути в Испанию, двигался через Страсбург на Ульм. Саксонцы, баварцы и вюртембержцы выступили из своих государств. Таким образом, эти корпуса разделялись огромными пространствами, и австрийцы, давно уже сосредоточенные, легко могли бы прорвать эту паутину и уничтожить или рассеять разрозненные части французской армии. Справедливо обеспокоенный этим, Наполеон приказал Бертье собрать армию в Ратисбоне (Регенсбурге. — *Ред.*), если война не начнется до его приезда; в противном случае он приказал сосредоточить ее около Ульма.

Причину этого двойного распоряжения нетрудно было понять. Если бы война началась, Ратисбон находился бы слишком близко к границам Австрии, чтобы его можно было выбрать в качестве пункта сосредоточения, ибо корпуса вынуждены были бы каждый отдельно нападать на противника, насчитывавшего 200 000 чел. Назначая пунктом сбора Ульм, Наполеон мог бы скорее сосредоточить армию, так как врагу нужно было бы сделать по меньшей мере пять или шесть переходов, чтобы дойти до его армии, а это было очень важным моментом в обстановке обеих сторон.

Не надо было быть гением, чтобы понять это. Однако враждебные действия начались через несколько дней после

прибытия Бертье в Мюнхен, и этот слишком знаменитый генерал был настолько простодушен, что стал буквально исполнять полученный приказ, совсем не задаваясь мыслью, чем он продиктован. Он не только упорно хотел сосредоточить армию в Ратисбоне, он хотел даже вернуть в этот город Даву, у которого хватило соображения отойти от Амберга в направлении к Ингольштадту.

К счастью, Наполеон, узнав через 24 часа по телеграфу * о переходе через Инн, прибыл, как молния, в Абенсберг в тот момент, когда Даву угрожало окружение, а вся армия, рассредоточенная по корпусам, подвергалась опасности поражения по частям со стороны 180 000 австрийцев. Известно, каким чудом Наполеону удалось соединить свои корпуса и в течение пяти знаменитых дней победами у Абенсберга, Зигенбурга, Ландсута, Экмюля и Ратисбона исправить ошибки жалкой логистики его начальника штаба.

Мы закончим эти исторические справки описанием событий, которые предшествовали и сопровождали переход Дуная перед Ваграмом. Мероприятия, намеченные для сосредоточения армии в назначенном пункте, на острове Лобау, когда корпус вице-короля Италии шел из Венгрии, корпус Мармона — из Штирии, а Бернадота — из Линца, были не менее удивительны, чем знаменитое императорское постановление (или декрет) из 31 параграфа, регулировавшее подробности переправы и построения армии в долине Энцерсдорфа на виду у 140 000 австрийцев, при наличии у них 500 пушек, как будто бы дело шло о военном параде.

Все указанные войска оказались сосредоточенными на острове вечером 4 июля. Тотчас же были установлены три моста на рукаве Дуная шириной в 70 туазов (саженей), причем наводка мостов производилась в самую темную ночь, во время бури и дождя. Через них прошли в присутствии грозного противника 150 000 чел., которые еще до полудня построились в долине на расстоянии 1 лье (4 *км*) впереди от мостов, прикрытых ими благодаря перемене фронта. Все это было проделано в течение срока, менее продолжительного, чем тот, который необходим для выполнения учебного маневра, уже проделанного ранее несколько раз. Правда, противник только в слабой степени противодействовал этой переправе, но об этом не было известно, и достоинства распоряжений не становятся от этого менее очевидными.

---

* До появления в XIX в. электрического телеграфа существовали акустические и оптические телеграфы. — *Ред.*

Однако вследствие самой необычайной странности начальник штаба, отправляя десять копий знаменитого приказа, совершенно не заметил, что центральный мост был предназначен для Даву, хотя последний должен был образовать правое крыло, тогда как правый мост был назначен Удино, который должен был образовать центр. Таким образом, эти два корпуса ночью скрестились, и мог бы возникнуть ужасный беспорядок, если бы не сообразительность самих полков и их командиров. Благодаря бездеятельности неприятеля некоторые отряды пошли не с теми корпусами, к составу которых они принадлежали. Самое удивительное то, что после такой путаницы Бертье получил титул князя Ваграмского. Это самая острая эпиграмма на него.

Несомненно, ошибка не была замечена самим Наполеоном при диктовке приказа, но начальник штаба, отправлявший 20 копий этого приказа и обязанный по должности своей обеспечивать построение войск, разве не должен был заметить это недоразумение?

Другой не менее замечательный пример того, насколько важны мероприятия хорошей логистики, дает сражение при Лейпциге. Принимая это сражение и имея позади себя такое дефиле, как Лейпциг, и поля с лесами, садами и маленькими речками, Наполеон должен был навести большое число малых мостов, подготовить подходы к ним и поставить вехи для обозначения дорог. Это не помешало бы проиграть решительное сражение, но благодаря указанным мерам были бы спасены тысячи людей, пушки и зарядные ящики, которые пришлось бросить за отсутствием порядка при отступлении. Взрыв моста в Линденау также был результатом недопустимой беспечности штаба, который в конечном счете существовал в армии только номинально вследствие того способа, которым пользовался Бертье для его комплектования. Впрочем, нужно признать, что Наполеон, который отлично понимал логистику при организации вторжения, никогда не думал о мерах предосторожности на случай поражения, — а когда оно случалось, то каждый надеялся на императора, как будто он сам должен был все предвидеть и все приказать.

Сказанного достаточно, чтобы оценить то влияние, которое хорошая логистика может оказать на военные действия.

* * *

Чтобы закончить то, что я предполагал сказать, составляя эту статью, я должен также упомянуть о разведках. Разведки бывают двух видов. Первые — чисто топографические

и статистические; их назначение — получить представление о стране, о местности и о препятствиях на ней, о дорогах, дефиле, мостах и т. п.; узнать о ресурсах и средствах всякого рода, которыми располагает страна. В настоящее время география, топография и статистика сделали большие успехи, и такие разведки менее необходимы, чем в прежнее время. Все же они всегда будут очень полезны, потому что еще не составлена опись недвижимого имущества Европы, и весьма вероятно, что она никогда не будет составлена. Существует очень много ценных указаний по вопросу об этого рода разведке, к которым мы и отсылаем нашего читателя.

Другого рода разведки предпринимаются для того, чтобы выяснить движения противника. Такие разведки производятся более или менее сильными отрядами. Если противник строится на виду, то генералы и начальники штабов должны лично разведать его армию; если же противник совершает марш, то можно бросить целые дивизии кавалерии, чтобы прорвать завесу из постов, которые его окружают.

Об этих операциях достаточно сказано в многочисленных элементарных сочинениях, — в частности, у полковника Лалламана, в уставе полевой службы и т. д. Впрочем, мы считаем необходимым посвятить разведке следующую статью и изложить в ней все, что нужно сказать относительно разных средств, служащих для выяснения действий противника.

Статья XLII

О РАЗВЕДКАХ И ДРУГИХ СПОСОБАХ СВОЕВРЕМЕННО УЗНАВАТЬ О ПЕРЕДВИЖЕНИЯХ ПРОТИВНИКА

Одно из наиболее важных средств для комбинирования искусных маневров на войне, несомненно, заключается в том, чтобы отдавать приказание о маневре на основании точного знания того, что будет делать противник. В самом деле, как знать, что нужно делать самому, если неизвестно, что делает противник? Но насколько это знание имеет решающее значение, настолько приобретение его трудно, чтобы не сказать — невозможно, что̀ и является одной из причин того, почему теория войны так отличается от практики.

Вследствие этого происходят неудачи у генералов, которые являются людьми только образованными, но не обладающими

природным военным гением или заменяющим его верным военным чутьем, появляющимся в результате долгого опыта и большой привычки к управлению военными операциями. Всегда легко по окончании академии составить проект по обходу или охвату крыла, чтобы угрожать сообщениям армии, когда дело идет о двух сторонах, которые можно располагать как угодно или на географической карте, или на плане воображаемой местности. Но когда имеют дело с искусным, активным, предприимчивым противником, движения которого представляют собою загадку, тогда начинается замешательство, и тут-то обнаруживается вся посредственность заурядного генерала, не вооруженного изучением принципов.

У меня столько доказательств этой истины, собранных в течение моей продолжительной службы, что если бы мне было необходимо подвергнуть испытанию какого-нибудь генерала, то я предпочел бы того, который умеет составлять правильное предположение о движениях противника, тому, который обнаруживает знание теории, столь трудно вырабатываемой, но столь легко изучаемой, когда она уже выработана.

Существует четыре способа для получения возможности судить о действиях неприятельской армии. Первый способ — это хорошо организованный и щедро оплачиваемый * шпионаж. Второй способ — разведка с помощью искусных офицеров и легких отрядов. Третий способ состоит в добывании сведений путем опроса военнопленных. Четвертый заключается в том, что составляются собственные наиболее вероятные предположения, исходя из двух различных оснований. Эту мысль я поясню позднее. Наконец, существует и пятый способ — способ сигналов; хотя он и применяется больше для обозначения присутствия противника, чем для того, чтобы сообщать о его намерениях, но его все же можно поставить в число средств, о которых мы сейчас говорим.

Повидимому, в тех случаях, когда нужно знать подробности о всем происходящем внутри неприятельской армии, всего надежнее шпионаж, потому что разведка, как бы хороша она ни была, не может дать никакого представления о том, что происходит по ту сторону авангарда. Это вовсе не значит, что разведку производить не нужно, — наоборот, следует использовать все средства, чтобы хорошо знать противника,—

---

* Кое-кому из филантропов рекомендация шпионажа может показаться неблаговидным поступком, но я прошу не забывать, что дело идет о выслеживании движений армии, а не о шпионских донесениях.

это означает только, что не нужно вполне полагаться на ее результат. То же можно сказать и относительно опроса военнопленных: эти опросы часто полезны, а еще чаще очень опасны, если им слишком доверять. Во всяком случае умелый и опытный штаб никогда не упустит случая выбрать несколько образованных офицеров и поручить им выполнение специальной службы опроса пленных. Офицеры должны *уметь так ставить опрос,* чтобы можно было из ответов узнать все, что важно.

Партизаны, которых бросают на операционную линию противника, несомненно, могут кое-что узнать о его движениях, но почти всегда невозможно установить с ними связь и получать от них сведения. Если шпионаж основан на широкой базе, то чаще всего он дает хорошие результаты. Однако шпиону все же трудно проникнуть в кабинет неприятельского главнокомандующего и раскрыть там секреты его операций. Чаще всего он ограничится тем, что укажет на движения, свидетелем которых он стал или о которых узнал из разговоров среди населения. И даже когда получаются сведения об этих движениях, то все же ничего неизвестно о тех движениях, которые произошли в промежуток времени между наблюдением и получением сведений. Ничего также неизвестно об окончательной цели неприятельских движений. Вот пример: узнают, что такой-то корпус прошел через Иену, направляясь на Веймар, а другой корпус прошел через Иену, направляясь к Наумбургу; но куда они идут и что именно хотят предпринять — на эти вопросы очень трудно ответить даже самому искусному шпиону.

Когда армии, почти полностью сосредоточенные, располагались лагерем в палатках, тогда сведения о противнике были более надежными, потому что разведывательные части можно было продвигать на такое расстояние, при котором виден был лагерь. Шпионы могли давать отчет о всех движениях в этих лагерях. Но при современной организации армейских корпусов, которые располагаются или на квартирах, или биваком, это дело стало более сложным, и результат бывает почти нулевой.

Тем не менее шпионаж может оказать очень большую услугу, когда армия противника находится под предводительством крупного полководца, всегда следующего с большей частью своих сил и резервов. Таковы были, например, императоры Александр I и Наполеон; когда удавалось узнать, где они прошли и в каком направлении двигались, то можно было, не выясняя подробностей других движений, приблизительно судить о том, что они имели в виду.

Искусный генерал может восполнить недостаток сведений, получаемых всеми этими способами, при помощи хорошо поставленных и заблаговременно решенных гипотез, и я могу с некоторым удовлетворением сказать, что этот способ лично мне всегда удавался и что, прибегая к нему, я редко обманывался, хотя судьба и не дала мне возможности стать во главе армии. Но все же я был начальником штаба, который руководил почти 100 000 чел., а кроме того, меня много раз призывали для совета, когда дело шло о направлении масс вооруженной Европы; и я обманывался лишь 2—3 раза, составляя гипотезы и решая те вопросы, которые возникали из этих гипотез.

По моему мнению, всякий хорошо сформулированный вопрос почти всегда легко разрешим при здравом суждении. А я, как уже было сказано, всегда признавал, что армия может действовать только против центра или против одной из оконечностей операционного фронта, и, таким образом, для предположений оставалось всего лишь три или четыре возможных случая. Отсюда следует, что ум, хорошо проникшийся этими истинами и пропитанный правильными принципами войны, всегда сумеет заранее наметить наиболее вероятные случаи. Я позволю себе привести здесь несколько примеров, взятых из моего собственного опыта.

Когда в 1806 г. во Франции еще не было принято решение о войне с Пруссией, я составил памятную записку о вероятности войны и о тех операциях, которые могли бы быть в этой войне.

Я установил три следующих гипотезы:

— первая: пруссаки ожидают Наполеона за Эльбой и будут вести оборонительную войну до Одера, в ожидании помощи со стороны России и Австрии;

— вторая гипотеза — противоположный случай: пруссаки продвигаются вперед на Заалу, опирая свой левый фланг на границу Богемии и защищая выходы из гор Франконии;

— третья гипотеза: пруссаки, ожидая французов по большому Майнцскому шоссе, неблагоразумно продвигаются до Эрфурта.

Я считаю, что других возможных случаев не было, если не предполагать, что пруссаки настолько бестолковы, что свои силы, и без того меньшей численности, они разделят еще на два направления: на Везель и Майнц. Эта ошибка была мало вероятна, так как на первой из этих дорог со времен Семилетней войны никогда не появлялся ни один французский солдат.

Если сформулировать таким образом эти три гипотезы и спросить себя, какое же решение было бы лучше всего принять Наполеону, нетрудно притти к выводу, что «так как сосредоточение в Баварии уже состоялось, следует обрушиться на левый фланг пруссаков через Геру и Гоф, ибо, какое бы решение ни приняли пруссаки, все равно там находился гордиев узел всей кампании».

Если бы они продвинулись к Эрфурту, то, нападая на Геру, можно было перерезать им линию их отступления и отбросить их на Нижнюю Эльбу к Северному морю. Если бы они опирались на Заалу, то, атакуя их левый фланг через Гоф и Геру, можно было их частично подавить и через Лейпциг предупредить их на пути в Берлин. Наконец, если бы они оставались позади Эльбы, то и тогда надо было искать их именно в направлении на Геру и Гоф.

Какое значение имело в таком случае знание подробностей об их движениях, раз вывод был всегда один и тот же? Поэтому, твердо убежденный в этих истинах, я, не колеблясь, объявил *за месяц до начала войны,* что именно там Наполеон предпримет свои операции и что если пруссаки перейдут через Заалу, то именно в Иене и Наумбурге стороны вступят в сражение.

Какие предположения составлял герцог Брауншвейгский в тот момент, когда я так верно и точно предвидел будущее?

Для этого следует прочесть сочинения С. де-В. и Руле-Лильенштерна («Операционный план» и «Донесение одного очевидца»).

Если я еще раз напоминаю этот случай, на который я уже не раз ссылался, то делаю это вовсе не из чувства тщеславия, потому что мог бы привести и другие подобного рода примеры. Но я лишь хотел показать, что часто на войне можно действовать в соответствии с хорошо сформулированными и поставленными проблемами, не задерживаясь слишком долго на деталях передвижений своего противника. Если бы ген. Клаузевиц был столь же часто, как и я, в таком положении, когда надо ставить эти проблемы и решать их, то он не сомневался бы так сильно в действительности военных теорий, основанных на принципах, потому что одни только теории и могут служить руководством при принятии подобных решений. Его три тома сочинений о войне с очевидностью доказывают, что при обстановке, подобной той, в какой находился герцог Брауншвейгский в 1806 г., он оказался бы в таком же затруднении относительно решения, какое ему

следует принять. Нерешительность — удел умов, сомневающихся во всем.

Возвращаясь к нашей теме, я должен признать, что шпионаж совершенно недооценен во многих современных армиях. Между прочим, в 1813 г. штаб князя Шварценберга не имел в своем распоряжении ни одной копейки для службы шпионажа.

Император Александр вынужден был дать этому штабу деньги из своей шкатулки, чтобы оплатить посылку агентов в Лузацию и узнать, где находится Наполеон. Ген. Макк в Ульме и герцог Брауншвейгский в 1806 г. знали не больше Шварценберга. Французские генералы часто очень дорого расплачивались за то, что в Испании они не могли иметь шпионов и у них не было сведений о том, что происходило вокруг них.

В отношении разведок, производимых легкими отрядами, русская армия лучше обеспечена, чем всякая другая, благодаря своим казакам и сметке своих партизан. История дала этому достаточно доказательств.

Экспедиция князя Кудашева, посланная после Дрезденского сражения к шведскому принцу, когда его отряд вплавь переправился через Эльбу и дошел между французских колонн до Виттенберга, является историческим памятником пробегов подобного рода. Разведывательные данные, доставленные партизанами генералов Чернышева, Бенкендорфа, Давыдова и Сеславина, имели выдающееся значение. Следует вспомнить, что депеша Наполеона императрице Марии-Луизе, захваченная казаками у Шалона, дала союзникам возможность узнать о проекте императора напасть на их коммуникации всеми силами, опираясь на пояс крепостей Лотарингии и Эльзаса. Это ценное известие было основанием для решения соединить армии Блюхера и Шварценберга, чего раньше не могли сделать никакие стратегические доводы и предостережения.

Известно также, что только благодаря извещению Сеславина ген. Дохтуров избег разгрома Наполеоном у Боровска, когда Наполеон, начав отступление, только что вышел из Москвы со всеми своими силами. Сначала не хотели верить этому извещению; тогда Сеславину, задетому этим, пришлось для подтверждения своего донесения захватить одного офицера и несколько солдат гвардии, напав на них среди французских биваков. Это сообщение, решившее движение Кутузова на Малоярославец, помешало Наполеону пойти по Калужской дороге, где он нашел бы больше ресурсов и где избег бы бед-

ствий при Красном и Березине, что, в конце концов, уменьшило бы размеры катастрофы.

Этих примеров, как бы они ни были редки, достаточно, чтобы составить себе представление о том, чего можно ожидать от хороших партизан, руководимых способными офицерами.

В заключение я резюмирую эту статью нижеследующими положениями:

1. Генерал никогда не должен пренебрегать возможностями узнавать о движениях противника; для этого он должен применять разведку, использовать шпионов, легкие отряды под руководством способных офицеров, сигналы и, наконец, офицеров, подготовленных для ведения в авангардах опроса пленных.

2. Накопляя разведывательные сведения, как бы несовершенны и противоречивы они ни были, часто можно установить истину как раз из сопоставления противоречивых сведений.

3. Тем не менее нужно относиться с недоверием к этим средствам и не слишком на них рассчитывать при замысле своих операций.

4. При отсутствии надежных и точных разведывательных сведений способный генерал никогда не должен начинать поход, не имея двух или трех вариантов решения тех вероятных гипотез, которые вытекают из относительной обстановки армий двух сторон, причем эти решения должны быть основаны на принципах.

Я могу гарантировать, что в таком случае не произойдет ничего неожиданного, что могло бы поразить и заставить потерять голову, как это часто бывает. Если только не быть совершенно неспособным командовать армией, всегда возможно составить предположения о наиболее вероятных действиях, которые может предпринять противник, и заблаговременно принять решения по тому или другому из этих предположений *, которое может осуществиться. Я не перестану повторять, что в подобных предположениях, хорошо составленных и хорошо разрешенных, выявляется истинный

---

* Надеюсь, меня не обвинят в желании утверждать, будто на войне никогда не бывает событий, которые отклоняются от всяких предусмотренных возможностей. Для доказательства противного достаточно указать на неожиданности у Кремоны, Бергопцома, Гохкирха. Я лишь думаю, что эти события всегда более или менее будут приближаться к одной из принятых или предусмотренных гипотез, так что и им можно противостоять теми же средствами.

военный гений. И хотя число предположений всегда очень ограничено, все же непостижимо, почему это мощное средство остается в таком пренебрежении.

* * *

Чтобы закончить эту статью, остается сказать несколько слов о том, что можно получить от использования сигналов.

Существует несколько способов передачи сигналов, во главе которых, естественно, надо поставить телеграф. Именно благодаря идее об устройстве телеграфной линии между главной квартирой Наполеона и Францией Наполеону удалось достичь удивительных успехов при Ратисбоне (Регенсбурге) в 1809 г. Он находился еще в Париже, когда австрийская армия перешла через Инн около Браунау для вторжения в Баварию и прорыва его лагерного расположения. Узнав через 24 часа о том, что произошло в 250 лье (1 000 *км*) от него, он тотчас же садится в экипаж и через 8 дней побеждает в двух сражениях под стенами Ратисбона. Без телеграфа кампания была бы потеряна. Этого примера достаточно, чтобы оценить все значение телеграфа.

Придумали также использование портативного телеграфа; по моим сведениям, впервые эта идея предложена русским купцом, который заимствовал ее у китайцев. Этот телеграф, основанный на передаче сигналов посредством расставленных на возвышениях конных людей, казалось, мог передавать в несколько минут приказы центра флангам боевой линии, так же как и донесения крыльев своей главной квартире. Опыты были неоднократно проведены, но проект, по неизвестным мне причинам, был предан забвению. Такие сообщения могли, конечно, быть только очень краткими, а туманная погода иногда делала их ненадежными. Однако, так как словарь подобных донесений можно было сократить до 20 фраз, для которых легко можно было придумать условные сигналы, то мне кажется, что это средство нельзя было оставлять в пренебрежении, тем более что можно было посылать дубликаты сообщений через офицеров, способных устно передавать полученные приказы. Таким образом, всегда получался бы выигрыш в скорости передачи.

Опыт другого рода был произведен в 1794 г. в сражении при Флерюсе, где ген. Журдан воспользовался аэростатом, чтобы с него произвести разведку и оттуда же передать данные о движениях австрийцев. Я не знаю, был ли опыт успешен, но он не был возобновлен. Я сильно сомневаюсь, что аэростат способствовал победе, как в то время говори-

лось. Возможно, что трудность иметь аэростат в готовом для подъема виде в момент, когда в нем возникнет необходимость, и трудность наблюдения того, что происходит внизу, когда наблюдатель находится в столь опасном положении в воздухе, а также непостоянство ветров заставили отказаться от этого средства. Поддерживая аэростат на небольшой высоте, поднимая на нем офицера, способного хорошо оценивать движение противника, и хорошо подготовив небольшое число сигналов, которые могли понадобиться, оказалось бы возможным при известных обстоятельствах извлечь из аэростата некоторую пользу. Однако дым от орудий и трудность различить, какой стороне принадлежат колонны, которые кажутся сверху войсками лилипутов, всегда будут делать донесения подобного рода ненадежными. Например, аэронавт был бы в очень затруднительном положении в сражении при Ватерлоо, так как не мог бы наверняка решить, кто приближается через Сен-Ламбер — Груши или Блюхер? Но в тех случаях, когда армии меньше перемешаны и больше отличаются одна от другой, это средство можно было бы, повидимому, иногда использовать. То, что можно с уверенностью утверждать и в чем я лично удостоверился, находясь на колокольне в Гауче во время Лейпцигского сражения,— это та польза, которую можно извлечь из подобного наблюдения. Адъютант князя Шварценберга, которого я повел на эту колокольню, не станет отрицать, что именно мои указания заставили князя принять решение на выход из оврага между Плейссе и Эльстером. Конечно, гораздо приятнее чувствуешь себя на колокольне, чем в ненадежной корзине аэростата, но не везде найдешь колокольню, расположенную так, что с нее можно обозревать все поле сражения,— переносить же колокольню по своему желанию нельзя. В конце концов, лишь господа Грин или Гарнерен могли бы нам сказать, как видны предметы с высоты в 500—600 футов.

Другой способ более надежных сигналов состоит в разведении больших костров на возвышенных точках местности. До изобретения телеграфа таким способом быстро передавалось от одной границы государства до другой известие о неприятельском вторжении. Швейцарцы пользовались кострами для призыва под оружие своей милиции. Известно также применение этих костров при расположении на зимних квартирах для подъема войск по тревоге. Они тем более удобны, что достаточно двух или трех вариантов сигналов, чтобы обозначить, с какой стороны противник более серьезно угрожает квартирному расположению и в каком пункте войска должны

сосредоточиться. Те же сигналы можно использовать на берегах для извещения о десантах.

Наконец, имеется еще один род сигналов—тот, который подается войскам во время боя с помощью военных музыкальных инструментов. Так как этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей теме, то я ограничусь лишь указанием на то, что в русской армии это дело усовершенствовано больше, чем где-либо в другом месте. Но, всецело признавая важность обладания надежными средствами для того, чтобы придать массе войск одновременное и немедленное движение в соответствии с внезапно принятым решением начальника, надо все же сказать, что эта трудная проблема далеко еще не разрешена. Кроме того, за исключением общего «ура», передаваемого всей линии по мере продвижения вперед атакующих войск, всегда будет трудно применять сигналы посредством инструментов для кого-нибудь другого, кроме застрельщиков. Притом даже эти общие и самопроизвольные крики «ура» бывают скорее следствием порыва войск, чем какого-либо приказа, чему я не раз бывал свидетелем в течение тринадцати кампаний.

ГЛАВА VII

О ПОСТРОЕНИИ ВОЙСК ДЛЯ БОЯ И О ПРИМЕНЕНИИ ТРЕХ РОДОВ ВОЙСК КАК ПОРОЗНЬ, ТАК И СОВМЕСТНО *

Нам остается еще рассмотреть две важные темы тактики сражения: 1) способ расположения войск для ввода их в бой и 2) применение различных родов войск. Хотя эти вопросы относятся к логистике и к вспомогательной тактике, однако надо признать, что они составляют одну из главных комбинаций главнокомандующего, имеющего намерение дать сражение; ввиду этого они по необходимости должны быть включены в рамки поставленных нами задач.

Тут доктрины становятся менее определенными, а потому невольно впадаешь в область систем; так, мы не без удивления недавно узнали, что один из известнейших современных писателей уверяет, будто бы тактика уже твердо установилась, стратегия же не имеет твердых оснований, тогда как на самом деле все обстоит как раз наоборот.

Стратегия слагается из неизменных географических линий, относительная важность которых оценивается по расположению неприятельских сил, которое если и может быть изменено, то лишь незначительно, потому что неприятельские силы бывают то разделены, то объединены, то находятся в центре, то на какой-нибудь из оконечностей операционного фронта. Нет ничего проще, как подчинить столь простые элементы правилам, берущим свое начало из фундаментального прин-

---

* Все, что касается построения войск, относится скорее к области логистики, чем тактики; но я полагаю, что эта глава, составленная в 1829 г., может остаться здесь, потому что построение зависит от применения, а применение также несколько зависит от наиболее обычного в армии построения.

ципа войны, и никакие усилия писателей-педантов запутать науку, в стремлении сделать ее слишком отвлеченной и слишком точной, не смогут вызвать на этот счет каких-либо сомнений. То же самое можно сказать и о комбинациях, касающихся боевых порядков, которые могут быть подчинены правилам, также зависящим от главного принципа. Но способы выполнения, т. е. тактика в собственном значении слова, зависят от такого множества обстоятельств, что невозможно установить правила поведения для всех бесчисленных случаев, которые могут встретиться. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать несколько сочинений, постоянно появляющихся об этой части военного искусства, но находящихся в резком противоречии между собой. А если свести двух выдающихся генералов, пехотных или кавалерийских, то весьма и весьма редко случится, чтобы оба они полностью согласились относительно наиболее подходящего способа атаки. Прибавим сюда огромное различие в дарованиях командиров, в их энергии, в моральных свойствах войск — и мы убедимся, что тактика выполнения всегда будет ареной противоречащих систем; было бы большим достижением, если бы удалось установить несколько руководящих правил, которые помешали бы ложным доктринам вкрадываться в принятые системы.

Статья XLIII

О РАЗМЕЩЕНИИ ВОЙСК В БОЕВОЙ ЛИНИИ

Определив в ст. XXX, что именно нужно понимать под «боевой линией», рассмотрим теперь, как она образуется и каким образом различные войска должны на ней распределяться.

До французской революции вся пехота, сведенная в полки и бригады, объединялась в один боевой корпус, подразделенный на первую и вторую линии, каждая из которых имела свое правое и левое крыло. Кавалерия обычно становилась на оба крыла, а артиллерия — в то время еще весьма неповоротливая — распределялась по фронту каждой линии (при армии находились 16-фунтовые * пушки, а конной артиллерии еще не было). В то время армия становилась лагерем всегда сосредоточению. Марши она совершала или по линиям, или по крыльям, а так как было 2 крыла пехоты и 2 крыла кава-

---

* 8-*см.* — *Ред.*

лерии, то, выступая по крыльям, армия составляла 4 колонны. Когда же она выступала по линиям, что особенно удобно было для фланговых движений, тогда она образовывала 2 колонны, за исключением того случая, когда, по местным условиям, кавалерия или часть пехоты стояла лагерем в третьей линии, что, однако, бывало редко.

Этот способ упрощал задачи логистики, потому что все распоряжения для марша заключались в одном приказании: «выступить по такому-то направлению, по линиям или по крыльям, правым или левым крылом». От этого однообразного, но простого построения походных колонн отступали редко. В связи с тогдашним способом ведения войны это построение было действительно наилучшим из всего, что можно было придумать.

Французы решили испытать под Минденом иное логистическое расположение, построив столько колонн, сколько в армии было бригад, и открывая дороги, чтобы вести все колонны фронтом для занятия определенной линии, которой, однако, они никак не могли построить (гл. XV «Трактата о крупных военных действиях»).

Хотя такой способ становиться лагерем и совершать марши по линиям и облегчал труд штаба, но нужно также признать, что при применении его к армии в 100 000 или 150 000 чел. получились бы колонны непомерной длины и что в результате часто бывали бы поражения, подобные поражению под Росбахом (см. гл. IV того же сочинения).

Во время французской революции было введено подразделение армии на дивизии. От прежней организации слишком крупных соединений отказались. Образовались части, сами по себе способные передвигаться на всякой местности, а это было действительным достижением, хотя, может быть, из одной крайности впадали в другую, почти возвратившись к организации римских легионов. Эти дивизии, состоявшие обычно из пехоты, кавалерии и артиллерии, маневрировали и сражались отдельно. Фронт дивизий растягивали без меры—или для того, чтобы продовольствовать их без магазинов, или для того, чтобы путем удлинения своего фронта охватить фронт противника. Нередко случалось, что 7 или 8 дивизий, из которых состояла армия, шли фронтом по такому же числу дорог в 4—5 лье (16—20 *км*) одна от другой. Главная квартира располагалась в центре, не имея другого резерва, кроме 5—6 слабых кавалерийских полков по 300—400 коней. Поэтому, когда неприятель сосредоточивал свои главные силы против одной из дивизий и разбивал ее, то линия разрывалась, и

главнокомандующий, не имея у себя под рукой никакого пехотного резерва, бывал вынужден отступать для объединения своих раздробленных сил.

Бонапарт в свою первую итальянскую войну устранил это неудобство как подвижностью и быстротой своих маневров, так и сосредоточением главных сил своих дивизий всегда в том пункте, где надо было наносить решающий удар.

Когда же Наполеон сделался главой государства и когда его средства и замыслы стали все более и более возрастать, он понял необходимость более устойчивой и сильной организации армии и остановился на среднем решении между старой и новой системами, сохранив все выгоды дивизионной организации. В кампанию 1800 г. он создал корпуса, состоявшие из 2—3 дивизий, и подчинил их генерал-лейтенантам для образования крыльев, центра и резерва армии *.

Окончательно эта система получила прочное основание в Булонском лагере, где были сорганизованы постоянные корпуса под командованием маршалов. Каждый корпус состоял из трех пехотных дивизий, одной легкой кавалерийской дивизии, из 36 или 40 пушек и сапер. Это были как бы малые армии, способные в случае надобности сами провести всякую операцию. Вся тяжелая кавалерия была объединена в сильный резерв, состоявший из двух кирасирских дивизий, четырех драгунских и одной легкой кавалерийской дивизии. Объединенные гренадеры и гвардия образовали превосходный пехотный резерв. Позже, в 1812 г., кавалерия также была сведена в корпуса, по три дивизии в каждом, чтобы придать большее единство непрерывно возраставшим массам этого рода войск.

Надо признать, что такая организация армии была близка к совершенству, и великая армия Наполеона, действительно совершившая столько великих дел, вскоре сделалась образцом, по которому строились европейские армии.

Некоторые военные деятели, мечтая о доведении военного искусства до совершенства, выражали пожелание, чтобы пехотная дивизия, которой иногда приходится сражаться отдельно, состояла не из двух, а из трех бригад, так как три дают центр и два крыла, что, очевидно, выгодно, поскольку при двух бригадах в центре получается пустота, промежуток, а обе части, образующие крылья, будучи лишены опоры

* Таким образом, Рейнская армия состояла из правого крыла в составе трех дивизий под командованием Лекурба, из центра в три дивизии под командованием Сен-Сира, из левого крыла в составе двух дивизий под командованием Сен-Сюзана; сверх того главнокомандующий имел три дивизии в резерве под своим непосредственным командованием.

в центре, не могут действовать отдельно с такой же безопасностью, как дивизия из трех бригад. Сверх того, три бригады позволяют завязывать бой двумя бригадами, а третью оставлять в резерве, что, очевидно, увеличивает число сил, которыми можно располагать для нанесения решающего удара. Но если 30 бригад, сведенные по три в 10 дивизий, представляют собой более выгодное сочетание, чем 15 дивизий по две бригады, то для получения такой дивизионной по преимуществу организации придется или увеличить численность пехоты на одну треть, или уменьшить число дивизий, сведя их в каждом армейском корпусе к двум вместо трех. Но это было бы менее выгодно, потому что корпусу приходится сражаться отдельно чаще, чем дивизии. Следовательно, подразделение на три части нужнее корпусу *.

Впрочем, вопрос о наилучшей организации армии, выступающей в поход, еще долго будет логистической задачей, требующей своего разрешения, так как в ходе самой войны трудно выдержать принятую организацию вследствие беспрерывного выделения отрядов, вызываемого в большей или меньшей степени ходом событий.

Великая Булонская армия, только что приведенная нами в пример, может послужить тому наилучшим доказательством. Казалось бы, что ее превосходная организация должна была бы предохранить ее от всевозможных случайностей. Центр под командованием маршала Сульта, правое крыло— Даву, левое — Нея и резерв — Ланна представляли собою огромный, правильно смонтированный боевой организм в составе 13 пехотных дивизий, не считая даже объединенных сил гвардии и гренадер. Кроме того, корпуса Бернадота и Мармона, выделенные вправо, и корпус Ожеро—влево могли быть использованы для действий на флангах. Но тотчас после переправы через Дунай при Донауверте все изменилось: Ней, усиленный сначала до пяти дивизий, остался потом при двух; главные силы были разделены, частью вправо, частью влево, так что этот превосходный порядок сделался бесполезным.

Всегда будет очень затруднительно выдержать хотя бы сколько-нибудь постоянную организацию. Впрочем, не всегда события бывают столь сложны, как события 1805 г.,

---

* 30 бригад, сведенные в 15 дивизий по две бригады, выставили бы в первую линию только 15 бригад, тогда как эти же 30 бригад, сведенные в 10 дивизий по три бригады, могли бы иметь в первой линии 20, а во второй — 10 бригад. Но тогда нужно было бы уменьшить число дивизий, имея их только по две в каждом армейском корпусе, и это было бы невыгодно, поскольку армейским корпусам чаще приходится действовать отдельно, чем дивизиям.

и кампания Моро 1800 г. доказала, что первоначальная организация хотя бы главных сил может быть до некоторой степени сохранена. Для этой цели организация армии в виде четырех частей, — а именно центра, двух крыльев и резерва, — является, повидимому, единственно правильной. Состав этих частей может изменяться в соответствии с численностью армии. Но для поддержания такого состава необходимо иметь некоторое число дивизий, предназначенных для образования требуемых отрядов. Эти дивизии, в ожидании своего выделения, могут усиливать ту или другую из частей армии, в зависимости от того, какая из них будет назначена для нанесения или парирования сильных ударов; их можно также использовать на флангах боевых корпусов или же для усиления резервов. Каждая из четырех крупных частей боевого организма может или состоять из одного корпуса в 3—4 дивизии, или же подразделяться на два корпуса, каждый в составе двух дивизий. В последнем случае будет семь корпусов, считая, что в резерв выделяется только один корпус. Но последний должен всегда состоять из трех дивизий, чтобы и центр и крылья имели по своему резерву.

При сформировании таким образом семи корпусов, если не имеется еще нескольких корпусов для образования отрядов, возможен случай, когда корпуса обоих флангов будут выделены, так что для каждого крыла останется только по две дивизии, от которых иной раз еще понадобится выделить бригаду для бокового прикрытия движения армии. Таким образом, останутся только три бригады, что явится не очень сильным боевым порядком.

Эти истины заставляют полагать, что организация боевой линии в виде четырех корпусов в три дивизии пехоты и одной дивизии легкой кавалерии, с добавлением трех или четырех дивизий для выделения отрядов, будет подвергаться меньшим изменениям, чем организация в виде семи корпусов, по две дивизии в каждом.

В конце концов, так как в подобного рода делах все зависит от силы армии и отдельных составляющих ее частей, равно как и от рода предполагаемых операций, что создает многочисленные варианты, которые здесь слишком долго было бы перечислять, я ограничусь ссылкой на прилагаемую таблицу, где приведены основные построения боевой линии, в зависимости от того, будут ли дивизии в две или три бригады, а корпуса — в две или три дивизии. На этой таблице показаны построения двух пехотных корпусов в две линии, когда один находится или позади другого или рядом с другим.

Это заставляет нас исследовать вопрос, бывает ли когда-нибудь полезно располагать один корпус позади другого, как это часто делал Наполеон, — например, при Ваграме. Я полагаю, что, за исключением резервов, эта система пригодна только при расположении на позициях, когда ожидают неприятеля, но отнюдь не для боевого порядка, ибо гораздо лучше каждому корпусу иметь при себе свою вторую линию и свой резерв, чем объединять несколько корпусов под начальством различных командиров. Как бы генерал ни был расположен поддерживать кого-либо из своих товарищей, но ему всегда будет неприятно дробить для этой цели собственные силы. Когда же в лице начальника первой линии он видит не товарища, а достойного зависти соперника, что бывает слишком часто, то весьма вероятно, что он не проявит полной готовности оказать ему нужную помощь. Кроме того, если войска растянуты на большом пространстве, то их начальник гораздо менее уверен в своих действиях, чем в том случае, когда военные действия охватывают только половину фронта и когда он находит в глубине этого фронта нужную себе поддержку.

Наконец, чтобы закончить этот очерк, укажем на помещаемую в сноске таблицу *, из которой видно, насколько

---

* Всякая армия имеет два крыла, один центр и один резерв, всего четыре главные части, не считая случайных отрядов.

Вот возможный состав для пехоты:

1. *В полках 2 батальона по 800 чел.*

4 корпуса по 2 дивизии — 8 дивизий, кроме того, для отрядов — 3 дивизии. Итого: 11 дивизий, 22 бригады = 88 батальонов = 72 000 чел.

4 корпуса по 3 дивизии = 12 дивизий.

Кроме того, для отрядов — 3 дивизии. Итого: 15 дивизий = = 30 бригад = 120 батальонов = 96 000 чел.

7 корпусов по 2 дивизии = 14 дивизий = 28 бригад = 112 батальонов. Кроме того, восьмой корпус для отрядов = 2 дивизии = = 4 бригады = 16 батальонов. Итого: 16 дивизий = 32 бригады = = 128 батальонов = 103 000 чел.

2. *В полках по 3 батальона, в бригадах по 6 батальонов.*

4 корпуса по 2 дивизии, не считая отрядов = 11 дивизий = = 22 бригады = 132 батальона = 105 000 чел.

4 корпуса по 3 дивизии, не считая отрядов = 15 дивизий = = 30 бригад = 180 батальонов = 144 000 чел.

8 корпусов по 2 дивизии = 16 дивизий = 192 батальона = 154 000 чел.

Если к этим числам добавить четвертую часть для кавалерии, артиллерии и сапер, то можно подсчитать силы, необходимые для разных составов.

Следует только заметить, что полки в два батальона, по 800 чел. в каждом, окажутся по истечении двух или трех месяцев кампании весьма слабыми. Если они не трехбатальонные, то в таком случае, по крайней мере, необходимо, чтобы батальоны состояли из 1 000 чел.

вопрос о наилучшем составе зависит от силы армии и насколько он сложен вообще.

В наше время нельзя принимать за образец огромные массы, вводившиеся в дело в 1812—1815 гг., когда, как мы видели, одна армия доходила даже до 14 корпусов, из которых в каждом было от 2 до 5 дивизий. При таких силах, бесспорно, нельзя выдумать ничего лучшего, кроме организации армейских корпусов по три дивизии в каждом. Восемь из этих корпусов можно предназначить для боевой линии, а остальные шесть оставить для выделения отрядов или для усиления какого-либо пункта боевой линии, если это окажется нужным. Но при применении этой системы к армиям, хотя уже весьма значительным, но не превышающим 150 000 чел., едва ли можно использовать дивизии по две бригады там, где Наполеон и союзники применяли целые армейские корпуса.

В самом деле, если назначить девять дивизий для образования боевого организма, т. е. двух крыльев и центра, а шесть других дивизий использовать для образования резерва и для случайных отрядов, то нужно иметь 15 дивизий, или 30 бригад, что при трехбатальонных полках составит 180 батальонов. А это предполагает уже массу в 145 000 чел. пехоты, или армию в 200 000 бойцов.

Правда, если в полках по два батальона, то вышеприведенный состав потребовал бы только 120 батальонов, или 96 000 чел. пехоты. Но когда в полках только по два батальона, то батальоны должны насчитывать по 1 000 чел., что составило бы во всяком случае 120 000 чел. пехоты, или армию в 160 000 чел. Уже одни эти расчеты показывают, какое большое влияние на состав высших подразделений имеет состав низших.

Если армия насчитывает не более 100 000 чел., то дивизионная организация, как в 1800 г., может быть, была бы лучше корпусной организации.

После исследования вопроса о более или менее устойчивой организации боевого корпуса будет уместно заняться также рассмотрением вопроса: нужно ли стремиться к такому постоянству организации и не легче ли сбить неприятеля, часто меняя состав корпусов и их расположение?

Я не отрицаю этого последнего преимущества, но его возможно объединить с выгодами, вытекающими из приблизительной устойчивости боевого порядка. Если присоединить дивизии, предназначенные для выделения отрядов, к крыльям и к центру, т. е. если эти части образовать из четырех дивизий вместо трех и придавать иногда одну или две диви-

зии к тому из крыльев, которое, по всей вероятности, будет назначено для нанесения главного удара, то на крыльях будут корпуса, состоящие в основном из четырех дивизий. Однако на самом деле, принимая во внимание выделение отрядов, будут обычно только три дивизии, а иногда даже могут быть и две, тогда как противоположное крыло, усиленное частью резерва даже до пяти дивизий, отличалось бы по своей силе довольно значительно, и неприятель никогда не знал бы наверное действительной силы составных частей боевого корпуса, с которым он имеет дело. Таким путем достигалось бы большее единство в приказах штаба на совершение движений и большее удобство при ежедневных экспедициях; при всем этом не было бы возможности для неприятеля точно знать, с кем ему придется иметь дело. Но я замечаю, что слишком далеко зашел по пути, на который мне не следовало бы вступать. Эти вопросы должно решать правительство; они заслуживают зрелого обсуждения и должны составлять предмет инструкции для генерального штаба. Но подобная инструкция не должна налагать на главнокомандующего неразрывных цепей. Главнокомандующий всегда должен иметь власть располагать свои войска в соответствии со своими намерениями и с масштабами предполагаемых им действий.

В заключение заметим, что, каковы бы ни были сила и численность подразделений или составных частей армии, организация по корпусам, вероятно, надолго останется нормальным типом крупного соединения у всех великих континентальных держав; поэтому и нужно исчислять силу боевой линии, исходя из этого соображения.

Хотя в настоящее время распределение войск иное, чем было прежде, но и боевая линия сама по себе тоже подверглась некоторым изменениям вследствие образования резервов и придачи пехотным корпусам легкой кавалерии. Прежде боевая линия обычно состояла из двух линий, а теперь она состоит из двух линий с одним или несколькими резервами. Но в последнее время массы войск европейских народов, сходившиеся на поле брани, настолько увеличились, что армейские корпуса, уже сами по себе образовавшие две линии, оказывались часто одни позади других и тем самым образовывали уже четыре линии, а так как и резервные корпуса были построены так же, то часто дело доходило до шести линий пехоты и нескольких линий кавалерии; такой порядок, может быть, и хорош для первоначального расположения, но слишком глубок для боя.

Как бы то ни было, но классическое построение, — если только можно дать ему такое название, — в наше время для пехоты — это построение в две линии. Более или менее стесненное пространство поля сражения при данной численности армии может иногда принудить к более глубокому построению, но это всегда будет исключением или будет вызвано необходимостью особо сильного удара, потому что порядок в две линии, не считая резервов, представляется вполне удовлетворительным с точки зрения его устойчивости и вместе с тем дающим большее число одновременно сражающихся бойцов, а потому он, повидимому, и является наиболее подходящим.

Когда армия имеет постоянный авангардный корпус, то этот корпус может быть также или построен впереди боевой линии, или оттянут назад для усиления резервов *; но, как уже было замечено в другом месте, это бывает редко при нынешних построениях и способах комбинирования маршей, необходимых при таких боевых порядках и построениях: каждое крыло армии имеет свой авангард, а авангард главной боевой массы естественно образуется из войск корпуса, идущего в голове; и когда доходят до неприятеля, эти дивизии занимают соответственные боевые позиции. Часто даже кавалерийские резервы почти в полном составе следуют при авангарде, что, однако, не препятствует им с началом боя занять в боевом порядке назначенное им место, определяемое или характером местности или замыслом главнокомандующего.

На основании изложенного читатели могут убедиться в том, что приемы ведения войны, которые применялись со времен возрождения военного искусства и изобретения пороха вплоть до французской революции, подверглись под влиянием современной организации армии большим изменениям и что для правильности суждения о войнах Людовика XIV, Петра Великого и Фридриха II совершенно необходимо принимать во внимание систему войны, принятую в их время.

Тем не менее часть прежних методов еще может быть использована, и хотя, например, размещение кавалерии по крыльям армии больше не является основным правилом, но оно еще может быть выгодно для армий в 50 000 или в 60 000 чел., в особенности, когда местность в центре не так удобна для действий этого рода войск, как на одной или другой оконечности

---

* Авангард, ежедневно находясь лицом к лицу с неприятелем и даже при отступлении армии образуя арьергард, имеет, повидимому, в достаточной степени право находиться во время сражения в менее опасном месте, чем расположение впереди боевой линии.

занятой линии. Обычно принято придавать каждому пехотному корпусу одну или две бригады легкой кавалерии; корпуса, находящиеся в центре, поставят кавалерию преимущественно позади линии, а фланговые корпуса могут расположить ее на своих флангах. Что же касается резервов этого рода войск, то если кавалерия достаточно многочисленна, чтобы образовать три массы для предоставления центру и каждому крылу возможности иметь свой собственный резерв, это было бы наиболее совершенным порядком, какого только можно было бы пожелать. При недостатке конницы ее резерв можно располагать в двух колоннах, из которых одна становится в том месте, где центр примыкает к правому крылу, а другая — между центром и левым крылом. При таком расположении колонн они могут с одинаковой легкостью поспевать во все пункты линии, которым угрожала бы опасность *.

Артиллерия, в настоящее время более подвижная, распределяется, как и прежде, по всему фронту, так как в каждой дивизии имеется своя артиллерия. Однако следует заметить, что вследствие усовершенствования организации артиллерии было бы лучше распределять ее в соответствии с потребностями, так как слишком сильно дробить ее всегда вредно. В конце концов, относительно распределения артиллерии сейчас существует еще слишком мало положительных правил. Кто, например, осмелился бы посоветовать закрыть разрыв боевой линии одной батареей в сто орудий, поставленной очень далеко от линии, как это сделал с таким успехом Наполеон в сражении при Ваграме? Не имея возможности входить здесь во все подробности этого рода войск, мы ограничимся нижеследующими положениями:

1. Конную артиллерию нужно располагать на такой местности, где она могла бы свободно передвигаться во всех направлениях.

2. Напротив, пешую, и в особенности позиционную, артиллерию лучше ставить в таких местах, где она была бы прикрыта рвами или изгородями; это обезопасило бы ее от внезапной кавалерийской атаки. Едва ли надо напоминать, что для сохранения всей силы действия артиллерии надо остерегаться поднимать ее на слишком крутые высоты, а наоборот, располагать ее на ровной местности или на пологих скатах. Это правило должно быть известно каждому младшему лейтенанту.

---

* Само собой понятно, что такое расположение предполагает местность, удобную для действий этого рода войск; это является первым условием всякого хорошо задуманного боевого порядка.

3. Хотя конная артиллерия придается главным образом кавалерии, однако все же необходимо, чтобы каждый армейский корпус имел свою конную артиллерию, в целях быстрого захвата важных пунктов. Сверх того, надо иметь конную артиллерию также и при артиллерийском резерве, чтобы с большей скоростью посылать ее на помощь угрожаемым пунктам. Ген. Беннигсен мог поздравить себя с тем, что в сражении при Эйлау он имел в резерве 50 орудий конной артиллерии, потому что они сильно помогли восстановлению положения между центром и левым крылом, где его боевая линия оказалась прорванной.

4. Действуя оборонительно, необходимо часть батарей крупного калибра выдвигать на фронт, а не держать их в резерве, так как в этом случае нужно бить неприятеля с возможно большего расстояния, чтобы приостановить стремительность его атаки и привести его колонны в замешательство.

5. В том же случае обороны было бы, повидимому, более правильным распределять артиллерию, за исключением резерва, равномерно по всей линии, потому что в одинаковой степени важно отбивать неприятеля во всех пунктах. Но это, впрочем, не является безусловно правильным, потому что местность и очевидные намерения неприятеля могут заставить командование направить главные силы артиллерии на одно из крыльев или на центр.

6. При наступлении также может быть выгодно сосредоточить очень много артиллерии в таком пункте, откуда хотят направить решающее усилие для производства в неприятельской линии прорыва, в целях облегчения главной атаки, от которой зависит успех всего сражения.

Но так как здесь мы должны рассматривать вопрос только о распределении артиллерии, то об использовании ее в бою мы будем говорить ниже.

Статья XLIV

О ПОСТРОЕНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ПЕХОТЫ

Пехота, бесспорно, является главным родом войск, как потому, что она составляет четыре пятых всякой армии, так и потому, что именно она захватывает или удерживает позиции. Но хотя и надо признать, что после таланта полководца пехота является главным орудием победы, следует также согласиться и с тем, что пехота находит себе сильную

поддержку в кавалерии и артиллерии и что без их помощи она часто подвергалась бы большой опасности и могла бы одерживать лишь половинные успехи.

Мы не намерены возвращаться здесь к старинным спорам о тонком и глубоком порядке, хотя этот вопрос, который считался уже полностью разрешенным, далеко еще не исчерпан и для него не установлена еще точка зрения, которая давала бы возможность разрешить его на основании хотя бы примеров и вероятных предположений. Война Наполеона в Испании и сражение при Ватерлоо возобновили споры о преимуществах огня и тонкого порядка перед натиском штурмовых колонн и глубоким порядком. Позже мы выскажем по этому вопросу наше мнение.

Впрочем, не следует неверно понимать положение вещей. В наше время спорят не о том, прав ли был Ллойд, предлагавший ввести в пехоте четвертую шеренгу, вооруженную пиками, чтобы придать бо́льшую силу ее натиску при атаке неприятеля и бо́льшую мощь сопротивления при обороне. В наше время всякий опытный военный человек знает, что уже довольно трудно двигаться развернутым боевым порядком, построенным в три ряда и даже в два ряда, и что четвертая шеренга лишь увеличила бы затруднения, не прибавив ровно ничего к силе пехоты. Удивительно, что Ллойд, сам участник войны, так настаивал на этой материальной силе, потому что сражающиеся войска очень редко сходятся так близко, чтобы можно было испытать это механическое превосходство. Если же три первые шеренги бросятся бежать, то и четвертая наверняка не удержит их. Такое прибавление одной шеренги при обороне уменьшило бы протяжение фронта и огонь пехоты, а при наступлении не содействовало бы подвижности и силе натиска, в чем как раз и состоит выгода штурмовых колонн. Можно даже утверждать, что четвертая шеренга лишь ослабила бы этот натиск, так как в сражении гораздо труднее двигаться массе в 800 чел., построенной в четыре шеренги, чем массе в три или даже в две шеренги, хотя в первом случае длина фронта и уменьшилась бы на одну четверть; выгода небольшого сокращения фронта была бы с лихвой перекрыта затруднениями, связанными с перемешиванием на марше двух средних шеренг с другими шеренгами.

Что касается предложенного Ллойдом способа уменьшения неудобств, происходящих от сокращения фронта, то он настолько нелеп, что просто непонятно, каким образом человек с такими дарованиями вообще мог его выдумать. Он предложил

строить развернутым фронтом 20 батальонов с интервалами в 75 туазов (около 150 *м*), т. е. с интервалами, равными длине фронта батальона. Можно себе представить, чему подверглись бы эти разобщенные и столь удаленные один от другого батальоны, оставляющие между собой 19 больших промежутков, в которые кавалерия могла бы ворваться сильными колоннами, атаковать их во фланг и смять совершенно.

Как мы сказали, спорный вопрос состоит не в том, чтобы решать, нужно ли увеличивать число шеренг в боевой линии, а в том, нужно ли составлять боевую линию из развернутых батальонов, действующих лишь одним огнем, или же из штурмовых батальонных колонн, построенных по двум средним взводам и действующих только быстротой и бурным натиском. Многие из новейших писателей с большой проницательностью рассматривали этот вопрос, но ни один из них не высказал ничего убедительного, потому что в тактике все гораздо больше зависит от непредвиденных обстоятельств, внезапного вдохновения, морального состояния и личных дарований. Гибер был самым красноречивым проповедником тонкого порядка и огня, но сто побед за последние войны сто раз опровергли его предположения. Маркизы Шанбрэ и Тэрнэ также принимались за решение этих вопросов, но возбудили лишь сомнения, не разрешив их. Тем не менее курс тактики Тэрнэ содержит ценные мысли, особенно в отношении боевых порядков. Хотя из них и нельзя вывести безусловных правил, зато можно ознакомиться с различными комбинациями, которые могут возникнуть, а это и представляет собою все, что можно ожидать от тактического сочинения *.

Генерал Окунев в своем исследовании свойств трех родов войск обнаружил не меньше проницательности и добился не меньшего успеха. Но и он, может быть, писал недостаточно убедительно и оставил еще некоторые сомнения насчет решения задачи. Подобно предшествовавшим ему писателям, он не исследовал вопроса о том, не представляли ли собой французские колонны, отбитые огнем развернувшихся англичан, слишком глубокие массы, вместо того чтобы быть силою в один только батальон, как мы только что указывали, что представляет огромную разницу.

Я подведу итог существующим точкам зрения на поставленный вопрос.

---

* Прусский майор Деккер написал на немецком языке сочинение, тоже стоящее внимания, под заглавием „Тактика трех родов войск". Но он рассматривает систему слишком уплотненных масс. Во Франции издан хороший элементарный курс Жакино.

В действительности существует только пять способов построения войск для атаки неприятеля:

1) рассыпной строй застрельщиков (стрелков);

2) развернутые линии, или рядом стоящие, или эшелонированные в глубину;

3) линии батальонов, построенных по центру каждого батальона;

4) глубокие массы;

5) малые каре.

Застрельщики (стрелки) являются в большей или меньшей степени лишь дополнением боевого порядка, так как главная обязанность их заключается в том, чтобы, применяясь к местности, прикрывать боевую линию в собственном смысле этого слова, обеспечивать движение колонн, закрывать промежутки или защищать подступы к укреплениям.

Эти различные формы построения сводятся, таким образом, к четырем системам: 1) тонкий, или развернутый в три шеренги, порядок; 2) полуглубокий порядок, составленный из линии батальонов, построенных в штурмовые колонны по центру каждого батальона, или в батальонные каре; 3) смешанный порядок, в котором полки частью развернуты, а частью находятся в колоннах; 4) наконец, глубокий порядок, составленный из больших колонн батальонов, развернутых один позади другого.

Развернутый порядок в две линии с резервом когда-то применялся чаще всего; он в особенности удобен для обороны. Эти развернутые линии могут быть расположены или рядом, или в шахматном порядке, или, наконец, по-эшелонно.

Порядок, в котором каждый находящийся в линии батальон построен в штурмовую колонну по-дивизионно * по центру, более сосредоточен. Этот порядок представляет собою в некотором роде линию малых колонн (см. рис. 5 прилагаемой таблицы).

При нынешнем построении в три шеренги сам батальон подразделяется на четыре дивизиона, поэтому батальонная штурмовая колонна содержит в глубину 12 шеренг; таким образом, в ней имеется слишком много людей, не принимающих участия в сражении и в то же время представляющих слишком хорошую цель для неприятельской артиллерии. Для уменьшения этих неудобств предлагалось всякий раз, когда хотят

---

* Слово „дивизия", применяемое для обозначения четырех или пяти полков и для обозначения двух взводов одного и того же батальона, создает в тактическом языке путаницу, от которой было бы необходимо избавиться. Только устав имеет на это право.

применить пехоту в штурмовых колоннах, строить ее в две шеренги, а в каждом батальоне ставить только три дивизиона один за другим, четвертый же дивизион рассыпать в стрелковую цепь в интервалах между батальонами и на флангах линии, с тем, однако, чтобы в случае нападения неприятельской кавалерии собирать их позади трех дивизионов, построенных в колонну (рис. 6). Таким образом, в каждом батальоне прибавилось бы по 200 стрелков, не считая тех бойцов, число которых также увеличилось бы от усиления фронта на одну треть путем введения людей третьей шеренги в две первые. Тогда батальонная штурмовая колонна имела бы только шесть шеренг в глубину, причем получилось бы сто рядов по фронту и 400 стрелков в каждой штурмовой батальонной колонне. Таким образом, сила была бы соединена с подвижностью *. Поскольку батальон в 800 чел., построенный по принятому ныне способу в колонну из четырех дивизионов, имеет в каждом дивизионе около 60 рядов, причем стрелять могут только две шеренги переднего дивизиона, то очевидно, что каждый батальон, поставленный таким образом в линию, дает только 120 ружейных выстрелов, тогда как по предложенному нами способу он даст 400 выстрелов.

Изыскивая способы получить в случае нужды возможно большее число выстрелов, надлежит, однако, помнить, что так называемая штурмовая колонна не предназначена для стрельбы; это средство она должна сберегать для ответственных моментов—или перед штурмом, или же на случай крайности. Ведь если она начнет стрелять во время движения к неприятелю, то ее натиск превратится в ничто, и атака будет безуспешна. К тому же такой тонкий порядок, действительно полезный против пехоты, против кавалерии был бы полезен менее, чем колонна из четырех взводов в три шеренги, образующая в некотором роде полное каре; но при новых ружьях и хорошей огневой дисциплине выгоды его сохранились бы. В сражении при Эслингене и в особенности при Ваграме эрцгерцог Карл с пользою применил этот последний порядок, предложенный мною в главе об общих принципах войны, опубликованной в 1807 г. Храбрая кавалерия маршала

---

* В русской армии застрельщиков берут из третьей шеренги каждой роты или дивизиона, что сокращает колонну до восьми шеренг вместо 12 и делает ее более подвижной. Может быть, было бы лучше использовать для этого весь четвертый дивизион для более удобного обратного сбора застрельщиков в колонне; тогда имели бы против пехоты девять шеренг, или три дивизиона, каждый в три шеренги, и против кавалерии иолную полонну в 12 шеренг.

Бессьера ничего не могла сделать против этих небольших масс *.

Правда, для придания большей устойчивости предлагаемой колонне можно было бы собрать застрельщиков и реформировать четвертый дивизион; но колонна осталась бы построенной в две шеренги и, следовательно, имела бы гораздо меньше возможностей для сопротивления кавалерийской атаке, особенно во фланг. Однако в сражении при Ватерлоо колонны англичан были построены только в две шеренги, но, несмотря на геройские усилия французской кавалерии, только один батальон был смят.

Я осветил все стороны данного вопроса; мне остается только заметить, что если бы захотели принять для штурмовых колонн строй в две шеренги, то трудно было бы сохранить построение в три шеренги для развернутых линий, потому что армия не может иметь два рода построений или, по крайней мере, применять их попеременно в течение одного дня сражения. Отсюда следует, что ни одна европейская армия (за исключением английской) не могла бы решиться на развертывание линии из двух шеренг. В таком случае нужно было бы всегда передвигаться только в штурмовых колоннах.

Из этого я заключаю, что система, давно применяемая в России и Пруссии, а именно — строить колонну в четыре дивизиона по три шеренги, из которых одна в случае нужды может быть использована в качестве застрельщиков, — является тем строем, который может применятыся во всех случаях.

Независимо от двух упомянутых выше порядков, существует еще третий, смешанный, который был применен Наполеоном при Тальяменто и русскими в сражении при Эйлау: один батальон каждого трехбатальонного полка был построен развернутым фронтом в первой линии, а остальные два батальона были поставлены позади первого в колоннах по крайним взводам (см. рис. 2). Такое построение, относящееся также к полуглубоким порядкам, действительно удобно для активной обороны, так как развернутые в первой линии войска долго сопротивляются благодаря своему убийственному огню, действие которого всегда приводит наступающего неприятеля в некоторое замешательство. Тогда войска, построенные в колонны, могут, пройдя в батальонные интер-

---

* Вагнер, повидимому, сомневается в том, что именно я способствовал принятию этого построения. Однако эрцгерцог Карл лично уверял меня в этом в 1814 г., потому что в Австрии, так же как и во французском уставе, колонна применялась только для атаки укрепления, но не для атаки боевых линий.

валы, атаковать противника с шансом на успех. Может быть, можно было бы даже еще усилить преимущества этого строя, располагая два фланговых батальона на одной линии с центральным батальоном, развернутым так, чтобы первые дивизионы этих батальонов были в линии. Таким образом, в каждом полку первой линии было бы на полубатальон больше, что не является безразличным с точки зрения плотности огня. Но нужно остерегаться, чтобы эти дивизионы, открыв огонь, не затруднили использования двух батальонов, оставленных в колоннах для броска на неприятеля. Тем не менее есть немало случаев, в которых подобный боевой порядок был бы выгоден, а этого достаточно, чтобы о нем упомянуть.

Боевой порядок, состоящий из слишком глубоких колонн (рис. 3), является, без сомнения, самым невыгодным. В последних войнах случалось видеть целые дивизии, в которых 12 батальонов, развернутых и построенных один за другим на сомкнутых дистанциях, образовывали 36 сбитых в кучу шеренг. Подобные массы подвержены огромным опустошениям со стороны неприятельской артиллерии. Они уменьшают подвижность и быстроту натиска, ничего не прибавляя к его силе. Это одна из причин малого успеха французов в сражении при Ватерлоо. Если колонна Макдональда имела успех при Ваграме, то это стоило ей очень дорого, и если бы не удачное нападение Даву и Удино на левое крыло эрцгерцога Карла, то, вероятно, эта колонна не вышла бы победно из того затруднительного положения, в какое она временно попала.

Когда решаются действовать подобной массой, то надо, по крайней мере, поставить на каждом ее фланге по батальону, который шел бы рядами, чтобы в случае нападения неприятеля на фланг колонны она не была вынуждена остановиться (рис. 3). Колонна, прикрытая этими батальонами, которые в случае надобности могли бы повернуться фронтом к неприятелю, может, по крайней мере, продолжать свое движение до назначенной ей цели. В противном случае эта инертная масса, поражаемая перекрестным огнем, которому она не может противопоставить даже натиска подобающей силы, или будет приведена в беспорядок, подобно английской колонне при Фонтенуа, или будет разбита, как была разбита македонская фаланга консулом Павлом Эмилием.

Каре полезны на равнинах и против неприятеля, имеющего превосходство в кавалерии. В прежние времена их строили чрезмерно большими, но теперь признано, что полковые каре являются самыми выгодными при обороне, а батальон-

ные — при нападении. Смотря по обстоятельствам, можно строить как совершенно квадратные, так и продолговатые каре, чтобы получить более длинный фронт, а следовательно, и более сильный огонь на той стороне, откуда ожидают неприятеля (рис. 8 и 9). Из трехбатальонного полка легко можно построить продолговатое каре. Для этого нужно разделить второй или средний батальон пополам; первый полубатальон делает захождение направо, а второй полубатальон — налево.

В войнах Турции почти исключительно применялись каре, поскольку действия происходили на обширных равнинах Бессарабии, Молдавии и Валахии, а турки имели у себя многочисленную кавалерию. Но если операции будут происходить в Балканских горах или за ними, а турецкая иррегулярная конница уступит место армии с европейской организацией, то значение каре уменьшится, и русская пехота проявит в Румелии все свое превосходство.

Впрочем, порядок в виде полковых или батальонных каре, повидимому, пригоден при всякого рода атаках, когда нет превосходства в кавалерии и когда маневрируют на ровной местности, благоприятствующей атакам неприятеля. Продолговатое каре, в особенности построенное батальоном из восьми взводов, из которых шесть составляют передний и задний фасы, имея по одному взводу с каждой стороны, выгоднее для движения в атаку, чем батальон, наступающий развернутым фронтом. Это каре, конечно, не так выгодно, как выше предложенная штурмовая колонна, но все же в нем будет меньше колебаний и больше натиска, чем если бы шел развернутый батальон, а кроме того, он более выгоден для отражения кавалерийской атаки.

Нельзя с уверенностью утверждать, что каждое из этих различных построений всегда хорошо или всегда плохо, но, по крайней мере, следует согласиться с тем неоспоримым правилом, что для наступления надо применять построение, которое соединяло бы в себе *подвижность с устойчивостью и силой натиска*, тогда как для обороны нужна только устойчивость, соединенная с *возможно более сильным огнем*.

А согласившись с этой истиной, надо только решить, в течение какого времени самые храбрые войска, атакующие в колоннах и сами не стреляющие, могут устоять против войск, построенных развернутым фронтом, имеющих в своем распоряжении 20 000 ружейных патронов и могущих в 5 мин. сделать от 2 000 до 3 000 выстрелов. В последних войнах русские, французские и прусские колонны много раз захватывали

позиции с помощью одних штыков, не сделав ни одного ружейного выстрела. Это было торжеством натиска и морального воздействия, производимого таким штурмом. Но в сражениях при Талавере, Бузако, Фуенте-ди-Гоноре, Альбуере и еще менее того при Ватерлоо при действии против смертоносного огня и хладнокровия английской пехоты колонны уже не имели такого успеха.

Однако было бы опрометчиво сделать отсюда вывод, что надо решительно склонять весы в сторону тонкого боевого порядка и огня. Ведь во всех упомянутых сражениях французские войска скучивались в слишком глубокие массы, чему не раз я сам бывал очевидцем, а потому нет ничего удивительного, что эти огромные атакованные со всех сторон колонны, составленные из развернутых и колеблющихся батальонов, поражаемые смертоносным огнем спереди и во фланги, испытали ту участь, о которой сказано выше. Но едва ли то же самое случилось бы с батальонными штурмовыми колоннами, если бы каждая колонна состояла из батальона, развернутого по центру в соответствии с уставом. Чтобы судить о решительном превосходстве тонкого боевого порядка и огня над полуглубоким строем и штурмовым натиском, нужно было бы несколько раз видеть, что случается с развернутой линией, бесстрашно атакованной неприятелем, построенным в батальонные штурмовые колонны (рис. 6). Что касается меня, то я могу утверждать, что во всех боях и сражениях, в которых я сам бывал, такие малые колонны имели успех.

Впрочем, легко ли принять какой-либо иной порядок при атаке позиции? Можно ли вести к ней длинную развернутую линию, извергающую огонь? Я думаю, что никто не решится дать на это утвердительный ответ. Бросить для овладения хорошо обороняемой позицией 20 или 30 батальонов, построенных развернутым или более или менее открытым фронтом, ведущим стрелковый огонь рядами или взводами, — это значило бы стремиться подойти к ней в полном беспорядке, подобно стаду баранов, или, лучше сказать, стремиться никогда не дойти до нее.

Из всего сказанного выше приходим к следующим заключениям:

1) если глубокий строй опасен для наступления, то полуглубокий превосходен;

2) боевой порядок из батальонных штурмовых колонн является наилучшим для захвата позиции, но следует возможно больше сократить глубину этих колонн, чтобы в случае необходимости развить более сильный огонь и уменьшить дей-

ствительность неприятельского огня; кроме того, надо прикрывать эти колонны большим числом застрельщиков и поддерживать их кавалерией;

3) боевой порядок в виде развернутого фронта в первой линии и колонн во второй линии является наиболее выгодным при обороне;

4) успешность применения обоих этих боевых порядков будет зависеть от искусства генерала использовать свои силы, о чем мы уже говорили, обсуждая вопрос об инициативе.

Правда, многие изобретения в искусстве истребления людей, появившиеся с тех пор, как впервые была написана эта статья, могли бы говорить в пользу развернутого строя даже для атаки. Однако трудно предугадать уроки, которые может дать один только опыт, потому что, несмотря на все, чем угрожают ракетные батареи, картечные гранаты Шрапнеля или Бурмана и даже Перкинсовы ружья, я все же признаюсь, что трудно мне было бы придумать лучшую систему для вождения пехоты на штурм позиций, чем система батальонных колонн. Может быть, следовало бы подумать о возвращении пехоте касок и лат XV столетия, прежде чем бросать ее против неприятеля в развернутых линиях? Но если бы решительно возвратились к этой развернутой системе, то для атаки нужно было бы, по крайней мере, изыскать более удобное средство, чем длинные непрерывные линии, и принять или колонны на дистанциях, допускающих возможность развернуться при подходе к неприятельской позиции, или линии, расположенные в шахматном порядке, или марш в боевом порядке взводами с флангов; все это действия, более или менее затруднительные в виду неприятеля, который сумел бы использовать их недостатки. Впрочем, как мы уже сказали, искусный генерал может, в зависимости от обстоятельств и местности, комбинировать применение обеих систем.

Если опыт мне уже давно показал, что одной из труднейших тактических задач на войне является лучший способ построения войск для введения их в бой, то я также давно убедился в том, что решить эту большую задачу независимо от всяких условий есть вещь невозможная.

Прежде всего, характер местности существенно различен на разных театрах войны: есть страны, как, например, Шампань, где можно действовать развернутым фронтом даже с 200 000 чел., а есть другие, как, например, Италия, Швейцария, долина Рейна, половина Венгрии, где едва можно развернуть дивизию из 10 батальонов. Степень обучения войск всякого

рода маневрам, их вооружение и национальный характер также могут оказать влияние на строи и порядки.

Благодаря большой дисциплине русской пехоты и обучению ее всякого рода маневрам возможно достичь передвижения ее очень длинными линиями, с достаточным порядком и единством. Поэтому она может принять такую систему, которая, я думаю, была бы невозможна ни у французов, ни у нынешних пруссаков. Опыт в этом деле научил меня считать все возможным, и я не из числа тех ортодоксальных догматиков, которые допускают только единственный образец и единственную систему для всех стран и для всех армий.

Чтобы возможно больше приблизиться к решению задачи, мне кажется, нужно отыскать:

а) лучший способ движения в виду неприятеля, но еще вне досягаемости его огня;

б) лучший способ итти в атаку;

в) лучший оборонительный боевой порядок.

Как бы ни были решены эти вопросы, мне кажется полезным во всех случаях приучать войска:

1) к движению в батальонных колоннах из середины, чтобы потом, если пожелают, развернуть фронт в пределах дальности действия мушкета или чтобы напасть на неприятеля, если потребуется, даже колоннами;

2) к движению сплошными развернутыми линиями по 8 или 10 батальонов;

3) к движению *развернутыми батальонами в шахматном порядке,* который дает прерывчатые линии, более удобные для движения, чем длинные непрерывные линии;

4) к движению вперед захождением плечом по-взводно;

5) к движению вперед малыми каре, или в одну линию, или в шахматном порядке;

6) к переменам фронта посредством этих различных способов движения;

7) к переменам фронта взводными колоннами на полных дистанциях для перестроения без развертывания; этот способ более выполним, чем другие, употребляемые для перемены фронта; он лучше приспособляется ко всякого рода местности.

Из всех способов движения вперед движение захождением по-взводно было бы самым легким, если бы оно не представляло некоторой опасности. На ровной местности это движение удается превосходно, — да и на пересеченной местности оно самое удобное, — однако оно имеет то неудобство, что слишком раздробляет боевую линию. Тем не менее, при-

учив к нему начальников и солдат, хорошо вымуштровав линейных унтер-офицеров и знаменосцев, можно было бы избежать всякого замешательства.

Единственное возражение, которое можно было бы сделать,— это опасение, что разобщенные таким образом взводы могут подвергнуться кавалерийской атаке. Но этой опасности можно избегнуть, хорошо ведя кавалерийскую разведку или же не применяя этого строя в слишком близком расстоянии от неприятеля, а используя его лишь для того, чтобы пройти первую часть большого расстояния, разделяющего обе армии. При первом признаке приближения неприятеля линия была бы перестроена в одну секунду, потому что для этого достаточно того времени, которое необходимо взводу, чтоб стать в линию беглым шагом рядами. Тем не менее нужно сознаться, что, какие бы ни принимались меры предосторожности, этот маневр может быть использован только войсками, очень дисциплинированными и хорошо обученными, но отнюдь не милицией и не молодыми солдатами. Я никогда не видел выполнения этого движения в виду неприятеля, а только на маневрах и главным образом для перемены фронта, что делалось с успехом; его всегда можно было бы испытать во время больших летних маневров.

Мне приходилось видеть попытки движения линиями батальонов, развернутых в шахматном порядке или эшелонированно. Эти движения весьма хорошо удавались, между тем как движения сплошными или непрерывными линиями всегда выходили очень плохо; особенно французы никогда не умели двигаться развернутыми линиями. Может быть, найдут, что эти движения в шахматном порядке тоже могут быть опасными в случае неожиданного нападения кавалерии. Однако их можно было бы применять в первый момент движения, чтобы сделать его более легким; тогда вторые эшелоны, следующие в шахматном порядке, могли бы вступить в линию вместе с первыми еще до нападения на неприятеля. Впрочем, располагая батальоны, построенные в шахматном порядке, на малом расстоянии один от другого, всегда будет легко образовать линию в момент атаки: не надо забывать, что шахматный порядок образует не две линии, а лишь одну, которую подразделили на части во избежание потери равнения и беспорядка при движении непрерывной линией.

Не менее трудно определить лучший строй для атаки неприятеля. Из всех опытов, которые я видел, лучше всего, как мне казалось, удался опыт движения 24 батальонов двумя линиями батальонных колонн, построенных из середины для

развертывания: первая линия шла ускоренным шагом в атаку на неприятельскую линию и, подойдя на расстояние двух ружейных выстрелов, развертывалась на бегу; стрелковые вольтижерные роты каждого батальона рассыпались застрельщиками, другие выстраивались и потом открывали оживленный огонь рядами; вторая линия колонн следовала за первой, причем составлявшие ее батальоны бросались ускоренным шагом в промежутки между стрелявшими ротами. Правда, все это выполнялось без неприятеля, но, казалось, ничто не смогло бы противостоять этому двойному действию — огня и колонн.

Кроме этих линий в колоннах, есть еще три способа атаковать в полуглубоком порядке.

Первый способ представляет собою смешанные линии, состоящие из развернутых батальонов и батальонов в колоннах на их флангах, о чем мы уже говорили раньше. Развернутые батальоны и первые дивизионы батальонов в колоннах открывали бы огонь до подхода на расстояние полувыстрела, а потом бросались бы на противника.

Второй способ состоит в движении вперед развернутой линией со стрельбой до подхода на расстояние полувыстрела, после чего колонны второй линии через интервалы первой бросаются в атаку.

Третий способ — эшелонированный порядок.

Наконец, последний способ состоит в движении вперед в совершенно развернутом порядке, благодаря одному лишь превосходству своего огня, до тех пор пока одна сторона не побежит, что, повидимому, невозможно.

Я не могу утверждать, который из этих способов является наилучшим, потому что ничего подобного я не видел во время кампаний. В самом деле, на войне во время пехотных боев я видел только заблаговременно развернутые батальоны, которые начинали с огня по-взводно, а потом мало-помалу переходили к огню по рядам; или же колонны гордо шли на неприятеля, который бежал, не ожидая удара, либо отражал эти колонны еще до фактического с ними столкновения своею твердой выдержкой, своим огнем или, наконец, своим переходом в наступление навстречу врагу *. Только в деревнях и в дефиле я видел настоящие стычки пехоты в колоннах, головы которых действовали штыками, ничего подобного я не видел на позициях.

---

* Я видел также большие сражения, где половина пехоты была рассыпана по-взводно застрельщиками; но это имеет отношение к батальонам, начавшим иррегулярный огонь по рядам.

Сколько бы о том ни спорили, мы все же будем утверждать, что было бы нелепо отвергать ружейный огонь пехоты, как нелепо было бы и отказываться от полуглубоких колонн. А если бы захотели дать армии безусловную тактическую систему для всех стран и против всех народов без всякого различия, то это значило бы погубить армию. Победу дает не столько способ построения, сколько хорошо рассчитанное использование различных родов войск. Тем не менее я исключаю слишком глубокие колонны, которые нужно изгнать из всех теорий.

Мы закончим напоминанием, что одна из важнейших задач при завязке пехотного боя состоит в том, чтобы в возможно большей степени укрывать свои войска от огня неприятельской артиллерии, не отводя их некстати назад, а используя складки местности и другие находящиеся впереди неровности, могущие скрыть их от батарей. Когда же сближение произведено на расстояние ружейного выстрела, то уже нечего помышлять об укрытиях для войск. Если есть возможность и способность атаковать, то и нужно это сделать; укрытия должны быть предоставлены в этом случае стрелкам и обороняющимся войскам.

Важно бывает оборонять деревни, находящиеся перед фронтом позиции, или стараться овладеть ими, если ведутся наступательные действия. Однако не следует также приписывать этим деревням слишком большое значение и забывать знаменитое сражение при Гохштедте: Мальбрук и принц Евгений, заметив, что главные силы французской пехоты окопались в деревнях, прорвали центр французской армии и взяли в плен 24 батальона, выделенные для охранения этих постов.

По той же причине выгодно занимать рощи и кустарники, которые могут служить опорой владеющей ими стороне. Они укрывают войска от неприятеля, дают возможность скрывать движения, способствуют движениям своей кавалерии и препятствуют передвижениям неприятельской кавалерии вблизи от них.

Скептик Клаузевиц не побоялся поддержать противоположное положение, и притом под странным предлогом, будто бы тот, кто занимает лес, действует как слепой и не знает ничего о том, что делает неприятель. Защиту леса он рассматривает как тактическую ошибку. Вероятно, ослепленный результатами Гогенлиденского сражения, этот слишком прославленный автор смешивает занятие леса в боевой линии с рискованным расположением в обширных лесах целой армии, которая не

владеет выходами из них ни на фронте, ни на флангах. Но только никогда не видевший сражения может отрицать неоспоримо большую ценность овладения лесом, расположенным вблизи боевой линии, которую надо защищать или атаковать. Роль, которую сыграл Гугомонтский парк в сражении при Ватерлоо, может служить убедительным примером влияния, сказываемого на сражение таким хорошо выбранным и хорошо обороняемым постом. Выдвигая свой парадокс, Клаузевиц забыл о важной роли, которую сыграли леса в сражениях при Гохкирхе и Коллине.

Однако я уже слишком сильно углубил эту главу о пехоте; пора перейти и к другим родам войск.

Статья XLV

О КАВАЛЕРИИ

Кавалерийские строи и порядки, по поводу которых возникали почти такие же споры, как и по поводу пехотных, также не были точно определены, а слишком прославленное сочинение графа Бисмарка о кавалерии мало продвинуло вперед этот вопрос. Так как и вопрос о применении кавалерии еще не совсем выяснен, то я решаюсь изложить здесь свои мысли для обсуждения их кавалерийскими генералами, опытными в вождении конницы.

Применение кавалерии, естественно, зависит в некоторой степени от ее силы по сравнению с неприятельской как в отношении численности, так и в отношении качества. Однако, какие бы изменения ни вносились указанными различиями, своевременное и уместное применение этого рода войск бывает столь решающим, что даже численно более слабая, но хорошо руководимая кавалерия всегда может найти случай совершать великие подвиги.

Численное соотношение между кавалерией и пехотой сильно менялось. Оно зависит от природной склонности народов, более или менее способных сделаться хорошими кавалеристами. Обилие и качество лошадей также оказывают некоторое влияние. Хотя в революционные войны французская кавалерия была дезорганизована и численно сильно уступала австрийской, однако она служила превосходно. В 1796 г. я видел в Рейнской армии то, что тогда пышно называли кавалерийским резервом, хотя последний едва составлял слабую бригаду в 1 500 коней. Десять лет спустя я видел те же самые

резервы уже численностью от 15 000 до 20 000 чел. Вот насколько изменились с того времени идеи и средства!

Вообще говоря, можно принять за правило, что одна шестая часть действующей армии должна состоять из конных войск; в горных странах достаточно одной десятой части.

Главное преимущество кавалерии состоит в ее быстроте и подвижности; можно было бы даже добавить — в ее пылкой стремительности, если бы только можно было не опасаться ложного истолкования этого последнего качества.

Но как бы ни было важно участие кавалерии в комплексе военных операций, все же она сама по себе, без помощи пехоты, в состоянии оборонять позиции лишь в течение короткого времени. Главное ее назначение в том, чтобы подготовлять или завершать победу, делать ее более совершенной, забирая пленных и отбивая трофеи, преследовать неприятеля, быстро оказывать поддержку упрожаемому пункту, опрокидывать пришедшую в замешательство пехоту и, наконец, прикрывать отступление пехоты и артиллерии. Вот почему армия, не имеющая кавалерии, редко добивается крупных успехов и ее отступления бывают такими тяжелыми.

Наиболее подходящий момент и способ кавалерийской атаки зависят от военного глазомера начальника, от плана сражения, от того, что делает неприятель, и от тысячи других соображений, перечисление которых заняло бы слишком много времени. Поэтому мы укажем здесь только на главные черты.

Общепризнано, что кавалерия не может рассчитывать на успех общей атаки, предпринятой на нерасстроенную боевую линию, если она не будет поддерживаться, хотя бы на некотором расстоянии, пехотой и многочисленной артиллерией. В сражении при Ватерлоо все видели, как дорого стоили французской кавалерии действия вопреки этому правилу; ту же участь испытала и кавалерия Фридриха II в сражении с русскими при Кунерсдорфе.

Несмотря на это, иногда может случиться надобность атаковать одной кавалерией; но вообще наибольших результатов можно ожидать от кавалерийской атаки на линии пехоты, уже вступившей в бой с пехотой противника. Сражения при Маренго, Эйлау, Бородино и десятюк других вполне доказали это.

Впрочем, есть один случай, когда кавалерия решительно превосходит пехоту, а именно когда проливной дождь или густой снег, намочив оружие, лишает пехоту возможности производить стрельбу. Корпус маршала Ожеро жестоко пострадал по этой причине в сражении при Эйлау, а левое крыло

австрийцев подверглось той же участи в сражении под Дрезденом (в 1813 г. — *Ред.*).

Сильные атаки с успехом производятся также на пехоту, уже поколебленную мощным огнем артиллерии или иным каким-либо способом. Одной из наиболее замечательных атак этого рода является атака, произведенная прусской кавалерией в 1745 г. в сражении при Гогенфридберге (см. «Трактат о крупных военных операциях»). Но атака против нерасстроенных каре хорошей пехоты не может быть удачной.

Большие кавалерийские атаки производятся для захвата неприятельских батарей и для облегчения пехотным массам их задачи по овладению позициями; но при этом необходимо, чтобы пехота находилась в полной готовности немедленно поддержать кавалерию, так как атака такого рода имеет только кратковременное действие, которым нужно живо воспользоваться, прежде чем неприятель успеет отразить пришедшую в расстройство кавалерию. Отличная атака, произведенная французами на Гоза в Лейпцигском сражении 16 октября, может служить прекрасным примером. Атаки, произведенные ими с той же целью при Ватерлоо, были изумительны, но не дали результатов за отсутствием поддержки. Отважная атака слабой кавалерии Нея на артиллерию князя Гогенлоэ в сражении под Иеной может служить примером того, что может сделать кавалерия в подобных случаях.

Наконец, общие кавалерийские атаки производятся также против неприятельской кавалерии, чтобы прогнать ее с поля сражения, а потом вернуться и с большей свободой действий ударить на пехоту.

Кавалерию можно было бы с успехом применять для нападения на неприятельскую линию с флангов или с тыла в то время, когда пехота будет решительно атаковать ее с фронта. Если кавалерия и будет отбита, то она может ускакать и присоединиться к своей армии; если же ее атака будет успешна, то она может быть причиной гибели неприятельской армии. Такое применение кавалерия получает редко, тем не менее я не знаю, что собственно могло бы этому препятствовать, потому что под хорошим руководством она не может быть отрезана, даже находясь в тылу неприятеля. В конце концов, эта роль особенно свойственна иррегулярной кавалерии.

В обороне кавалерия также может добиться огромных результатов, своевременно атакуя неприятельские войска, которые, подступив к боевой линии, готовы в нее вторгнуться или уже прорвали ее. В этом случае кавалерия может восстановить положение и уничтожить противника, уже по-

колебленного и расстроенного даже своими собственными первоначальными успехами. Это доказано искусными атаками русской кавалерии под Эйлау, а английской — под Ватерлоо. Наконец, кавалерия, организационно входящая в состав пехотных корпусов, производит своевременные атаки для поддержки атаки пехоты, или с целью использовать ошибочные передвижения противника, или, наконец, чтобы довершить его поражение, когда он начнет отступать.

Не так-то легко определить наилучший способ атаки; он зависит от поставленной себе цели и от других обстоятельств, которые влияют также на выбор момента удара. Существуют только четыре способа атаки: 1) в колоннах на дистанциях, 2) в линиях рысью *, 3) в линиях галопом, наконец, 4) врассыпную. Все эти способы могут быть использованы с успехом.

В атаке сомкнутой непрерывной линией («стеной») или просто линией неоспоримые преимущества дает пика. В схватках может лучше пригодиться сабля. Отсюда и возникла мысль дать первой шеренге, назначаемой для общего прорыва, пики, а второй шеренге, которая должна довершать разгром путем частичной борьбы, — саблю. Стрельба из пистолетов может быть уместна только для сторожевого охранения, в рассыпной атаке или когда легкая кавалерия должна тревожить неприятельскую пехоту с намерением вызвать у нее огонь и тем способствовать другой, более важной атаке. Что же касается стрельбы из карабинов, то, собственно говоря, неизвестно, могла ли бы она быть пригодна, так как для этого надо было бы останавливать кавалерию и стрелять, стоя неподвижно на месте, что и подвергло бы ее верному поражению, если бы только неприятель сам решился ее атаковать. Только застрельщики могут на бегу стрелять из карабинов.

Мы только что сказали, что все способы атаки могут быть одинаково хороши, но из этого не следует заключать, что бурная стремительность всегда решает дело в стычке кавалерии с кавалерией. Мне кажется, напротив, что крупная рысь является наилучшим аллюром для атак линиями, потому что здесь все зависит от единства натиска, уверенности и порядка, а таких

---

* Если я говорю здесь об атаках в линиях, то в этом нет никакого противоречия с тем, что я сказал в другом месте; весьма понятно, что здесь дело идет не о больших развернутых линиях, но о бригадах или, самое большее, о дивизиях. Корпус будет строиться на местности в нескольких эшелонированных колоннах, в голове которых будут по два или по три полка; они и будут развернуты для атаки.

условий не может быть при атаках во весь опор. Эти последние в особенности хороши против артиллерии, потому что здесь дело заключается не в том, чтобы прибыть в порядке, а в том, чтобы прискакать как можно скорее. Точно так же с кавалерией, вооруженной саблями, можно пуститься во весь опор с 200 шагов против неприятельской линии, твердо ожидающей удара. Но если кавалерия вооружена пиками, то наиболее подходящим аллюром является крупная рысь, потому что положительные свойства этого оружия особенно сильно зависят от сохранения порядка; едва только произойдет схватка, пика теряет всю свою ценность.

Когда неприятель идет на вас крупной рысью, то, повидимому, неблагоразумно было бы бросаться на него в галоп, так как вы дойдете расстроенным до компактной и сосредоточенной массы, которая и пройдет сквозь ваши расстроенные эскадроны. Только моральное влияние, произведенное этой кажущейся смелостью вашей атаки, может быть вам полезно; но если неприятель даст ей правильную оценку, то вы погибли, так как успех всегда будет на стороне компактной массы против кавалеристов, галопирующих врозь.

Турки и мамелюки достаточно доказали все бессилие стремительной атаки против пехоты; там, где не пройдут рысью уланы или кирасиры, не пройдет ни одна кавалерия. Стремительная атака может быть предпочтена атаке рысью только против сильно расстроенной пехоты, у которой к тому же недостаточная подача патронов *. Чтобы прорывать устойчивые каре, надо иметь пушки и улан, а еще лучше — кирасир, вооруженных пиками. Для атак врассыпную, столь часто происходящих в ежедневных стычках, надо подражать туркам или казакам, — это лучшие образцы для подражания. Но мы еще вернемся к этому предмету.

Какую бы систему ни применять для удара, всегда останется общепризнанной истиной, что одним из лучших средств до-

---

* Вагнер противопоставляет мне мнение опытных кавалеристов, которые предпочитают атаку карьером, начиная с 200 шагов. Я знаю, что многие кавалеристы так думают, но я также знаю, что наиболее выдающиеся генералы этого рода войск склоняются к атаке рысью. Лассаль, один из наиболее искусных генералов, сказал однажды, увидев неприятельскую кавалерию, несущуюся галопом: „Вот они, погибшие люди!“, и действительно, эти эскадроны были опрокинуты малой рысью. Впрочем, личная храбрость имеет большее значение для удара и для схватки, чем различные аллюры. Карьер влечет за собой расстройство рядов и превращает удар в схватку, чего можно избегнуть при атаках рысью. Знаменитый первый удар грудью лошади — единственная выгода галопа — есть не что иное, как фантазия, которой пугают кавалеристов, не имеющих боевого опыта.

биться успеха является умение во-время направить несколько эскадронов во фланги той неприятельской линии, на которую производится атака с фронта. Но чтобы этот маневр увенчался полным успехом, — в особенности при атаках кавалерией кавалерии, — необходимо, чтобы атака во фланги была произведена в то самое мгновение, когда линии противников вступили в бой, потому что такая атака, произведенная хотя бы одной минутой позже или раньше, дала бы, вероятно, ничтожный эффект. В этой-то верной и быстрой оценке и состоит главное достоинство кавалерийского офицера.

Вооружение и организация кавалерии были предметом многих споров, из которых легко извлечь несколько истин.

Пика, как уже сказано, есть наилучшее наступательное оружие для кавалерии, атакующей сомкнутой линией, так как она наносит удары неприятелю, который сам не может достать до всадников. Однако весьма полезно иметь вторую шеренгу или резерв, вооруженный саблями, которыми удобнее владеть во время схватки или когда шеренги придут в расстройство. Может быть, даже лучше будет атаку поддерживать эшелоном гусар, которые, проникнув после улан в неприятельскую линию, лучше довершат победу.

Кираса — преимущественно оборонительное оружие. По моему мнению, пика и кираса из крепкой двойной воловьей или буйволовой кожи является наилучшим вооружением для легкой кавалерии, а сабля и железная кираса — для тяжелой кавалерии. Некоторые опытные военные люди склоняются к вооружению пиками даже кирасир в уверенности, что против такой кавалерии, сильно похожей на старинных латников, ничто не может устоять. Верно, что пика для кирасир удобнее карабина, и я не вижу причины, которая препятствовала бы вооружить их такими же пиками, как в легкой кавалерии.

Что касается драгун, имеющих двойное назначение *, то мнения об этом роде войск всегда будут различны. Конечно, полезно иметь несколько батальонов конной пехоты, которая могла бы предупреждать неприятеля в занятии дефиле и защищать последние при отступлении или могла бы обыскивать лес. Но составить кавалерию из пехотных солдат или обучать солдата, который в одинаковой мере был бы способен к службе обоих родов войск, является, повидимому, делом весьма трудным. Судьба, испытанная французскими спешенными драгунами, могла бы послужить достаточным этому

---

* Действовать как в конном, так и в пешем строю. — *Ред.*

доказательством, если бы, с другой стороны, турецкая конница не сражалась с одинаковым успехом как спешенная, так и на конях. Некоторые полагают, что главным неудобством иметь драгун является необходимость утром втолковывать им, что каре не может устоять против их кавалерийской атаки, а вечером учить, что пехотный солдат, вооруженный ружьем, должен одолевать всякого кавалериста. Такой довод скорее правдоподобен, чем верен по существу, так как, вместо того чтобы втолковывать драгунам столь противоречащие правила, естественнее было бы объяснить им, что если храбрые кавалеристы могут прорвать каре, то и храбрые бойцы пехоты тоже могут отразить их атаку, причем победа не всегда зависит от превосходства одного рода войск над другим, а от тысячи обстоятельств. Храбрость войск, присутствие духа у начальников, своевременно и кстати произведенный маневр, эффект артиллерийского и ружейного огня, дождь и даже грязь—способствуют успехам или неудачам; но, вообще говоря, храбрый человек, пеший он или конный, всегда должен победить труса. Внушая эти истины драгунам, можно добиться того, что они станут считать себя превосходящими своих противников, каким бы образом ни использовали их, — как пехоту или для кавалерийских атак. Так действуют турки и черкесы, конница которых часто спешивается, чтобы сражаться с ружьем в руках в лесу или за каким-нибудь прикрытием. Впрочем, нельзя скрывать и того, что для обучения войск до такой степени совершенства надо иметь хороших начальников и хороших солдат.

Именно убеждение, что храбрые солдаты одинаково хорошо могут сражаться как в конном, так и в пешем строю, повлияло, несомненно, на решение императора Николая I сосредоточить огромную массу в 14 000—15 000 драгун в одном армейском корпусе. При этом не был учтен горький опыт Наполеона с применением французских драгун. Не остановило и то соображение, что для этого пришлось взять драгунские полки оттуда, где этот род войск был особенно полезен. В конце концов, вероятно в целях придания большего однообразия их двойной подготовке — как пехотинцев и как кавалеристов, — и был отдан приказ о подобном соединении. Все заставляет думать, что во время войны этих драгун распределят по-дивизионно по крыльям армии. Тем не менее нельзя отрицать, что часто бывает такая обстановка,— в особенности в армейских генеральных сражениях, — когда 10 000 чел., переброшенные быстро на лошадях в решающий пункт, сражаясь в спешенном порядке, могли бы изменить равновесие

в свою сторону. Таким образом, обе системы сосредоточения и разделения в равной мере имеют свои плюсы и минусы. Можно было бы принять среднее решение и придавать по одному сильному полку каждому крылу и авангарду (или арьергарду при отступлении), а все остальные войска этого рода соединить, свести в целые дивизии и даже в кавалерийские корпуса.

Теперь пора оставить этот предмет и перейти к вопросу о строях и порядках.

Все сказанное о строях и порядках пехоты может быть применено и к кавалерии, но с нижеследующими изменениями:

1. Линии, развернутые в шахматном порядке или эшелонами, для кавалерии гораздо выгоднее, чем непрерывные линии. Но как бы ни была построена кавалерия, — непрерывной ли линией или же в шахматном порядке, — расстояние между линиями должно быть достаточно велико, чтобы они не увлекли друг друга в случае неудачи. Следует только заметить, что при шахматном порядке расстояние между линиями может быть меньшим, чем при порядке в виде непрерывных линий. Однако ни в каком случае вторая линия не должна быть совершенно непрерывной. Ее нужно строить в колонны по-дивизионно или, по крайней мере, оставлять в ней промежутки, равные длине фронта двух эскадронов (одного дивизиона), которые можно построить в колонну на фланге каждого полка, чтобы дать свободный проход отбитым эскадронам первой линии.

2. В боевом порядке штурмовых колонн кавалерия должна быть построена в полковые колонны, а пехота — в батальонные. Но для большего удобства составления такого боевого порядка кавалерийские полки должны быть 6-эскадронные, чтобы при развертывании по-дивизионно на середину они могли строиться в три линии. Если же полки 4-эскадронные, то они образуют только две линии.

3. Кавалерийская штурмовая колонна всегда должна быть не на таких сомкнутых дистанциях, как пехота, но на эскадронных дистанциях или полудистанциях, чтобы части, составляющие колонну, могли свободно выезжать в сторону и атаковать. Впрочем, указанные дистанции должны соблюдаться только в колоннах, уже брошенных в атаку; колонны же, стоящие на отдыхе позади боевой линии, можно смыкать, чтобы они занимали меньшую площадь и чтобы им приходилось покрывать меньшие расстояния при атаке. При этом, разумеется, колонны или должны быть укрыты от пушечных выстрелов, или должны находиться вне артиллерийского огня.

4. Поскольку нападение во фланг для кавалерии опаснее, чем для пехоты, сражающейся против пехоты, то необходимо ставить на флангах кавалерийской линии по нескольку эскадронов, построенных уступами по-взводно, чтобы посредством заезда направо они тотчас же могли бы выстроиться против неприятеля, который захотел бы зайти им во фланг.

5. По этой же причине необходимо, как уже сказано, уметь во-время бросить несколько эскадронов на фланги кавалерийской линии, которую уже собираются атаковать. Если имеется иррегулярная кавалерия, то особенно в этих случаях ее можно с выгодой использовать в бою, потому что для такого применения она столь же хороша, как и регулярная, если не лучше.

6. Нужно сделать еще одно важное замечание: в кавалерии особенно необходимо, чтобы управление со стороны командира распространялось в боевом порядке больше в глубину, чем по фронту. Например, будет нехорошо, если в дивизии из двух бригад, построенных развернутым фронтом, каждая бригада построится в линию, одна бригада за другой; будет гораздо выгоднее, чтобы в каждой бригаде один полк находился в первой, а другой — во второй линии. Таким образом, каждая часть боевой линии будет иметь за собою собственный резерв. Выгода очевидна, так как в кавалерийских атаках события следуют одно за другим с такой быстротой, что генералу невозможно управлять двумя полками, построенными развернутым фронтом в одну линию.

Хотя при таком построении каждый бригадный командир и получит возможность располагать своим резервом, однако было бы полезно иметь сверх того еще общий резерв для целой дивизии. Это и заставляет меня считать, что было бы весьма выгодно составлять кавалерийскую дивизию из пяти полков. Если бы дивизия была намерена атаковать линиями по-бригадно, каждая бригада из двух полков, то пятый полк послужил бы общим резервом, находясь за центром дивизии. При необходимости можно даже иметь три полка в линии; а два — в колоннах позади каждого крыла.

Если же, напротив, является предпочтительным смешанный боевой порядок и развернутым фронтом будут построены только два полка, остальные же три будут оставлены в колоннах, то в таком случае также получится удобный порядок, так как три полка, поставленные за первой линией в полковых дивизионных колоннах, будут прикрывать фланги и поддерживать центр, оставляя между собою интервалы для прохода линии, если бы она была опрокинута неприятелем (см. рис. 10 прилагаемой таблицы 3).

7. В бою одной кавалерии против другой общеприняты два существенных положения: во-первых, всякая первая линия должна быть рано или поздно отбита, так как если даже ее атака будет вполне удачна, все же неприятель, по всей вероятности, выслав против нее свежие эскадроны, принудит ее отступать за вторую линию для перестроения. Второе положение заключается в том, что при равном качестве войск и начальников победа останется на стороне того, кто сбережет последние эскадроны в резерве и сумеет во-время пустить их против флангов неприятельской линии, уже вступившей в бой с его линией.

На основании этих двух положений можно составить себе верное представление о наивыгоднейшей системе построения для боя большого кавалерийского корпуса.

Но какой бы ни был принят боевой порядок, все же нельзя развертывать большие кавалерийские корпуса в непрерывные линии, так как трудно управлять такими громадами, а кроме того, если первая линия будет опрокинута, то и вторая будет увлечена ею, даже не успев обнажить сабли. Из тысячи доказательств, которые дала последняя война, приведем только кавалерийскую атаку, произведенную ген. Нансути в полковых колоннах против прусской кавалерии, построенной развернутым фронтом впереди Шато-Тьерри.

В первом издании настоящих «Очерков» я восставал против построения кавалерии больше чем в двух линиях. Но я никогда не собирался исключать ни построения в несколько линий, расположенных в шахматном порядке или эшелонированных, ни резервов, построенных в колонны; я говорил только о кавалерии, развернувшей фронт для атаки «стеной», когда бесполезно нагроможденные одна за другой линии были бы вовлечены в бегство, как только обратится в бегство * первая линия.

---

* Для опровержения этого утверждения Вагнер приводит сражение при Рамильи, где Мальбрук большой атакой, произведенной линией без интервалов, победил французов, построенных в шахматном порядке. Но если память моя мне не изменяет, союзная кавалерия была первоначально построена в шахматном порядке в две линии; настоящей же причиной этого успеха было то, что Мальбрук, видя, что Виллеруа парализовал половину своей армии между Анлеркирхом и Геттой, догадался взять с этого крыла 38 эскадронов для усиления своего левого крыла, которое таким образом располагало двойным превосходством кавалерии против французов. Впрочем, я охотно допускаю многие исключения из правила, которое я столь же мало выдаю за безусловное, как и все остальные правила кавалерийской тактики; тактика столь же переменчива, как подвижен этот род войск.

Моральное превосходство в кавалерии имеет еще большее значение, чем в пехоте. Глазомер и хладнокровие начальника, сметливость и храбрость солдата как в пылу схватки, так и при восстановлении порядка после атаки чаще доставляют победу, чем то или иное построение. Тот, кто может соединить оба эти преимущества, будет еще более уверен в своей победе, и ничто не может оправдать применение способа, всеми признанного неправильным.

История последних войн (с 1812 по 1815 г.) послужила поводом к возобновлению старинных споров о том, может ли кавалерия, сражающаяся линией, одерживать верх в течение длительного времени над иррегулярной конницей, которая, уклоняясь от всякого серьезного сражения, убегает с быстротой парфянской конницы и снова с той же быстротой бросается в бой, ограничиваясь при этом лишь тем, что тревожит неприятеля одиночными нападениями. Ллойд высказался отрицательно, и многие подвиги казаков против превосходной французской кавалерии, повидимому, подтверждают его мнение *; однако не надо обманываться на этот счет и думать, что то же самое могут выполнить дисциплинированные полки регулярной легкой кавалерии, которые атаковали бы врассыпную хорошо сомкнутые эскадроны. Требуется большой навык производить движение в беспорядке, и иррегулярные войска умеют направлять свои одиночные усилия к общей цели; гусары, даже наилучшим образом обученные, никогда не приобретут врожденного инстинкта казака, черкеса или турка.

Если опыт и доказал, что иррегулярная конница может в частных стычках разбить лучшую кавалерию, то надо также признать невозможность рассчитывать на атаки врассыпную в правильных сражениях, от исхода которых часто зависит участь целой войны. Такая атака может, без сомнения, помочь атаке линиями, но сама по себе она не может дать ничего, что могло бы иметь важное значение. Следовательно, эти иррегулярные атаки нужно рассматривать лишь как мощное вспомогательное средство при ежедневных стычках кавалерии и как полезное второстепенное средство в решающих столкновениях.

На основании всего сказанного выше необходимо, по моему мнению, заключить, что для больших сражений надо приме-

---

* Называя французскую кавалерию превосходной, я разумею только ее пылкую стремительность, а не ее совершенство, так как она не может сравняться ни с русской, ни с германской кавалерией ни по конскому составу и верховой езде, ни по организации и по уходу за лошадьми.

нять регулярную кавалерию, имеющую дальнобойное оружие, а для малой войны — иррегулярную конницу, вооруженную отличными пистолетами, пиками и саблями; таково будет наилучшее использование этой важной отрасли всякой хорошо организованной армии.

Впрочем, какую бы систему ни принять, неоспоримо одно — что многочисленная кавалерия, — каково бы ни было ее устройство, — должна оказать большое влияние на результаты войны; она терроризирует неприятеля в глубоком тылу, захватывает его обозы, блокирует, так сказать, армию в ее позициях, затрудняет ее сообщения, если вовсе не срывает их, расстраивает всякое согласование его предприятий и движений. Одним словом, она дает почти те же выгоды, что и поголовное восстание населения, действуя против флангов и тыла армии и лишая главнокомандующего возможности на что-либо рассчитывать с полной уверенностью.

Всякая организация, цель которой состоит в том, чтобы удвоить кадры кавалерии во время войны, пополнив ее милицией, будет хорошей, потому что эта милиция с помощью нескольких хороших эскадронов может в несколько месяцев кампании подготовить хороших партизан. Без сомнения, эта милиция не будет иметь тех качеств, которыми обладают воинственные и кочующие народы. Последние, так сказать, проводят всю свою жизнь на коне, и их главный инстинкт — это инстинкт малой войны. Но и милиция частично будет заменять эти качества. В этом отношении у России, по сравнению со всеми ее соседями, имеются большие преимущества — как в отношении большого количества и хорошего качества донских коней, так и в отношении характера иррегулярной милиции, которую она может поднять по первому знаку.

Вот что я писал по этому вопросу 20 лет назад в XXXV главе «Трактата о крупных военных операциях»:

«Огромные выгоды, доставляемые русским армиям казаками, неисчислимы. Эти легкие войска, имеющие огромное значение в крупном сражении, страшны в преследовании и в малой войне; они самый опасный враг для генерала, так как последний никогда не может быть уверен в получении и в исполнении своих приказаний потому, что его вестовые и посыльные всегда подвергаются опасности захвата, а его действия становятся неуверенными. Пока армия имела лишь несколько таких полурегулярных полков, еще не сознавали всей их пользы; но как только число этих полков возросло, тогда почувствовалось все их важное значение, особенно в стране, где население им не враждебно.

Что касается захватываемых ими транспортов, то последним надо давать прикрытие, притом многочисленное и с хорошим командованием; никогда нельзя быть уверенным в том, что переход будет спокойным, потому что никто не знает, где находится неприятель. Эти наряды требуют расхода значительных сил, вследствие чего регулярная кавалерия вскоре выходит из строя из-за переутомления.

Впрочем, я полагаю, что добровольцы гусары или уланы, набранные или сведенные в войсковые части во время войны, находясь под хорошим командованием и идущие туда, куда ведут их по своему усмотрению смелые начальники, могли бы использоваться почти по тому же самому назначению; но их нужно считать обреченными на гибель людьми, если они будут получать приказания из главной квартиры, так как тогда они уже больше не будут партизанами. У них, может быть, не будет всех качеств казаков, но они могут с ними приблизительно сравняться».

Австрия в лице венгерцев, трансильванцев и кроатов располагает средствами, которых не имеют другие государства. Во всяком случае услуги, оказанные конным ландвером, показывают, что можно применять с пользой и этот род кавалерии для выполнения второстепенных задач и обязанностей, которых всегда очень много во всех армиях, как то: конвоирование, ординарческая служба, сопровождение отрядами обозов для их прикрытия, обеспечение флангов и т. п. Корпуса смешанные, состоящие из регулярной и иррегулярной конницы, часто могут принести больше действительной пользы, чем в том случае, если бы они были составлены из одной линейной кавалерии, потому что страх подвергнуть опасности и потерять эту последнюю нередко мешает бросить ее в смелые и рискованные операции, могущие, тем не менее, дать огромные результаты.

Я не могу закончить этой статьи, не сказав несколько слов о чересчур сильных нападках, которым она подверглась со стороны ген. Бисмарка. К несчастью, я узнал о них слишком поздно, чтобы ответить как следует. В особенности, повидимому, возбудило его гнев то место, где я повторяю уже сказанное многими до меня, а именно, что одна кавалерия не может защищать позицию. Ген. Бисмарк, полагая, без сомнения, что кавалерия одна сама по себе может вести войну и что она может защищать позицию так же, как и пехота, надеется оправдать подобные софизмы, доходя в поисках примеров до военных действий Ганнибала на реке Тичино, как будто ружейный огонь, гранаты и картечь не внесли ровно никаких изменений в использование этого рода войск!!! Гордясь

своими кавалерийскими познаниями, он считает невеждой всякого, кто не думает так же, как он. Не будучи ни Зейдлицем, ни Лагериньером, все же можно весьма правильно рассуждать о применении кавалерии на войне; и хотя я отнюдь не претендую на то, чтобы меня считали кавалеристом, я все же могу сказать, что самые опытные генералы нашего времени разделяли мои мысли о кавалерии и что во многих сражениях я нередко оценивал целесообразность ее использования лучше, чем те, которые командовали большими массами.

Лишь одно из моих положений возбудило некоторые возражения,— это аллюр рысью для атак против кавалерии. Что бы об этом ни говорили, но даже и теперь я считаю, что успех во многом зависит от поддержания порядка до того мгновения, когда произойдет удар, и что это в особенности необходимо для улан. Произведенный рысью удар *массы, сохраняющей полный порядок*, даст победу над войсками, рассыпавшимися вследствие скачки карьером.

Поддерживать возможно больший порядок при ударе, стараться во-время произвести атаку во фланг, уметь создать моральные побуждения у своих войск и иметь всегда в готовности эшелон для поддержки — вот те единственные элементы успеха, которые я всегда признавал вполне осуществимыми при атаках кавалерии против кавалерии. Всякого рода другие прекрасные правила сразу же теряют все свое значение в молниеносной борьбе, когда у самых искусных профессионалов едва хватает времени отражать сабельные удары и не имеется даже возможности отдать какой-нибудь приказ, который был бы услышан и исполнен.

Что касается правильного использования кавалерии в сражении или во всей кампании, то я полагаю, что ни один опытный генерал не отвергнет высказанных мною по этому поводу идей.

Я никогда не отрицал возможности для кавалерии содействовать пехоте при обороне ею позиций; но чтобы кавалерия одна могла оборонять позицию, это я буду отвергать всегда. Будучи поставленной на позицию позади 100 орудий, она может на ней удержаться, если противник будет довольствоваться только обстреливанием ее, подобно тому как храбро удерживалась французская кавалерия при Эйлау; но пусть пойдут против нее пехота и артиллерия, заставив предварительно замолчать ее орудия, — и тогда вы увидите, будет ли защищена и удержана позиция.

Впрочем, нетрудно угадать истинную причину негодования ген. Бисмарка. Я имел как-то неосторожность сказать, что

его «Рассуждение о кавалерии» — впрочем, весьма ученое — не очень продвинуло вперед этот род войск. Такая оценка показалась ему, несомненно, слишком строгой. Несмотря на несправедливость автора ко мне, я согласен, что оценка была высказана слишком безусловно. Однако после уроков, полученных нами от кавалерии Зейдлица и Наполеона, я не знаю, лучше ли бы действовала кавалерия, организованная и руководимая Бисмарком по его собственным доктринам, — а в этом и заключается весь вопрос! Осмелившись решить его отрицательно, я попал в невежды. Такой ли должна быть хорошая критика! Если мнения свободны, то разве нельзя их опровергнуть без оскорбления? Что касается меня, то я считаю Бисмарка человеком большого ума и учености; может быть, последних даже слишком много для рассматриваемого им предмета: когда ум кипит и страсти говорят, тогда рассудок и способность к суждениям дремлют. Впрочем, я уже сказал в очерке, предшествующем этому сочинению, что в серьезных книгах не место военному человеку отвечать на личные выпады, — в особенности, если он узнает об этих выпадах через шесть лет.

Статья XLVI

О ПРИМЕНЕНИИ АРТИЛЛЕРИИ

Артиллерия есть род войск, одинаково грозный как при наступлении, так и при обороне.

Как средство наступления, большая, искусно использованная батарея громит и подавляет неприятельскую линию, потрясает ее и тем самым способствует прорыву атакующих войск. При использовании в обороне такая батарея удваивает силу позиции не только вследствие потерь, наносимых ею неприятелю издали, и не только вследствие морального влияния, оказываемого ею с дальнего расстояния на войска, идущие в атаку, но также и вследствие ее значения в местной обороне, на самой позиции и на расстоянии картечного выстрела. Артиллерия имеет не менее важное значение при атаке и обороне крепостей и укрепленных лагерей, потому что она есть душа новейшей фортификации.

Мы уже сказали несколько слов о распределении артиллерии в боевой линии, но гораздо труднее сказать, каким образом она должна действовать в бою. Здесь влияние случайностей до такой степени велико, — ввиду особенностей самого артиллерийского дела, местности и движений неприятеля, — что не-

возможно утверждать, будто артиллерия ведет бой независимо от действий прочих родов войск. Между тем в сражении при Ваграме Наполеон поставил батарею в 100 орудий в промежутке, образовавшемся в его центре после ухода корпуса маршала Массена, и таким образом сдержал все усилия центра австрийцев. Однако такое использование артиллерии трудно было бы возвести в правило.

Мы ограничимся здесь изложением нескольких основных данных, заметив при этом, что все они основаны на состоянии этого оружия в последних войнах. Использование новейших изобретений, еще недостаточно изученное и выясненное, здесь затронуто не будет.

1. При наступлении нужно сосредоточивать некоторую артиллерийскую массу на том пункте, откуда готовятся нанести сильные удары, имея в виду прежде всего поколебать неприятельскую линию и тем помочь атаке своей пехоты и кавалерии.

2. Кроме того, надо иметь несколько батарей конной артиллерии для следования за наступающими колоннами, независимо от легких пеших батарей, имеющих то же назначение. Однако при наступлении нельзя посылать с войсками слишком много пешей артиллерии; ей можно назначить такое место, чтобы она выполняла свою задачу, не идя непосредственно за колоннами. Впрочем, если обоз организован таким образом, что в нем могут быть помещены и артиллеристы, то можно решиться на движение артиллерии позади колонн.

3. Мы уже сказали, что по крайней мере половина конной артиллерии должна находиться в резерве, чтобы ее можно было быстро направить всюду, где в ней возникнет потребность *.

Для этого ее нужно ставить на наиболее открытом месте, откуда она могла бы свободно двигаться во все стороны. Мы упомянули также о наиболее выгодном месте для позиционной артиллерии.

4. Батареи, хотя бы и размещенные на протяжении всей оборонительной линии, должны уметь обращать свое внимание на тот пункт, через который неприятелю выгоднее всего или

---

* Со времени первого опубликования этой статьи во многих государствах принята система размещения орудийных номеров на самом орудии, вместо того чтобы сажать их на лошадей; это значительно уменьшает число лошадей и облегчает держание их во время стрельбы. Но эта система никогда не может сравниться с отличной русской конной артиллерией, которая превосходит всякое представление, какое только можно составить себе о ней. Кроме того, сделано немало изобретений в области новых усовершенствований орудий, но они еще недостаточно хорошо известны, чтобы здесь можно было о них говорить; только опыт покажет способы их применения.

легче всего пробиться. Поэтому необходимо, чтобы начальник артиллерии знал стратегический и тактический пункты поля сражения, а также и самую местность и чтобы все распределение артиллерийских резервов было основано на этих двух данных.

5. Всякому известно, что артиллерия, поставленная на равнине или на середине ската отлогой высоты и могущая действовать как прицельными, так и рикошетными выстрелами, является наиболее смертоносной; всякому небезызвестно также и то, что наилучшим огнем будет огонь сосредоточенный.

6. Артиллерия всякого рода, используемая в сражении, никогда не должна забывать, что ее главное назначение состоит в том, чтобы громить войска неприятеля, а вовсе не в том, чтобы отвечать на выстрелы его батарей. Но так как нельзя предоставлять неприятельским орудиям полную свободу действий, то полезно стрелять также и по ним, чтобы привлечь их огонь. Для выполнения этой задачи можно выделить одну треть действующих орудий, но по меньшей мере две трети должны быть направлены против неприятельской пехоты и кавалерии.

7. Если неприятель наступает развернутыми линиями, то батареи должны стараться действовать перекрестным огнем, чтобы бить по этим линиям сбоку; если бы батареям удалось стать на флангах указанных линий и стрелять вдоль них, то они достигли бы решительного эффекта.

8. Если неприятель наступает в колоннах, то последние можно поражать с фронта, т. е. во всю глубину колонн. Однако не менее выгодно бить по колоннам и сбоку, особенно во фланг или в тыл. Моральное воздействие, производимое на войска артиллерией, стреляющей по ним с тыла, не поддается описанию; очень редко случается, чтобы даже самые храбрые солдаты не были ошеломлены этим и не заколебались бы. Искусное движение маршала Нея к Прейтицу (в Бауценском сражении) было нейтрализовано всего несколькими орудиями ген. Клейста, обстрелявшими французские колонны во фланг, остановившими их и заставившими маршала переменить взятое им выгодное направление. Несколько легких орудий, брошенных на фланги неприятеля для получения подобного результата, будут подвергаться опасности, но риск окупится несомненной пользой.

9. Всеми признается необходимым, чтобы батареи всегда поддерживались пехотой или кавалерией и чтобы особенно хорошо прикрывались их фланги. Впрочем, бывают случаи, когда

нужно отступать от этого правила. В этом отношении Ваграмское сражение, о котором мы уже говорили, является одним из наиболее замечательных примеров.

10. Очень важно, чтобы при кавалерийских атаках артиллерия не давала запугать себя и стреляла по возможности дольше — сперва ядрами, а потом картечью *. В этом случае пехота, назначенная для прикрытия батареи, должна построиться около нее в каре, чтобы создать укрытие для артиллерийских лошадей, а затем и для канониров. Если пехотное прикрытие стоит позади орудий, то продолговатое каре, соответствующее длине фронта батареи, будет, повидимому, лучше всего выполнять свое назначение. Если же пехота расположена сбоку от батареи, то в этом случае правильное каре будет более выгодно. Уверяют, что ракетные батареи тоже могут быть использованы против кавалерии, потому что они пугают лошадей, но я повторяю, что только опыт должен это доказать, а основывать какое-либо правило на таком неопределенном положении невозможно.

11. При нападении на артиллерию неприятельской пехоты надо стрелять как можно дольше, не открывая, однако, огня со слишком большого расстояния. Это правило должно здесь соблюдаться еще с большей строгостью, чем при атаке конницей. Канониры всегда успеют укрыться за пехоту, если только она будет поддерживать их как следует. Это один из тех случаев, когда все три рода войск применяются одновременно, так как, если артиллерия успеет поколебать неприятельскую пехоту, то совместная атака пехоты и кавалерии может вовсе истребить неприятельские пехотные части.

12. В последних войнах пропорция артиллерии значительно изменялась. В 1800 г. Наполеон отправился завоевывать Италию с 40 или 50 орудиями, что ему полностью и удалось. Но уже в 1812 г. он вторгся в Россию с 1 200 конных орудий и потерпел неудачу. Это довольно ясно показывает, что для определения необходимой пропорции не существует безусловного правила. Вообще же принимается, что на каждую тысячу человек боевого состава достаточно иметь по три артиллерийских орудия, а в Турции и в гористых странах этого будет даже слишком много.

Количество тяжелой, так называемой резервной артиллерии по отношению к количеству легкой также непостоянно.

---

* Вновь изобретенные гранаты, давая возможность бросать эти снаряды на тысячу туазов при незначительной крутизне траекторий, будут страшным оружием в бою с кавалерией.

Иметь при войсках слишком много тяжелой артиллерии было бы злоупотреблением, так как в сражении 6- или 8-фунтовое орудие производит почти такое же действие, как и 12-фунтовое, а между тем существует громадная разница в подвижности орудий этих калибров.

Одним из важнейших доказательств, которое можно привести для понимания большого влияния на успех войны правильного соотношения между родами войск, является то, которое было дано Наполеоном после сражения при Эйлау. Потери, причиненные его войскам огнем многочисленной русской артиллерии, заставили его почувствовать необходимость увеличить свою артиллерию. С непостижимой активностью он приказал работать во всех прусских арсеналах на линии Рейна и даже в Меце для увеличения числа орудий и отлить новые, чтобы использовать снаряды, захваченные им во время кампании. В три месяца, находясь в 400 лье (1 600 *км*) от своих границ, он удвоил личный состав и материальную часть своей артиллерии,—дело, почти неслыханное в летописях войны.

13. Одним из лучших средств для достижения того, чтобы артиллерия всегда применялась наиболее целесообразным образом, является предоставление главного командования этим родом войск артиллерийскому генералу, который вместе с тем был бы хорошим тактиком и хорошим стратегом. Этот начальник должен был бы получить право распоряжаться не только артиллерийским резервом, но даже половиной орудий, находящихся в распоряжении корпусов или дивизий.

Он мог бы, таким образом, согласовать с главнокомандующим время и место, где значительные массы артиллерии могли бы лучше всего способствовать победе; но он никогда не должен был бы предпринимать такого сосредоточения масс, не получив предварительно указания главнокомандующего.

* * *

В то время, когда я хотел печатать эту статью во второй раз, я получил брошюру ген. Окунева о значении артиллерии. Как она ни занимательна, но даже по прочтении ее я не могу решиться переменить сказанное мною об этом роде войск.

Автор с похвальной откровенностью сознается, что он недостаточно оценил всю важность артиллерии в своем сочинении об использовании трёх родов войск, и, как бы желая вознаградить артиллерию, теперь утверждает, будто отныне она должна решать сражения и тем самым сделаться главным оружием европейских армий.

Так как я сам всегда признавал большое значение хорошо примененной артиллерии для одержания победы, то я склонен допустить вместе с автором, что ее влияние было бы больше, если бы умели извлечь из нее все то, что она способна дать. Я также признаю, что многие новые изобретения последнего времени, увеличивающие ее действие как при настильной стрельбе рикошетами, так и при стрельбе картечью на дальнее расстояние, таковы, что должны обратить внимание генералов, которые смогут проверить их действие, а также найти средства защиты от них.

Следовательно, брошюра ген. Окунева уже достигла важной цели, указав на значение артиллерии. Но после того как я отдал ему справедливость, мне будет позволительно сказать, что автор несколько вышел за пределы поставленной им себе задачи, потому что, если руководствоваться тем, что им сказано, в армии должны остаться только кирасиры, артиллеристы и пехота, нужная для охраны постов, все же остальное будет только пушечным мясом. На основе этой господствующей мысли ген. Окунев приходит, и притом весьма последовательно, к заключению, что все средства выигрывать сражения сводятся к одному — к прорыву центра армии пушечными выстрелами и к нападению масс сквозь проделанный промежуток. Это средство он находит гораздо более выгодным по сравнению с теми, которые он называет «*движениями захождения*» и при помощи которых до сих пор, как он и сам признает, одерживали немало побед.

Тут, сознаюсь, я вынужден оспаривать то, что́ в этих утверждениях высказано слишком безусловно. Во-первых, я не совсем понимаю, что это за «движения захождения»? Это, несомненно, атака с целью обхода крыла, когда одновременно нападают и на часть фронта. Если я не ошибаюсь, то маневр этого рода не всегда состоит из «движений захождения». Впрочем, это спор об определениях, который, в сущности, не имеет большого значения; но что я нахожу неосновательным, так эту мысль, что какой-то единственный и исключительный маневр может быть принят как универсальная панацея для всех случаев и что следует отказаться от всякой другой тактики, за исключением тактики огромных батарей и крупных масс для прорыва центра.. Если бы это коснулось меня и я имел бы дело с неприятелем, придерживающимся исключительно подобного правила, то я отнюдь не затруднился бы противопоставить ему много способов, которые сорвали бы его излюбленные атаки: во-первых, я применил бы способ, приводимый самим ген. Окуневым на стр. 35, как использованный

с большим успехом князем Лихтенштейном в Ваграмском сражении против знаменитой колонны Макдональда; система, примененная Ганнибалом при Каннах, также могла бы найти здесь свое приложение, тем более что такая масса, поражаемая сосредоточенным огнем артиллерии, численно равной, но расположенной по вогнутой линии, как артиллерия эрцгерцога Карла при Эслингене, была бы сильно скомпрометирована. Наконец, во избежание разрыва армии на две части, кто знает, не было ли бы прекрасным средством одно из тех «движений захождения», которые отвергаются автором на том основании, что они перенесли бы решительное усилие сражения не на центр, как требует его система, а совсем на другой пункт?

Тем не менее я далек от оспаривания мысли о достоинствах сильной атаки против центра; я часто советовал ее, — в особенности, когда она соединяется с атакой и на оконечность линии или когда она производится против слишком растянутой линии.

Как бы то ни было, но мне кажется, что автор несколько упустил из виду, что моральное состояние войск, равно как характер и гений полководцев тоже имеют большое влияние на успех сражений. Это батареи, хотя и не столь смертоносные, но не менее действительные. Нельзя забывать и того, что не все поля сражения и не все страны представляют одинаковые выгоды для артиллерии; в Италии, Швейцарии, в Вандее и во многих частях Германии — словом, в пересеченных странах — нельзя найти такие поля сражения, как Ваграм и Лейпциг.

В конце концов, в брошюре ген. Окунева имеются и полезные уроки; но автору можно сделать еще тот упрек, что он увлекается и впадает из одной крайности в другую. Автор, без сомнения, хотел подражать тем адвокатам, которые после прекрасной защитительной речи выводят преувеличенные заключения, учитывая, что обычно судьи сбавляют наполовину; умные люди сумеют извлечь из этого сочинения все, что есть в нем верного и полезного, и будут ему за это благодарны.

Первым результатом этой брошюры должно было бы быть привлечение внимания всех тех, кто может влиять на судьбы армий, т. е. внимания правительств и генералов. Вторым результатом будет, может быть, увеличение материальной части артиллерии и ее личного состава, а также использование всех усовершенствований, способных увеличить смертоносное действие артиллерии. А так как артиллеристы будут в числе первых жертв, то надо будет прибегнуть к подготовке в пехоте людей для службы в случае нужды при артиллерийских орудиях, чтобы пополнять в кадрах артиллерии убыль, происхо-

дящую во время сражения. Наконец, надо стараться найти способ нейтрализовать эффект этого мощного огня, и первый способ, который приходит при этом в голову, повидимому, состоит в изменении вооружения и снаряжения войск, а затем — в переходе на другую тактику, которая сделала бы развязку по возможности более скорой. Это задача будущего поколения, когда на опыте узнают все изобретения, которыми теперь — в ожидании еще лучших изобретений — занимаются на учебных полигонах.

Счастливы те, которые при первых встречах будут иметь много гранат Шрапнеля, много пушек, заряжаемых с казенной части и делающих по 30 выстрелов в минуту, много снарядов, рикошетирующих не выше человеческого роста и попадающих всегда в цель либо на одном, либо на другом месте поля сражения, и, наконец, возможно больше усовершенствованных ракет, не говоря уже о знаменитых паровых ружьях Перкинса, принятых для обороны крепостных укреплений. Они, если верить словам лорда Веллингтона, могут производить ужасные опустошения... Какая прекрасная тема для проповеди всеобщего мира и исключительного господства финансовых объединений по постройке железных дорог!

Да простят мне, что я заканчиваю такое серьезное рассуждение фразой, похожей на шутку. Но надо же показать менее темную сторону будущего, которым нам грозят столь многие храбрые воины. Последние с жестокой предусмотрительностью выдумывают средства, делающие войну еще более кровопролитной, чем она есть уже теперь, — и все это делается в надежде обеспечить победу своим знаменам. Ужасное соревнование, которое, однако, будет неизбежным в том случае, если не захотят отставать от своих соседей, до тех пор, пока международное право не положит предела этим изобретениям!

Статья XLVII

О СОВМЕСТНОМ ПРИМЕНЕНИИ ТРЕХ РОДОВ ВОЙСК

Для полного окончания настоящих «Очерков» осталось лишь сказать кое-что о совместном применении трех родов войск. Но не будет ли связан этот вопрос с множеством мелочных изменений, если вникнуть во все его подробности, что потребуется при применении к трем родам войск правил, изложенных выше для каждого отдельного рода войск в частности?

Многие писатели, особенно германские, зондировали эту бездонную пропасть, но добились посредственных результатов, лишь умножая до бесконечности примеры, взятые из малых частных боев последних войн. Эти примеры действительно заменяют у них правила, когда опыт показывает невозможность установления твердых правил. Если сказать, что командир корпуса, состоящего из трех родов войск, должен применять последние таким образом, чтобы они оказывали друг другу поддержку и помощь, это может показаться наивностью, а между тем это единственная основная догма, которую можно установить; предписывать корпусному командиру, каким образом ему надо поступать во всех случаях обстановки, значило бы забраться в безвыходный лабиринт, а так как пределы и цель настоящего обзора не позволяют мне заниматься решением подобных вопросов, то лучшее, что я здесь могу сделать, — это отослать читателей к тем сочинениям, которые занимались этими вопросами с наибольшим успехом.

Военное искусство может только посоветовать, каким образом распределять разные рода войск в зависимости от местности и в соответствии с поставленной целью, а также с целью, предположительно поставленной себе неприятелем, и комбинировать одновременное действие этих родов войск в соответствии со свойствами каждого из них, стремясь к взаимодействию. Только изучением войн — и особенно на практике — высший офицер может приобрести как познания, так и глазомер, дающие возможность своевременного и целесообразного применения всех родов войск. Я заканчиваю, считая, что выполнил задуманный мною труд; перейду теперь к последовательному описанию достопамятных войн, где на каждой странице мои читатели найдут случай убедиться в том, что военная история, сопровождаемая здравой критикой, есть истинная школа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы старались изложить главные положения, которые, как нам казалось, могут быть приняты в качестве основных правил войны. Однако война в целом вовсе не наука, а искусство. Если, главным образом, стратегия может быть подчинена догматическим правилам, приближающимся к аксиомам положительных наук, то этого нельзя сказать о совокупности операций какой-либо войны. Сражения же, между прочим, часто и вовсе ускользают от всяких научных комбинаций, представляя нам по существу драматические акты, в которых личные качества, моральные внушения и тысячи других причин играют иногда главную роль. Страсти сталкивающихся между собою масс; военные качества этих масс; характер, энергия и таланты их командиров; большая или меньшая воинственность не только народов, но и эпох *, — одним словом, все, что можно называть поэзией и метафизикой войны, вечно будет влиять на ее результаты.

Можно ли на этом основании говорить, что в тактике нет правил и что никакая тактическая теория не может быть полезна? Какой разумный, рассудительный военный человек осмелится произнести подобную хулу? Кто поверит, что Евгений и Мальбрук побеждали только вследствие охватывавшего их вдохновения или же вследствие морального превосходства их батальонов? Напротив, не найдут ли в победах при Турине, Гохштедте и Рамильи маневров, похожих на маневры при Талавере, Ватерлоо, Иене или Аустерлице, которые и были причиной побед? А если применение данного правила и основанного на нем маневра обеспечивало сто раз победу

---

* Известная поговорка испанцев: „Он был храбр в такой-то день“— может быть применена как к народам, так и к отдельным лицам. Нельзя сравнивать французов при Росбахе с французами при Иене или пруссаков при Пренцлове с пруссаками при Денневице.

искусным полководцам и предоставляло в их пользу все вероятные шансы, то неужели достаточно нескольких неудач для того, чтобы полностью отрицать эффективность и правил и маневра и чтобы оспаривать всякое значение изучения военного искусства? Разве теория может быть признана ошибочной потому, что она обеспечивает верюятность успеха лишь на три четверти?

Если моральное состояние армии и ее командиров также имеет значение для успеха, то не происходит ли это в юкончательном счете оттого, что оно производит физическое действие, подчиненное, как и тактические соображения, общим законам *военной статики?* Стремительная атака 20 000 наэлектризованных храбрецов на фланг неприятельской линии даст победу надежнее, чем маневр против того же самого фланга 40 000 деморализованных человек, потому что первые будут выполнять реальные действия, тогда как последние останутся пассивными и бездеятельными, даже если они и не побегут.

Стратегия, как мы сказали, есть искусство приводить наибольшую часть сил армии на важнейший пункт театра войны или операционной зоны.

Тактика есть искусство использовать эти массы в том пункте, куда привели их хорошо рассчитанные марши, иначе говоря, искусство вводить массы в бой в решительную минуту и на решающем пункте поля сражения, на котором должен быть произведен окончательный удар. Когда же войска больше думают о бегстве, чем о том, чтобы драться, то они не являются уже более действующими массами в том смысле, который мы придаем этому выражению.

Генерал, теоретически подготовленный, но лишенный военного чутья, хладнокровия и искусства вождения войск, может составить прекрасный стратегический план и нарушить все законы тактики, когда он очутится перед неприятелем; его проекты не будут осуществлены, а его поражение будет вероятно; если он человек с характером, то сможет сгладить дурные следствия своей неудачи; если же он потеряет присутствие духа, то потеряет и всю свою армию. Однако этот же самый генерал может быть не только хорошим стратегом, но и хорошим тактиком и может подготовить победу всеми от него зависящими средствами; в этом случае, если ему хоть немного помогут его войска и ближайшие его помощники, он, вероятно, одержит значительную победу. Если же, напротив, он командует недисциплинированной толпой, где нет ни порядка, ни храбрости, и если вероломные генералы, его помощники, ему

завидуют и его обманывают *, то он, без сомнения, увидит, как тают все его надежды и как его наилучшие комбинации оказываются годными лишь для того, чтобы уменьшить бедствия почти неизбежного поражения. Такое поражение несомненно в том случае, когда с подобными боевыми средствами он вступит в столкновение с противником, может быть, и менее его искусным, но у которого войска закалены или воспламенены энтузиазмом к своему делу.

Никакая тактическая система не может гарантировать победы, когда моральное состояние армии находится на низком уровне; и даже если оно стоит на очень высоком уровне, победа может зависеть от такого случайного события, как, например, разрыв мостов на Дунае при Эслингене. Генерал, принципиальный приверженец систем, может изгнать колонны, чтобы принять тонкий боевой порядок и огонь, или же считать этот огонь чисто оборонительным средством, чтобы принять исключительно полуглубокие колонны, — и тем не менее он не может быть уверенным в успехе.

Но эти истины отнюдь не мешают существованию хороших военных правил, которые при равных шансах могут обеспечить победу; и если верно, что эти теории не могут научить с математической точностью, что именно нужно делать в каждом из всех возможных случаев, тем не менее очевидно и то, что они всегда укажут на ошибки, которых надо избегать, а это уже огромный результат; ведь подобные правила в руках генералов, командующих храбрыми войсками, станут, таким образом, более или менее верным залогом побед.

Поскольку нельзя оспаривать справедливость этого утверждения, остается, следовательно, лишь уметь отличать хорошие правила от плохих; в этом, правда, и заключается военный гений; но существуют руководящие принципы, подводящие к этому знанию. Всякое военное правило хорошо, когда его выполнение будет иметь своим результатом применение наибольшей суммы средств для действий в надлежащее время и в надлежащем месте.

---

* Случается,—притом гораздо чаще, чем это думают,—что главнокомандующего обманывают его помощники, которые, следуя только внушению эгоизма, забывают, что они в то же время изменяют отечеству и армии по самой низкой зависти, по самому преступному честолюбию. Неспособность помощника, который не в состоянии понять достоинства предписанного маневра и сделает при выполнении его важные ошибки, будет иметь тот же результат, а именно—крушение наилучших комбинаций и планов.

В гл. III мы перечислили все стратегические комбинации, которые могут привести к такому результату. Что касается тактики, то главное в ее комбинациях будет заключаться в выборе боевого порядка, наиболее подходящего для достижения поставленной цели. Впоследствии, когда дело дойдет до действия масс на местности, средства этого действия могут также выразиться в своевременной кавалерийской атаке, в сильной батарее, удачно расположенной и раскрытой (демаскированной) в надлежащее время, в пехотной колонне, производящей стремительное нападение, или в развернутой дивизии, с уверенностью и хладнокровием поражающей неприятеля убийственным огнем; наконец, в тактических движениях, угрожающих неприятелю с фланга и с тыла, а также и во всяком другом маневре, который может поколебать моральное состояние противника. Каждое из этих действий, смотря по обстановке, может стать причиной победы; желание же определить, когда и кому из них нужно отдать предпочтение, есть желание невозможного.

Чтобы хорошо сыграть эту большую драму войны, первой обязанностью будет, следовательно, хорошо узнать театр, на котором придется действовать, для того чтобы оценить с двух точек зрения — со своей и противника — выгоды положения на «шахматной доске», на которой будут маневрировать обе стороны. Когда это знакомство будет закончено, придется подумать о подготовке операционного базиса. Потом надо выбрать наиболее подходящую зону для направления туда главных сил и охватить эту зону таким способом, который в наибольшей степени соответствовал бы принципам войны, правильно намечая операционные линии и фронты.

Нападающая армия должна главным образом стремиться к серьезному поражению неприятельской армии, искусно выбирая для этого маневренные объекты действий; целью своих последующих боевых действий она должна выбрать такие географические пункты, которые будут соответствовать ее успехам.

Обороняющаяся армия, напротив, должна рассчитывать все свои средства так, чтобы нейтрализовать первый натиск своего противника и затянуть действия настолько, насколько это возможно, не подвергая опасности судьбу своего государства и откладывая решающее столкновение до того момента, когда часть неприятельских сил будет уже истощена тяготами войны или рассеется для занятия захваченных областей, для заслона себя от крепостей, для прикрытия осад, обеспечения операционной линии, складов и т. д.

* * *

Все сказанное нами до сих пор может быть предметом первоначального операционного плана. Но никакой план не может предвидеть с какой-либо долей уверенности характер и результат окончательного столкновения, вытекающего из первоначальных операций. Если ваши операционные линии выбраны правильно, — ваши движения хорошо замаскированы и скрыты; если, напротив, ваш противник совершает ошибочные движения, дающие вам возможность напасть на еще рассредоточенные части его армии, — то вы сможете победить без генерального сражения, при помощи одного только перевеса ваших стратегических преимуществ. Но если обе стороны в момент встречи одинаково готовы к бою, тогда произойдет одна из таких грандиозных трагедий, как Бородино, Ваграм, Ватерлоо, Бауцен и Дрезден, на которую приведенные в гл. IV указания высшей тактики могут, конечно, оказать значительное влияние.

Если некоторые упрямые военные люди, прочтя эту книгу и внимательно изучив критическую историю некоторых кампаний знаменитых полководцев, все еще будут утверждать, что нет ни принципов, ни хороших правил войны, тогда останется только пожалеть их и ответить им знаменитой фразой Фридриха Великого: «Мул, который проделал бы даже двадцать кампаний, руководимых принцем Евгением, все же не стал бы от этого хорошим тактиком».

Хорошие теории, основанные на оправданных событиями принципах и связанные с критической военной историей, будут, по моему мнению, настоящей школой генералов. Если эти теории и не создадут великих людей, которые при благоприятных обстоятельствах всегда формируются сами собой, то они все же дадут генералов, достаточно искусных для того, чтобы среди великих полководцев занимать вторые места.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хотя помещаемая ниже статья лишь косвенным образом относится к сущности моего труда, но, так как она вообще представляет интерес и притом составляет часть прежних изданий моего сочинения, я не считал возможным опустить ее. Я намеревался присоединить к ней заметку о крупных континентальных вторжениях, но этому помешали не зависевшие от меня причины. Если я смогу закончить эту заметку, то выпущу ее в виде второго приложения.

ОБЗОР ГЛАВНЫХ ЗАМОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Я полагаю, что настоящая заметка о более крупных морских экспедициях может представить интерес, как поясняющая правила производства десантов (ст. XL).

Морские силы египтян, финикиян и родосцев являются самыми древними, в истории о них сохранились смутные воспоминания. Персы, покорив эти народы, так же как и Малую Азию, сделались самой грозной державой как на суше, так и на море.

Однако к этому же времени карфагеняне, господствовавшие над мавританскими берегами, прошли через пролив и колонизировали Бетицию *, захватили Балеарские острова и Сардинию, а затем сошли на берег (произвели десант) в Сицилии.

Греки, как известно, боролись с персами с таким успехом, на который трудно было рассчитывать.

Никогда и нигде природа не способствовала созданию сильного морского флота в такой мере, как в Греции, имевшей 50 островов и сильно развитую береговую линию.

---

* Часть Испании, в настоящее время носит название Андалузии.—*Ред.*

Процветание и богатства — результат деятельности торгового флота — превратили Афины в мощную морскую державу, обеспечившую Греции независимость. Флот Афин в соединении с флотом островов под командованием Фемистокла вызвал ужас у персов и всего Востока. Но эти флоты никогда больших десантов не высаживали, так как сухопутные вооруженные силы не развивались в соответствии с развитием морских сил. Если бы Греция представляла собой единую империю, а не федерацию республик, и если бы афинский флот объединился с флотом Сиракуз, Коринфа и Спарты, а не сражался бы беспрерывно с ними, то, быть может, мировую империю создали бы еще до римлян греки.

Если верить преувеличенным рассказам древних греческих историков, то знаменитая армия Ксеркса располагала не менее чем 4 000 кораблей. Это число удивляет даже тогда, когда читаешь перечень, который дает Геродот. Но трудно поверить тому, что в это же время в едином сосредоточенном усилии 5 000 других судов была якобы произведена высадка 300 000 карфагенян в Сицилии, где они были разбиты Гелоном в тот самый день, когда Фемистокл уничтожил флот Ксеркса при Саламине. В трех других походах, а именно Ганнибала, Имилькона и Гамилькара, было доставлено не то 100 000, не то 150 000 чел. Тогда были захвачены Агригент и Палермо, была основана Лилибея. Дважды тщетно предпринималась осада Сиракуз. В третий раз Ганнибал с 15 000 чел. высадился в Африке и заставил трепетать даже Карфаген! Эта борьба продолжалась полтора столетия.

Александр Македонский переправился через Геллеспонт только с 50 000 чел. Его флот насчитывал всего лишь 160 кораблей, тогда как флот персов имел более 400 военных кораблей. Он отослал свой флот в Грецию, чтобы не подвергать его опасности уничтожения.

Военачальники Александра Македонского, воевавшие друг с другом из-за его империи в течение полустолетия, ни разу не совершили значительного морского похода.

Пирр, призванный тарентинцами, высадил в Италии при помощи своего флота до 25 000 пехотинцев, 3 000 лошадей и первых появившихся на полуострове слонов (за 280 лет до нашей эры). Победитель римлян при Гераклее и Асколи, по еще неизвестным в достаточной мере причинам, вдруг бросился в Сицилию, чтобы изгнать оттуда карфагенян по просьбе сиракузян. Вновь призванный после некоторых успехов тарентинцами, он снова перешел через пролив, сильно тревожимый нападениями карфагенского флота. Затем, усилившись за счет

самнитов или калабрийцев, он с некоторым опозданием предпринял движение к Риму. Разбитый в свою очередь и отброшенный к Беневенту, он вернулся в Эпир с 9 000 чел. — и это было все, что у него осталось.

Карфаген, который процветал с давнего времени, воспользовался разрушением Тира и разгромом Персидской империи. Пунические войны между этой африканской республикой и Римом, сделавшимся к тому времени господствующей силой в Италии, являются наиболее знаменитыми войнами в истории морских войн древности. Вооружения римлян и карфагенян особенно заслуживают внимания ввиду той скорости, с которой первые усовершенствовали и увеличили свой флот. В 264 г. до н. э. они едва сумели достать лодки для переправы в Сицилию, а несколько лет спустя победили под командованием Регула в Экноне, имея флот в составе 340 больших кораблей. На каждом корабле было по 300 гребцов и по 120 бойцов, а всего это составляло 140 000 чел. Карфагеняне, говорят, были еще сильнее — на 12 000 или 15 000 чел. и на 50 кораблей.

Великая победа в Экноне—может быть, более замечательная, чем в Акциуме, — была первым шагом Рима к основанию мировой империи. Десант, который затем был произведен в Африке, доходил до 140 000 чел. Но победители совершили крупную ошибку, отозвав бо́льшую часть сил в Сицилию. Оставленная часть была разгромлена, а Регул, захваченный в плен, прославился столько же своей смертью, сколько и своей блестящей победой.

Великий флот, сооруженный и вооруженный для отмщения за его смерть, одержал победу в Клипее, но при возвращении был уничтожен бурей. Построенный вслед за тем флот вновь потерпел такую же участь у мыса Палинура. Римляне были разбиты при Дрепане, где они потеряли 28 000 чел. и более 100 кораблей. Другой флот был буквально проглочен морем в том же году у Пактирского мыса, когда он намеревался осадить Лилибею.

Римский сенат, впав в отчаяние от таких бедствий, сначала отказался от продолжения своей морской политики, но, убедившись, что ни Сицилия, ни Испания не могут быть завоеваны без достижения морского превосходства, он вновь создал морской флот. В 242 г. до н. э. Лутаций отправился с 300 галер и 700 транспортных судов в Дрепану и выиграл там сражение у Эгатских островов, где карфагеняне потеряли 120 кораблей. Этим событием и закончилась Первая пуническая война.

Вторая пуническая война, замечательная походом Ганнибала в Италию, придала военным операциям менее морской

характер. Впрочем, Сципион донес римских орлов до Карфагена и своей победой навсегда ликвидировал господство Карфагена в Испании. Наконец, Сципион перенес войну в Африку, не имея того вооружения, которое было у Регула, что, однако, не помешало ему восторжествовать под Замой над Ганнибалом, навязать Карфагену постыдный мир и сжечь 500 его кораблей. Позднее брат этого великого человека переплыл через Геллеспонт с 25 000 чел. и одержал в Магнезии знаменитую победу, которая отдала на милость римлян царство антиохийцев и всю Азию. Успеху этого похода способствовала морская победа над антиохийским флотом, одержанная римлянами в Ионии, близ Мионеза, в союзе с родосцами.

С тех пор у римлян не было больше соперников. Они усилили свою мощь всем тем влиянием, которое обеспечивает господство над морем. Павел Эмилий высадился в Самофракии во главе войска в 25 000 чел. (за 168 лет до н. э.), победил персов и покорил Македонию.

20 лет спустя Третья пуническая война решила судьбу Карфагена. Важный порт Утика, являвшийся базисом римлян, был, так же как Лилибея, тем портом, откуда были отправлены 80 000 пехотинцев и 4 000 лошадей. Карфаген был осажден, и сын Павла Эмилия, усыновленный великим Сципионом, прославился завершением побед своих отцов, полностью уничтожив этого ожесточенного соперника Рима.

После такого триумфа Рим стал так же господствовать в Африке, как он господствовал в Европе. Но в Азии его господство было на некоторое время поколеблено Митридатом. Этот царь завоевал последовательно, одно за другим, небольшие соседние государства. Под его командованием была армия численностью не менее 250 000 чел. и до 400 кораблей, в том числе до 300 с абордажными мостами. Он разбил трех римских полководцев, командовавших в Каппадокии, захватил всю Малую Азию, произвел там избиение 80 000 римских подданных и даже послал мощную армию в Грецию.

Сулла высадился там с подкреплением в 25 000 римлян и вновь захватил Афины. Но Митридат послал одну за другой две большие армии через Босфор и Дарданеллы: первая в 100 000 чел. была уничтожена при Херонее; вторую в 80 000 чел. постигла та же участь в Оркомене. В то же время Лукулл собирает все морские силы малоазиатских городов и корабли островов, в особенности Родоса, берет армию Суллы в Сестосе, чтобы перевезти ее в Азию, — и устрашенный Митридат заключает мир.

Во второй войне, которую вел Мурена, и в третьей, в которой главнокомандующим был Лукулл, не было больших десантов. Митридат, постепенно оттесненный до Колхиды и не владевший уже морем, задумал тогда обойти Черное море через Кавказ, чтобы через Фракию вновь выступить против Рима. Этот проект трудно понять, так как он принадлежал человеку, который не смог защитить свои владения от 50 000 римлян.

Цезарь произвел десант в Англии с 600 кораблей, перевезших более 40 000 чел. Во время гражданских войн он перебросил 35 000 чел. в Грецию. Антоний, отплывший из Бриндизи для соединения с ним, с 20 000 чел. прошел через зону, занятую морскими силами Помпея. Его действиям благоприятствовали как сопровождавшее Цезаря счастье, так и удачные распоряжения его сподвижников.

Позже Цезарь перебросил 60 000 чел. в Африку, но эти войска были перевезены туда последовательно, в несколько приемов.

Наиболее крупным предприятием, отметившим последние дни Римской республики, был поход Августа, который перебросил в Грецию 80 000 чел. и 12 000 лошадей для борьбы с Антонием. Помимо кораблей, необходимых для перевозки такой армии, у него было еще 260 военных кораблей для защиты транспортных судов. На суше у Антония были превосходные силы, но он вверил судьбу мира морскому сражению. У него было 170 военных кораблей и сверх того еще 60 египетских галер Клеопатры; всего же 22 000 отборных пехотинцев, не считая гребцов.

Еще позже Германик совершил к устью Эмса большой поход с 60 000 чел. на тысяче судов, вышедших из устья Рейна. Половина этого флота на обратном пути была уничтожена бурей; остается непонятным, почему Германик, владевший обоими берегами Рейна, рисковал выходом в море для совершения перехода на такое короткое расстояние, которое, идя по суше, он мог преодолеть в течение нескольких дней.

Когда Римская империя расширила свои границы от Рейна до Евфрата, морские экспедиции предпринимались редко. Великая борьба с северными народами после раздела империи заставила перебросить все силы государства в Германию и Фракию. Восточная империя, однако, сохранила большой флот, существование которого обусловливалось островами архипелага и необходимостью их снабжения.

С морской точки зрения первые пять столетий нашей эры мало интересны. Одни лишь вандалы, господствовавшие в Испании, высадили в Африке под командованием Гензериха десант

численностью до 80 000 чел. Впоследствии они были побеждены Велизарием, но их флот, господствовавший на Балеарских островах и в Сицилии, господствовал короткое время и над всем Средиземным морем.

В тот период, когда восточные народы набросились на Европу, скандинавские завоеватели начали посещать берега Англии. Об их действиях известно не более, чем о действиях варваров. Сведения о них теряются в мистериях Одина *. Скандинавские барды говорят о 2 500 судов в Швеции. Менее поэтические подсчеты дают 970 кораблей для Дании и 300 — для Норвегии, причем часто и те и другие действовали вместе.

Шведы, естественно, обратили свои набеги на Балтику, и варяги продвинулись до России. Датчане, ближе расположенные к Северному морю, направили свои удары на берега Англии и Франции.

Если перечисление Деппинга точно, то очевидно, что бóльшая часть этих кораблей была лишь рыбацкими барками с экипажем в 20 чел. на борту. У них были также «*снекары*» — суда с 20 скамейками для гребцов, что давало 40 весел на два борта. Начальники ходили на борту «*драгонов*», имевших 34 скамейки для гребцов. Датчане, доходившие до Сены и Луары, располагали, повидимому, при своих набегах по большей части еще меньшими судами.

Между тем, Хенгист, призванный в 449 г. бретонцем Вортигером, привез в Англию 5 000 саксонцев всего лишь на 18 кораблях; это говорит, что они были достаточно крупными и что флот на берегах Эльбы превосходил скандинавский флот.

В период с 527 по 584 г. имели место три новые похода под командованием Ида и Кридда, в результате которых Англия была подчинена власти саксонцев, образовавших семь королевств. Только через три столетия, в 833 г., эта семиголовая монархия объединилась в одно государство во главе с Эгбертом.

Обратным движением по сравнению с направлением движения вандалов были посещения юга Европы африканскими племенами. В 712 г. мавры под предводительством Тарика переплыли через Гибралтарский пролив. Будучи призваны графом Жульеном, они вначале пришли всего в числе 5 000 чел. и, не встретив сильного сопротивления, воспользовались тем,

---

* Один—мифический скандинавский бог, создавший мир, покровитель войны, самый могущественный из 12 богов (и стольких же богинь), победивший великана Илоира.—*Ред.*

что у вестготов было много врагов. Это были добрые времена калифов, когда арабы могли прослыть за освободителей по сравнению с северными владыками. Армия Тарика, вскоре доведенная до 20 000 чел., победила короля Родрига в Херес-де-ла-Фронтера и подчинила себе это королевство. Мало-помалу несколько миллионов жителей Мавритании переправились через море, для того чтобы устроиться в Испании. Если их многочисленные переселения и нельзя назвать собственно десантами, они тем не менее характеризовали наиболее внушительную и любопытную картину истории, так как происходили в период времени между нашествиями в Африку вандалов и походами крестоносцев на Восток.

Не менее важными для Севера являлись события, имевшие длительные последствия и заключавшиеся в образовании обширной империи, названной Россией. Варяжские князья, призванные новгородцами, во главе с Рюриком, вскоре дали о себе знать большими походами.

В 902 г. Олег погрузил, как говорят, на Днепре на 2 000 барок до 80 000 чел. и, миновав пороги реки, вышел в Черное море. Его конница в то время шла вдоль берега. Он появился перед Константинополем и заставил Льва-Философа платить себе дань.

Сорок лет спустя, по данным хроник, князь Игорь по той же дороге прошел с 10 000 барок. По достижении Константинополя его флот, напуганный ужасными результатами греческого огня, был отогнан на азиатское побережье, где он произвел высадку войск, которые, однако, были отбиты, и экспедиция вернулась в свою страну.

Князь Игорь не только не потерял мужества, но восстановил флот и армию и затем высадил десант в устье Дуная, куда император Роман Лапусен прислал послов с просьбой о мире и с предложением возобновить выплату дани (943 г.).

Едва прошла четверть столетия, как Святослав, воспользовавшись в 967 г. распрями Никифора с болгарским королем, вышел с 60 000 чел. на барках в Черное море, поднялся вверх по Дунаю и завладел Болгарией. Так как в это время печенеги угрожали Киеву, то он, вернувшись, вступил с ними в союз, а затем возвратился в Болгарию; разорвав союз с греками и получив подкрепление от венгров, он перешел через Балканы и атаковал Адрианополь. Престол Константина был тогда занят Цимисхитом. Последний, не откупаясь, как его предшественники, от Святослава, поднял и вооружил до 10 000 чел., создал значительный флот и, отбросив Святослава

от Адрианополя, заставил его вернуться в Силистрию, а затем с помощью штурма вернул себе столицу болгар. Русский князь пошел навстречу неприятелю, вступил с ним в сражение недалеко от Силистрии, но был вынужден вернуться в крепость, где и выдержал одну из достопамятных в истории осад.

Во втором, еще более кровавом сражении русские показали чудеса, но снова были вынуждены уступить численности врагов. Цимисхит, умея почитать храбрость, подписал с ними выгодный для них договор.

В это же время датчане вторглись в Англию в надежде на грабеж. Утверждают также, что Лотар вызвал тогда во Францию короля Огиера, чтобы отомстить своим братьям. Первые успехи этих пиратов возбудили у них аппетит к подобного рода авантюрам. Через каждые пять или шесть лет они стали наводнять берега Франции и Бретани своими бандами, которые все опустошали. Огиер, Гастинг, Регнер, Зигфруа приводили эти банды то к устью Сены, то к устью Луары и, наконец, к устью Гаронны. Говорят даже, что Гастинг входил в Средиземное море и поднимался вверх по Роне до Авиньона, что, однако, является по меньшей мере сомнительным. Сила его флота неизвестна, но, повидимому, не превышала 300 единиц.

В начале X века Роллон высадил десант прежде всего в Англии. Но в лице Альфреда он нашел себе соперника, лишившего его надежды на успех. Тогда он заключил с ним союз и высадился в 911 г. в Нейстрии, а затем прошел от Руана до Парижа; другие его части продвинулись от Нанта до Шартра. Отброшенный от этого последнего города, Роллон распространил свои силы по соседним провинциям и совершенно их опустошил. Карл Простоватый не нашел лучшего средства избавить свое королевство от этого непрерывно возобновлявшегося бедствия, как предложить Роллону уступку прекрасной провинции Нейстрии при условии женитьбы на его дочери и обращения в христианство. Эти условия Роллоном были приняты.

30 лет спустя внук Роллона, которого беспокоили преемники Карла, призвал себе на помощь короля Дании. Последний высадился во Франции со значительными силами, разбил французов, взял в плен их короля и навсегда закрепил Нормандию за сыновьями Роллона.

В этот период — с 838 по 950 г. — датчане с тем же ожесточением продолжали действовать против Англии, причем обращались с нею еще хуже, чем с Францией, хотя родство

языка и нравов более сближало их с саксонцами, чем с франками. После того как королевство было разграблено, Ивар расселил свой род в Нортумберланде.

Альфреду Великому, который вначале был побежден преемниками этого вождя, удалось восстановить свой трон и принудить датчан подчиниться его законам.

Но события вновь изменили свое течение. Свенон, еще более счастливый в своих предприятиях, чем Ивар, пройдя через Англию и опустошив ее, дважды продавал Альфреду мир на вес золота и затем вернулся в Данию, оставив часть своей армии в Англии.

Этельред, бесталанно боровшийся за обломки саксонского могущества, полагал, что нет лучшего средства для избавления от непрошенных гостей, как одновременное избиение всех датчан, оставшихся на острове (в 1002 г.). Но Свенон в следующем году вновь появился с большими силами, трижды в течение 1003—1007 гг. наводнял Англию, вновь и вновь опустошая эту несчастную страну.

В 1012 г. Свенон высадился в устье Эмбера и еще раз разлился бурным потоком по стране. Англичане, утратившие веру в своих князей, которые не умели их защищать, признали Свенона королем Севера. Его сын, Канут Великий, вступил в борьбу за престол с Эдмондом Железнобоким. Вернувшись из Дании со значительными силами, Канут при помощи вероломного Эдрика опустошил южную часть Англии и угрожал Лондону. Снова произошло разделение, но Эдмонд был убит Эдриком, а Канут был окончательно признан королем всей Англии. Затем он отправился в поход для покорения Норвегии. Вернувшись оттуда, он напал на Шотландию. Перед смертью он разделил, как это принято было в те времена, свое королевство между своими тремя детьми.

Пять лет спустя после его смерти англичане вернули корону своим англо-саксонским князьям, но Эдуард, которому она досталась при разделе царства, был пригоден более для монашества, чем для спасения своей страны от бедствий. Он умер в 1066 г., оставив Гарольду корону, которая оспаривалась у него вождем норманнов, поселившихся во Франции. Как говорят, Эдуард сам согласился на это поселение норманнов. К несчастью для Гарольда, его соперник оказался человеком властолюбивым.

1066 г. был ознаменован двумя в высшей степени необыкновенными походами. В то самое время, когда Вильгельм-Завоеватель готовил в Нормандии грозный флот против Гарольда, брат последнего, изгнанный из Нортумберланда за свои

преступления, искал поддержки в Норвегии и вместе с королем этой страны и с армией, насчитывавшей более 30 000 чел., на 500 кораблях высадился в устье Эмбера. В кровавом сражении близ Иорка Гарольд почти полностью уничтожил армию. Но как раз в это время его настигла свирепая буря. Вильгельм-Завоеватель воспользовался моментом, когда англо-саксонский король сражался с норвежцами, и захватил Сен-Валери с помощью своего очень большого флота (Юм утверждает, что Вильгельм имел 3 000 транспортных судов, некоторые же уменьшают это число до 1 200 судов, поднимавших от 60 000 до 70 000 бойцов). Гарольд с крайней поспешностью бросился от Иорка навстречу Вильгельму и завязал с ним решительное сражение близ Гастингса. В этом сражении король Англии нашел почетную смерть, а его счастливый соперник вскоре завоевал всю страну.

В это же время другой Вильгельм, прозванный Железная Рука, Роберт Гискар и его брат Роже отправились с горстью храбрецов на завоевание Калабрии и Сицилии (1053—1070 гг.).

Едва прошло 30 лет после этих достопамятных событий, как один экзальтированный священник вдохновил всю Европу на фанатическое предприятие — завоевание «святой земли». Вначале за ним пошли 100 000 чел., а затем 200 000 плохо вооруженных бродяг, которые частично погибли от мечей венгров, болгар и греков. Этот священник — Петр-Пустынник — сумел, наконец, перейти через Босфор и с 50 000 или 60 000 чел. появился перед Никеей, где крестоносцы были полностью уничтожены или захвачены в плен сарацинами.

За этим походом пилигримов (странников. — *Ред.*) была организована другая кампания, носившая более военный характер. 100 000 французов, лотарингцев, бургундцев и германцев, во главе с вождем — Готфридом Бульонским, направились через Францию на Константинополь. Столько же крестоносцев под командованием графа Тулузского шло через Лион, Италию, Далмацию и Македонию. Наконец, тарентский князь Боемонд погрузился на суда с норманнами, сицилийцами и итальянцами, чтобы через Грецию следовать на Галлиполи.

Это великое переселение напоминает баснословные походы Ксеркса. Для перевозки такого множества крестоносцев в Азию с проходом через Босфор или Дарданеллы были наняты генуэзские, венецианские и греческие флоты. Больше 400 000 чел. собралось в долинах и равнинах Никеи, где они и отомстили за поражение своих предшественников. Победитель Готфрид повел их затем через Азию и Сирию в Иерусалим, где и основал королевство.

Все морские средства Греции и цветущих итальянских республик были использованы им для перевозки указанных масс через Босфор или же для снабжения их во время осады Никеи. Громадное движение, вызванное этими походами, может быть, было самым значительным и счастливым результатом крестовых походов для прибрежных государств Италии.

Временный успех был причиной больших бедствий. Мусульмане, враждовавшие друг с другом, всегда объединялись, раз дело шло о борьбе с неверными. В свою очередь начались распри в лагере крестоносцев. Понадобился новый поход, чтобы помочь королевству, которому угрожал храбрый Нурэддин. Людовик VII и император Конрад отправились в поход, каждый во главе армии крестоносцев, причем, как и их предшественники, они направились через Константинополь (1142 г.). Но греки, напуганные повторными посещениями этих опасных гостей, замыслили их гибель.

Конрад, желавший быть впереди, попал в засаду, устроенную турками, которых предупредил Мануэль Комнен.

В нескольких боях с султаном Икона он был разбит наголову. Более счастлив был Людовик. Он победил турок на берегах Меандра, но его армия, лишившись поддержки Конрада, подверглась нападениям противника и была по частям разбита при проходах через дефиле. Лишенная всяких запасов, она была заперта в Атталии на берегу Памфилии, где искала средств для погрузки войск. Греки предоставили недостаточное количество кораблей, и лишь 15 000—20 000 чел. удалось вместе с королем вернуться в Антиохию. Остальные погибли или были захвачены сарацинами.

Эти слабые вспомогательные отряды, вскоре растаявшие в результате ежедневных боев и болезней, несмотря на пополнение их небольшими частями, доставлявшимися итальянским флотом из Европы, должны были полностью погибнуть под ударом Саладина, когда Риму удалось объединить императора Фридриха Барбароссу с королями Франции и Англии для спасения «святой земли».

Первым отправился император во главе 100 000 германцев. Он пробил себе путь через Фракию, несмотря на формальное сопротивление греков, находившихся тогда под управлением Исаака-Ангела. Фридрих, одержав победу, прошел к Галлиполи, форсировал Дарданеллы, овладел Иконом и умер, неблагоразумно искупавшись в одной реке — якобы в Сидне. Его сын, герцог Швабии, разбитый по частям мусульманами, с войсками, погибавшими от болезней, сумел вывести к Птолемее только 6 000 чел.

В это время Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август *, лучше осведомленные об обстановке, направили свой путь по морю, отплыв из Марселя и Генуи. В их распоряжении было два больших флота (1190 г.). Первый овладел Кипром, а затем оба флота высадились в Сирии, где они одержали верх над противником, — вероятно, еще до возникновения между ними соперничества, из-за которого Филипп вернулся во Францию.

Двенадцать лет спустя было решено организовать новый крестовый поход (1203 г.). Часть крестоносцев отплыла на кораблях из Прованса или из Италии, другая, во главе с графом Фландрии и маркизом Монферра, отправилась из Венеции. Эти последние, соблазненные ловким Дандоло, объединились вокруг него, чтобы напасть на Константинополь, под предлогом защиты прав Алексея-Ангела, сына Исаака-Ангела, разбитого императором Фридрихом. Как преемник Комненов, он способствовал разгрому армии Конрада и Людовика VII.

Прежнюю столицу мира, насчитывавшую до 200 000 защитников, осмелились атаковать 20 000 чел. Они штурмовали город с суши и с моря и овладели им. Узурпатор бежал. Алексей-Ангел занял трон, но не смог на нем удержаться. Греки восстали в интересах Мурзуфа, но латиняне организовали новый штурм, еще более кровавый, чем первый, овладели Константинополем и посадили на трон своего вождя, графа Бодуэна Фландрского. Эта империя просуществовала полвека, разбитые же греческие войска нашли убежище в Никее и Трапезунде.

Шестой поход был организован на Египет во главе с Жаном Бриенном. Несмотря на успех ужасной осады Дамиетты, Бриен должен был уступить перед все возраставшим сопротивлением мусульманского населения. Остатки его блестящей армии, почти затопленные водами Нила, сумели, к своему счастью, купить разрешение на возвращение в Европу.

Римский двор, у которого были свои расчеты на подогревание пыла христиан к этим походам, — так как только Рим и извлекал из них выгоды, — снова старался побудить германских князей поддержать Иерусалимское королевство. Император Фридрих и ландграф Гессенский в 1227 г. отправились на кораблях из Бриндизи во главе 40 000 отборных солдат. Но ландграф, а затем и сам Фридрих заболели. Флот остановился в Таренте, где Фридрих, раздраженный гордостью папы

---

* Ричард, отправившись из Англии с 20 000 пехоты и 5 000 конницы, высадился в Нормандии и по суше достиг Марселя. Какой именно флот доставил его в Азию, неизвестно. Филипп отправился из Генуи на итальянских кораблях со значительно меньшими силами.

Григория IX, который осмелился отлучить его от церкви за то, что он недостаточно скоро исполнял его желания, от похода отказался. Позже Фридрих с 10 000 чел. отправился в поход, уступив, таким образом, страху, возбуждаемому римским папой.

Людовик IX, воодушевленный теми же намерениями и руководимый, если верить Ансело, соображениями более высокой политики, отправился в 1248 г. из Эгмюрта на 120 больших кораблях и 150 малых судах, нанятых у генуэзцев, венецианцев и каталонцев, так как Франция, хотя и омываемая двумя морями, тогда еще не имела флота. Король высадился в Кипре, собрал там еще войска и отправился, по словам Жуанвиля, имея более 1 800 судов, в Египет для высадки там десанта. Его армия насчитывала, повидимому, около 80 000 чел., потому что хотя половина ее была рассеяна и отброшена к берегам Сирии, но спустя некоторое время он двигался на Каир с 60 000 бойцов, из которых 20 000 были на конях. Правда, что граф Пуатье высадил второй десант из французских войск.

Достаточно известно, какая печальная участь постигла эту блестящую армию, что, однако, не помешало 20 лет спустя этому же королю снова попытать счастья в новом крестовом походе (1270 г.). На этот раз он высадил десант поблизости от развалин Карфагена и осадил Тунис. Но чума уничтожила в течение нескольких недель половину его армии, и сам он пал ее жертвой. Король Сицилии, высадившийся с мощными подкреплениями в момент смерти Людовика, стремился возвратить остатки армии на свой остров, но буря уничтожила 20 больших кораблей с 4 000 чел. Этот государь мечтал по меньшей мере о завоевании греческого государства, считая лишь это достаточно богатой добычей. Но Филипп, сын и преемник Людовика «святого», вынужденный быстро вернуться во Францию, отверг это предложение.

Это усилие оказалось последним. Христиане, оставленные в Сирии, были там уничтожены в достопамятных боях при Триполи и Птоломее. Небольшие остатки религиозных полчищ нашли убежище на островах Кипре и Родосе.

Мусульмане, в свою очередь, перешли через Дарданеллы в Галлиполи в 1355 г. и последовательно овладели европейскими провинциями Восточной империи, которым сами латиняне нанесли последний удар.

Магомет II при осаде Константинополя (в 1453 г.) приказал, говорят, перетащить свой флот по земле, чтобы ввести его в канал и запереть порт. Флот был, очевидно, значительных размеров, потому что вмещал до 20 000 пехотинцев.

После взятия столицы флот был усилен всеми средствами греческого флота, и в течение короткого времени Магомет поставил свою империю в первый ряд морских держав. Он приказал произвести нападение на Родос и даже на Отранто на итальянском берегу, в то время как сам отправился в Венгрию в поисках более достойного соперника (Гуниада).

Султан, раненый и разбитый под Белградом, бросился на Трапезунд с многочисленным флотом, покорил этот город и с 14 кораблями высадился на острове Непрепонте, который и захватил штурмом. Вторая попытка захватить Родос была произведена, говорят, со 100 000 чел. под командованием одного из лучших его сподвижников. Но и эта попытка была с потерями отбита. Магомет готовился во главе огромной армии, собранной на берегах Ионии (Верто оценивает численность армии в 300 000 чел.), лично совершить этот поход, но неожиданная смерть помешала осуществлению его замысла.

К этому времени Англия также начала внушать страх своим соседям на суше и на море. Голландцы, вырывавшие свою территорию из недр океана, образовали зародыш державы, еще более выдающейся, чем Венеция.

Эдуард III высадился во Франции и осадил Калэ при участии 800 кораблей и 40 000 чел.

Генрих V высаживал десант дважды — в 1414 и 1417 гг. Он, говорят, имел 1 500 кораблей и только 30 000 чел., из которых 6 000 было конницы.

Все события, о которых мы только что говорили, произошли до изобретения пороха, потому что, если Генрих V, как полагают, и имел несколько пушек при Азинкуре, то достоверно известно, что во флоте пушки еще не применялись.

С тех пор все комбинации в отношении вооружений изменились. Весь этот переворот в ведении войны произошел ко времени изобретения компаса и открытия мыса Доброй Надежды и Америки, т. е. тогда же, когда подверглись полному изменению все условия морской торговли и была создана совершенно новая колониальная система.

Мы не будем говорить здесь ни о походах испанцев в Америку, ни о португальских походах, ни о походах голландцев и англичан в Индию, совершавшихся вокруг мыса Доброй Надежды. Несмотря на громадное влияние на торговлю всего мира, несмотря на гений Гама, Альбукерка и Кортеца, все эти походы, предпринятые с небольшими отрядами в 2 000 — 3 000 чел., были направлены против прибрежных народов, не знавших огнестрельного оружия. Эти операции не представляют никакого интереса.

Испанский флот, поднятый на высшую ступень славы своим открытием Нового Света, блистал при Карле V. Однако слава похода Карла V в Тунис во главе 30 000 отборных солдат, перевезенных на 500 генуэзских и испанских судах, была уравновешена разгромом, постигшим другую экспедицию, организованную с войсками такой же численности против Алжира (в 1541 г.). Этот поход был предпринят слишком рано, несмотря на благоразумные советы адмирала Дориа. Едва высадившись, император увидел, как 160 его кораблей и 8 000 чел. были поглощены волнами моря. Остальная часть экспедиции, спасенная искусством Дориа, собралась у мыса Метафуза, где Карл не без трудностей и опасностей присоединился к ним.

В это время преемники Магомета учли все выгоды, которые им обещало господство над столькими прекрасными морскими провинциями, и все значение господства на море, снабжающего огромными ресурсами. В те времена артиллерия и военное искусство у турок были не в худшем состоянии, чем у европейцев. Величие турок достигло своего апогея при Сулеймане I, который осадил Родос и взял его (в 1552 г.) с помощью флота и армии, численность которых определялась в 140 000 чел. Но они представляли бы значительную силу и при вдвое меньшей численности.

В 1565 г. Мустафа и знаменитый Драгут высадили десант на Мальте, где рыцари Родоса учредили новый орден. Они привезли 32 000 янычар на 140 кораблях. Известно, как Жан Валет обессмертил свое имя отражением этого нашествия.

Еще более грозное нашествие в виде 200 галер с 55 000 солдат было организовано в 1527 г. против острова Кипра, где был захвачен Никози и осаждена Фамагуста. Невероятная жестокость, проявленная Мустафой, увеличила тревогу и страх, которые возбуждало его продвижение. Испания, Венеция, Неаполь и Мальта объединили свои морские силы в помощь Кипру, но Фамагуста была захвачена, несмотря на героическую защиту, организованную Барбериго, которого Мустафа приказал зарыть в землю живым, чтобы отомстить за смерть 40 000 турок, погибших за два года перед тем на этом острове. Однако соединенный флот под руководством двух героев — Дон-Жуана Австрийского, брата Филиппа II, и Андрея Дориа, настиг флот турок при входе в Лепантский залив, недалеко от Акциума, где некогда была решена участь мировой империи в борьбе Августа с Антонием. Здесь союзный флот почти полностью уничтожил турецкий флот. Более 200 кораблей и до 30 000 чел. были захвачены в плен или потоплены

(1571 г.). Эта победа не положила конца господству Оттоманской империи, но она прекратила ее рост.

Неуспех Карла V в действиях против Алжира не помешал Себастьяну Португальскому предпринять завоевание Марокко, куда его призывал один мавританский князь, лишенный своих владений. Этот молодой принц во главе 20 000 чел. высадился на берегах Марокканского королевства, но был убит, а его армия была наголову разбита Мулеем Абделемеком в сражении при Альказаре в 1578 г.

Филипп II, гордость которого невероятно возросла после морского сражения при Лепанто, а также в результате успехов во Франции его макиавеллистской политики, решил, что ничто не может сопротивляться силе его оружия. Он вздумал покорить Англию. Непобедимая Армада, предназначенная для выполнения этого замысла, которая наделала столько шума, состояла частично из судов, числом до 137, вооруженных в Кадиксе (по данным Юма) 2 630 бронзовыми пушками. На этих кораблях было 20 000 солдат, не считая 11 000 моряков. К этим силам должна была присоединиться армия в 25 000 чел., которую герцог Пармский должен был доставить из Голландии через Остенде. Буря и англичане оказали должное внимание этим вооружениям. Эскадра была для своей эпохи значительна, но она далеко не заслуживала названия «великой», которое ей дали. Еще не дойдя до берегов Англии, эскадра потеряла 13 000 чел. и половину своих кораблей.

После этого похода следующим был поход Густава Адольфа в Германию в 1630 г. Армия состояла только из 15 000—18 000 чел. Значительный флот насчитывал 9 000 матросов. Но, несомненно, ошибочно Ансилон утверждает, что армия имела 8 000 пушек. Высадка в Померании прошла при небольшом сопротивлении. Во всей истории мы находим только один такой же пример. Мы говорим о движении шведского короля Карла X, перешедшего через Бельт по льду, чтобы из Шлезвига через остров Фионию дойти до Копенгагена (1658 г.). У него было 25 000 чел., в том числе 9 000 кавалерии и соответственная артиллерия. Это предприятие было тем более отважно, что лед был ненадежен; несколько пушек и даже коляска короля провалились.

После 75 лет мира вновь началась война между Венецией и турками (1615 г.). Последние перебросили армию в 55 000 чел. на 350 галерах и кораблях в Кандию и захватили там важное укрепление Канею, прежде чем республика успела притти к ней на помощь. Хотя в Венеции уже начали портиться те нравы, которые когда-то создали ее величие, она все же рас-

полагала в то время несколькими храбрыми полководцами; Морозини, Гримани и Мочениго несколько лет боролись с турками, которым их численное превосходство и владение Канеей давало большие преимущества.

Несмотря на это, венецианский флот завоевал под предводительством Гримани значительное превосходство, но ужасная буря уничтожила треть флота вместе с ее адмиралом.

В 1648 г. началась осада Кандии. Юсуф во главе 300 000 чел. яростно атаковал Кандию. Два приступа были отбиты, однако громадная брешь позволила во время третьего приступа проникнуть в крепость. Мочениго бросился на турок, ища смерти. Блестящая победа увенчала его героизм. Он отогнал турок, заполнив их трупами крепостные валы.

Венеция могла бы изгнать турок, послав армию в 20 000 чел. в Кандию, но Европа слабо ее поддерживала, а республика бросила в борьбу все, что у нее оставалось из числа настоящих воинов.

Возобновленная через некоторое время осада продолжалась дольше, чем осада Трои. Каждая кампания ознаменовывалась и новыми попытками турок помочь своей армии и морскими победами венецианцев, которые, следя за прогрессом морской тактики в Европе, значительно превосходили турок и заставляли их дорого платить за каждую попытку выйти из Дарданелл. В этой длительной распре особенно отличились трое из рода Морозини и несколько человек из рода Мочениго.

Наконец, знаменитый Киуперли, поставленный за свои заслуги во главе оттоманского министерства, решил сам вести войну, которая тянулась уже слишком долго. Он отправился на остров, где последовательно сосредоточил 50 000 чел., и во главе этой армии он в 1667 г. произвел ряд стремительных атак.

Турки проявили в этой достопамятной осаде больше военного искусства, чем они когда-либо его показывали прежде; их артиллерия огромного калибра хорошо обслуживалась; они впервые в истории вырыли окопы, изобретенные одним итальянским инженером.

Со своей стороны, венецианцы тоже усовершенствовали оборону применением фугасов. Никогда еще не было такого ожесточенного стремления уничтожить друг друга в боях, с помощью ли фугасов или во время штурмов. Героическое сопротивление позволило гарнизону выиграть зиму. Весною Венеция прислала подкрепления, а герцог Фейлад привел несколько сотен французских добровольцев.

Турки, тоже получившие мощные подкрепления, удвоили энергию, и осада приближалась к концу, когда под предводительством герцога Бофорта и Навайля на помощь Кандии пришли 6 000 французов (1669 г.). Однако плохо выполненная вылазка обескуражила эту надменную молодежь, и Навайль к концу второго месяца, утомившись от лишений, вызываемых осадой, взял на себя ответственность за отвод остатков своих войск во Францию. Морозини, у которого тогда было уже не более 3 000 истощенных осадой человек для защиты открытой со всех сторон крепости, согласился, наконец, эвакуировать ее; это соглашение сделалось формальным мирным договором. Кандия стоила туркам 25 лет войны, более 100 000 чел. убитых во время 18 штурмов и нескольких сотен вылазок гарнизона. Считают, что за время этой достойной внимания обороны погибло около 35 000 христиан разных наций.

За время борьбы между Людовиком XIV, Голландией и Англией происходили большие морские операции, но не было ни одного значительного десанта. Десант Якова II в Ирландии (1660 г.) состоял только из 6 000 французов, хотя флот Турвиля насчитывал 73 линейных корабля, на которых было 5 800 орудий и 29 000 матросов. В этом заключалась крупная ошибка. Надо было с подобными средствами высадить в Ирландию по меньшей мере 20 000 чел. Два года спустя Турвиль был побежден. Остатки высаженных войск должны были вернуться по договору об эвакуации.

В начале XVIII в. шведы и русские совершили два весьма неодинаковых похода.

Карл XII, желая притти на помощь герцогу Голштинскому, высадился в Дании во главе 20 000 чел., перевезенных на 200 транспортах под защитой сильной эскадры. На самом деле ему помогали английский и голландский флоты, но от этого экспедиция не сделалась менее замечательной, если принять во внимание детали высадки. Тот же король предпринял десант в Ливонии, чтобы помочь Нарве, но высадка происходила в шведском порту.

Петр I, имея причины быть недовольным персами, а также желая воспользоваться беспорядками в Персии, погрузил в 1722 г. войска на суда на р. Волге. Он вышел в Каспийское море на 270 судах, имевших на себе 20 000 чел. пехоты, и высадился в Астрахани, в устье Койсу, где ожидал конницу, в составе 9 000 драгун и 5 000 казаков, которая должна была соединиться с ним, перейдя через Кавказ. Затем император двинулся для овладения Дербентом и осадил Баку. После этого он

заключил договор с одной из группировок, которая боролась против империи, добившись уступки себе Астрабада, ключа к Каспийскому морю, а частью и к Персидской монархии.

Век Людовика XV ознаменовался только второстепенными походами, включая сюда и поход Ришелье против Минорки, хотя и славный как штурм, но менее выдающийся как десант.

Испанцы в 1775 г. высадили десант в 15 000—16 000 чел. для нападения на Алжир и наказания его отважных пиратов. Но этот поход, организованный без согласования действий эскадры и наземных войск, окончился неудачей под огнем турецких и арабских стрелков, рассеянных в кустарниках, окружавших город. Войска, высаженные на сушу, вынуждены были вновь вернуться на корабли, потеряв до 2 000 чел.

Война в Америке (1779 г.) была эпохой наибольших морских походов Франции. Европа не без удивления смотрела на эту державу, которая посылала графа Эстена в Америку с 25 линейными кораблями, в то время как Орвилье с 65 франко-испанскими линейными кораблями должен был обеспечивать десант, производимый 300 транспортных кораблей с 40 000 чел., собранными в Гавре и в Сен-Мало.

Эта новая Армада двигалась в течение двух месяцев, ничего не предпринимая. Наконец, ветры занесли ее в отечественные порты.

Более счастливым оказался Эстен, который господствовал на Антильских островах и высадил в Соединенных штатах 6 000 французов под начальством Рошамбо. Этот последний, получив позднее другую дивизию, способствовал охвату небольшой английской армии Корнваллиса в Нью-Йорке (1781 г.) и таким образом помог упрочению независимости Америки. Франция, может быть, навсегда восторжествовала бы над своим неумолимым соперником, если бы для усиления своих демонстративных действий в Ламанше она послала с адмиралом Сюфрэном в Индию на 10 кораблей и на 7 000—8 000 чел. больше.

Французская революция дает мало примеров высадки десантов. Пожар Тулона, эмиграция и сражение при Уэсане уничтожили ее флот.

Попытка Гоша высадиться в Ирландии с 25 000 чел. была неудачна: флот был рассеян бурей, и поход не привел ни к каким результатам (1796 г.).

Позже был совершен поход Бонапартом, который на 13 кораблях, 17 фрегатах и 14 транспортных судах доставил в Египет 23 000 чел. Известно, что турки, в надежде изгнать Бо-

напарта из Египта, произвели высадку в Абукире 15 000 чел., которые были опрокинуты Бонапартом в море или взяты в плен: достопамятный пример оборсны, достойный подражания в подобных случаях.

Значительный поход, организованный в 1802 г. против Сан-Доминго, был замечателен как десант. Но он окончился неудачей вследствие вспышки желтой лихорадки.

После своих успехов в борьбе с Людовиком XIV англичане больше стремились к уничтожению флотов соперников и к завоеванию колоний, чем к производству больших десантов. Те десанты, которые они в XVIII столетии старались применять против Бреста и Шербурга, численностью в 10 000—12 000 чел., не имели никакого значения для такого мощного государства, как Франция. Постепенные неслыханно крупные завоевания дали им Ост-Индию. Сначала они овладели Калькуттой, после этого Бенгалией, а затем мало-помалу усиливались там посредством посылки войск и организации сипаев, численность которых они довели до 150 000 дисциплинированных солдат.

Англо-русская экспедиция против Голландии в 1799 г. была совершена армией в 40 000 чел., которая, однако, высаживалась постепенно в несколько приемов. Эта экспедиция все же представляет интерес с точки зрения подробностей выполнения.

В 1801 г. Аберкромби, проводя демонстративные действия против Ферроля и Кадикса, высадил 20 000 англичан в Египте. Результаты всем известны.

Экспедиция ген. Стюарта в 1806 г. в Калабрию должна была после некоторых успехов при Маиде вернуться в Сицилию. Другая, еще более неудачная экспедиция против Буэнос-Айреса закончилась капитуляцией.

В 1807 г. лорд Карткарс высадил 25 000 чел. в Копенгагене, осадил его и бомбардировал. Он овладел датским флотом, что являлось целью его действий.

В 1808 г. Веллингтон высадился в Португалии с 15 000 чел. Известно, как после победы при Вимьере, поддержанный восстанием во всей Португалии, он заставил Жюно эвакуировать это королевство. Та же армия, доведенная до 25 000 чел., под командованием Мура, хотела проникнуть в Испанию с целью помочь Мадриду, но была отброшена на Коронью и с большими потерями была вынуждена совершить обратную посадку на корабли. Веллингтон, снова высадившись в Португалии с некоторыми подкреплениями и собрав 30 000 англичан и столько же португальцев, отомстил за это поражение. Он внезапно

напал на Сульта в Опорто (май 1809 г.) и, пройдя затем до ворот Мадрида, разбил Иосифа Бонапарта при Талавере.

Выполненный в том же году поход в Антверпен был самым значительным из всех, которые Англия предпринимала после Генриха V. В этом походе участвовало не менее 70 000 чел., из которых 40 000 было сухопутных войск и 30 000 моряков. Войска не достигли намеченной цели вследствие отсутствия военных дарований у их руководителя.

Десант, похожий на произведенный шведским королем Карлом X, выполнили 30 русских батальонов, перейдя с артиллерией в пяти колоннах через Ботнический залив по льду. Их целью было завоевание Аландских островов и распространение паники до ворот Стокгольма, в то время как другая дивизия переходила через залив Умео (март 1809 г.).

Генерал Моррей в 1813 г. выполнил хорошо задуманную высадку в Таррагоне, с целью отрезать Сюше от Валенсии. Однако после некоторых успехов он должен был снова посадить войска на корабли.

Военные мероприятия, которые были предприняты Англией в 1815 г. против вернувшегося с острова Эльбы Наполеона, замечательны по огромному количеству материальной части, выгруженной в Остенде и Антверпене. Численность войск доходила до 60 000 чел. — англичан и ганноверцев. Одни следовали сухим путем, а другие высаживались на территорию дружественного государства.

Наконец, в том же 1815 г. англичане предприняли и выполнили операцию, которую можно считать одной из наиболее выдающихся. Мы говорим о действиях против столицы Соединенных штатов Америки. К удивлению всего мира, горсть в 7 000—8 000 англичан, высадившись посреди государства с 10 000 000 населения, проникла довольно глубоко в страну, овладела столицей и разрушила там все общественные учреждения. Это такие результаты, повторения которых тщетно было бы искать в истории. В этом событии пытались обвинять республиканский дух и антимилитаристское настроение жителей этих областей, как будто не было подобной же милиции в Греции, Риме и Швейцарии, защищавшей свои очаги против гораздо более мощного агрессора, и как будто в том же году гораздо более многочисленная английская экспедиция не была полностью разгромлена милицией Луизианы под командованием ген. Джексона.

С тех пор как стали вооружать военные флоты огромной артиллерией, ничто не может сравниться, за исключением разве несколько сказочных военных предприятий Ксеркса

и крестовых походов, с колоссальным проектом и соответственной подготовкой, которые проводил Наполеон, задавшийся целью бросить 150 000 ветеранов на Англию на 3 000 барж или больших шлюпок, под охраной 60 линейных кораблей.

Отсюда видно, насколько различаются друг от друга попытки подобных десантов в зависимости от того, идет ли дело о форсировании морского пролива шириною в несколько лье или же о преодолении открытого моря. Значительное число операций, выполненных через Босфор, объясняется этой разницей в формировании десантов, которая имеет решающее значение в предприятиях подобного рода *.

---

* Шесть месяцев спустя после первого опубликования этой статьи 30 000 французов, посаженных на корабли в Тулоне, сумели высадиться в Алжире и, будучи счастливее Карла V, в несколько дней овладели этой крепостью и всей областью. Эта экспедиция, хорошо проведенная как сухопутными войсками, так и флотом, делает честь армии и ее командирам.

ДОБАВЛЕНИЕ
К «ОЧЕРКАМ ВОЕННОГО ИСКУССТВА»

Мои «*Очерки военного искусства*», составленные в 1836 г., оканчивались заключением, которое до сих пор напечатано не было и которое я считаю полезным дать в виде приложения к «Очеркам», добавив к нему еще более специальную заметку о том, каким способом можно выработать в себе верный и быстрый стратегический глазомер.

Моим читателям будет ясно, что здесь дело идет исключительно об указании условий правильного суждения о крупных комбинациях стратегии и сражений; что же касается такого глазомера, который оценивал бы все шансы, предоставляемые разнообразным рельефом местности, а также таланта быстро и спокойно воспринимать все перипетии боя, то эти природные дарования могут быть заменены только продолжительной практикой и боевым опытом. Впрочем, небольшое число правил, которые в этом отношении могут служить вехами, изложено в моем труде, приложением к которому являются настоящие строки.

Только интерес к военному искусству заставил меня опубликовать указанные две заметки, в упрек которым можно было бы поставить многократные повторения. Но эти повторения пополняют мой труд, полезность которого уже оценена, так как он послужил источником для многочисленных плагиатов.

Пусть это будет последним прости доблестному поколению, вместе с которым я участвовал в великих войнах столетия, навсегда достопамятного в военных анналах.

Генерал ЖОМИНИ

Брюссель, 6 февраля 1849 г.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

После внимательного прочтения моих «Очерков военного искусства» существенно важно глубоко проникнуться сознанием, что в военной науке, как и во всяком другом деле, изучение подробностей становится нетрудным для того, кто сумел понять основные пункты, из которых все исходит. К разъяснению этих руководящих начал (принципов) я и прилагал главным образом все свои старания. К их правильному пониманию и правильному применению на практике и следует направить все свои заботы.

Я не перестану повторять, что теория больших умозрительных комбинаций войны есть сама по себе довольно простая вещь. Она требует лишь понимания и внимательного размышления. Однако, несмотря на ее простоту, множество образованных военных с трудом усваивают эту теорию в целом, их ум рассеивается второстепенными подробностями, вместо того чтобы сосредоточиться на первопричинах, и они начинают искать слишком далеко то, что нашлось бы у них под рукой, если бы они занялись этим серьезно.

Две совершенно различные вещи образуют талант полководца: умение правильно оценивать обстановку и хорошо задумывать свои операции и умение самому доводить их до благоприятного конца.

Первый из этих талантов может быть природным дарованием, но его можно также приобрести и развить с помощью изучения. Что касается второго, то он гораздо больше зависит от индивидуального характера; хотя изучение и может его расширить и усовершенствовать, но он никогда не сможет создать «умения действовать», что является уже личным, индивидуальным дарованием.

Для главы правительства в особенности важно правильно оценивать обстановку и задумывать операции, потому что если у него и будет отсутствовать дар выполнения, то этот дар можно, по крайней мере, заменить умением отличать хорошие и плохие стороны планов, которые представляются ему на рассмотрение. По этим планам можно будет также судить о талантах генералов, их составивших, а когда к способности составлять хорошие планы эти генералы присоединят еще твердый и спокойный характер, то глава правительства сможет вполне безопасно доверить им командование своими армиями.

Если же, напротив, вождь государства является одним из тех людей исполнения, которые обладают лишь инстинктом боя на местности, но не имеют природного дара подготовлять ученые военные комбинации, то он стал бы делать те же ошибки,

какие совершали самые знаменитые генералы из солдат всякий раз, когда им поручалось ведение всей кампании и когда к их доблести не добавлялось образование.

С помощью установленных мною принципов и их практического применения в нескольких блестящих кампаниях оказалось возможным выяснить, что теория крупных умозрительных комбинаций на войне может быть изложена в виде следующих истин.

Стратегическая наука заключается прежде всего в умении хорошо подготовить свой театр войны и правильно судить о театре войны противника. Как для одного, так и для другого необходимо выработать в себе привычку оценивать решающие пункты, что вовсе не так трудно, как об этом иные думают, если воспользоваться данными мною указаниями, особенно в статьях от XVIII до XXII.

Затем, военное искусство состоит в правильном использовании своих сил на оборонительном театре войны, который должен быть подготовлен, если на нем желают ожидать противника, или на том театре, который хотят захватить. Так как предоставляемые этими театрами различные шансы хорошо выяснены в статье XVII, то остается лишь умение использовать наличные силы.

Приведение в действие сил требует соблюдения двух основных комбинаций; одна из них является самой основой стратегии, а именно — *путем подвижности и быстроты добиваться преимущества, состоящего в том, чтобы последовательно бросать свои главные силы только на части неприятельской линии;* вторая комбинация заключается в том, *что необходимо наносить свои удары в наиболее решающем направлении*, т. е. в том направлении, в котором неприятелю можно причинить больше всего вреда, не подвергая себя самого особо серьезным опасностям, например опасности перехвата своих коммуникаций.

Вся наука о больших комбинациях войны сводится к этим двум основным истинам. Поэтому будут тяжелой ошибкой все необоснованные или более широкие, чем у противника, передвижения, всякое дробление сил, равно как и всякий излишне образованный большой отряд. Напротив, благоразумными операциями будут те, в которых *вся система хорошо объединена, сжата, когда используется центральная стратегическая линия и когда стратегическая позиция менее растянута, чем позиция противника.*

Что касается практического применения, то основные его правила тоже очень просты. Если у вас имеется сто батальонов против такого же числа батальонов неприятеля, то вы можете, благодаря подвижности и инициативе, использовать

в решающем пункте 80 батальонов, остальные 20 применить для наблюдения за половиной неприятельской армии и *обмануть ее при этом*. Таким образом, вы действуете 80 батальонами против 50 там, где должен быть решен главный вопрос.

Этой цели вы достигнете быстрыми маршами, использованием внутренних линий или общим движением против одной из оконечностей фронта противника (см. ст. XXI).

Когда придется составлять план операции, то надо вспомнить, «*что стратегическая шахматная доска, так же как и всякая позиция армии, имеет только один центр и две оконечности*» и что, таким образом, шахматная доска обычно имеет три зоны: правую, среднюю и левую.

Выбор лучшей операционной зоны зависит:

1) от того, какая из них обеспечит армии одновременно надежный, безопасный и выгодный базис;

2) от того, в какой из них меньше подвергаются риску всякого рода и из какой можно противнику нанести наибольший вред;

3) от предыдущего расположения и предыдущей обстановки обеих сторон;

4) от политических отношений с державами, граничащими с театром войны.

Всегда из трех зон одна будет решительно плоха или опасна, а две другие могут быть более или менее подходящими, смотря по обстановке.

После того как определена зона и базис, надо принять решение о задаче первых операций; следовательно, выбирают объект действий. Объекты бывают двух, весьма различных родов: одни, которые можно назвать *территориальными или географическими объектами*, имеют простое отношение к неприятельской оборонительной линии, которой желают овладеть, или к крепости, либо к укрепленному лагерю, которые хотят захватить.

Другие, напротив, имеют в виду исключительно уничтожение или дезорганизацию неприятельских сил, независимо от характера тех или иных географических пунктов. Вот такую войну предпочитал Наполеон.

Я не сумею ничего другого добавить к тому, что сказал по этому поводу (см. начало главы VII. — *Ред.*), а так как *выбор объекта является самым важным в плане операции*, то я рекомендую обратить внимание на статью XIX, которая об этом говорит.

Когда цель установлена, следует итти от базиса к цели по одной или двум операционным линиям, заботясь о том, чтобы не

нарушить боевую задачу и не начать двойные операции; отступить от этого можно только в том случае, если мы вынуждены к этому характером театра войны или если мы имеем над противником решительное численное или качественное превосходство. Статья XXI подробно и исчерпывающе говорит обо всем, что нужно знать по этому вопросу.

Если действуют по двум территориальным линиям, то весьма существенно, чтобы по важнейшей линии следовала главная масса сил, а по вспомогательной линии лишь менее значительные выделенные отряды, которым по возможности следует давать концентрическое, по отношению к главной армии, направление.

Когда армия двигается к какой-либо цели и еще не находится на таком расстоянии от неприятеля, чтобы дать ему сражение, то она ежедневно или на короткое время занимает стратегические позиции. Фронт, который она занимает, или тот, на который неприятель может напасть, является ее операционным фронтом. Направление операционного фронта является основой комбинации, а именно изменения стратегических фронтов, о чем я говорил в статье XX.

Согласно общему принципу, даже при равенстве сил нужно занимать меньший, чем у противника, фронт, в особенности, если задерживаются на позиции в течение некоторого времени. Если ваши стратегические позиции более сжаты, чем у противника, вы скорее и легче можете объединить свои силы, чем он, и, таким образом, применить указанный принцип. Если ваши стратегические позиции являются внутренними и центральными, то противник не может объединить свои силы иначе, как проходя перед вашими дивизиями или делая большой обход, следовательно, он почти никогда не будет в состоянии применить тот же принцип, тогда как вы сможете применить его без боязни.

Но если вы очень слабы по сравнению с мощным в численном отношении прютивником и ваша центральная позиция может быть обойдена со всех сторон силами, превосходящими вас во всех точках, то такая позиция, повидимому, не может быть удержана, за исключением случаев, когда неприятельские корпуса будут очень удалены друг от друга, как это было с союзными армиями в течение Семилетней войны, или когда центральная зона на одной или двух своих сторонах имеет такие барьеры, как Рейн, Дунай и Альпы, которые могут воспрепятствовать одновременному действию неприятельских сил.

В случае большого численного неравенства более благоразумно все же маневрировать против одной из оконечностей неприятельской линии, чем бросаться в центр, в особенности, если неприятельские массы настолько сближены, что представляют для вас опасность.

Мы сказали выше, что стратегическая наука, кроме указания решающих пунктов на театре войны, имеет в своей основе две комбинации:

1) перенесение главной массы своих сил последовательно на отдельные части неприятеля, чтобы атаковать их одну за другой;

2) умение придавать своим действиям наиболее выгодное направление, т. е. направлять их, поскольку это возможно, сначала на указанные решающие пункты, а потом на второстепенные по значению.

Чтобы пояснить каким-либо неопровержимым примером этот фундаментальный пункт всей стратегии, я снова приведу ссылку на операции французов в конце 1793 г., представленные на схемах 1 (стр. 185) и 2 (приложение).

Нужно напомнить, что союзники имели 10 главных корпусов на границе Франции от Рейна до Северного моря.

Герцог Иоркский атаковал Дюнкирхен (№ 1).

Маршал Фрейтаг прикрывал осаду (№ 2).

Принц Оранский находился на промежуточной позиции в Менэне (№ 3).

Принц Кобургский с главной армией атаковал Мобеж и охранял пространство между этой крепостью и Эско при помощи сильных отрядов.

Клерфайт прикрывал осаду (№ 5).

Бенжуйский прикрывал Шарлеруа и Маас в направлении к Тэн и Шарлеруа, укрепление которого он восстановил (№ 6).

Другой корпус прикрывал Арденны и Люксембург (№ 7).

Пруссаки осаждали Ландау (№ 8).

Герцог Брауншвейгский прикрывал осаду в Вогезах (№ 9).

Генерал Вурмзер наблюдал за Страсбургом и Рейнской армией (№ 10).

Французы, кроме тех отрядов, которые находились перед неприятельскими корпусами, имели пять главных масс в лагерях Лилля, Дуэ, Гиза, Саарлуи и Страсбурга (см. на схемах a, b, c, d, e). Сильный резерв (g), состоявший из лучших войск, взятых из лагерей северной границы, был предназначен для последовательного удара на все пункты неприятельской линии, для удара совместно с войсками, которые там уже находились (i, k, l, m).

Этот резерв с помощью дивизии Кассельского лагеря близ Дюнкирхена действительно начал бить корпуса №№ 1 и 2, находившиеся под командованием герцога Иоркского, потом голландский корпус № 3 в Менэне, затем корпус Клерфайта перед Мобежем; наконец, идя на соединение с Мозельской армией в направлении к Саарлуи, он разбил герцога Брауншвейгского в Вогезах и с помощью Рейнской армии изгнал Вурмзера из Вейсенбурга.

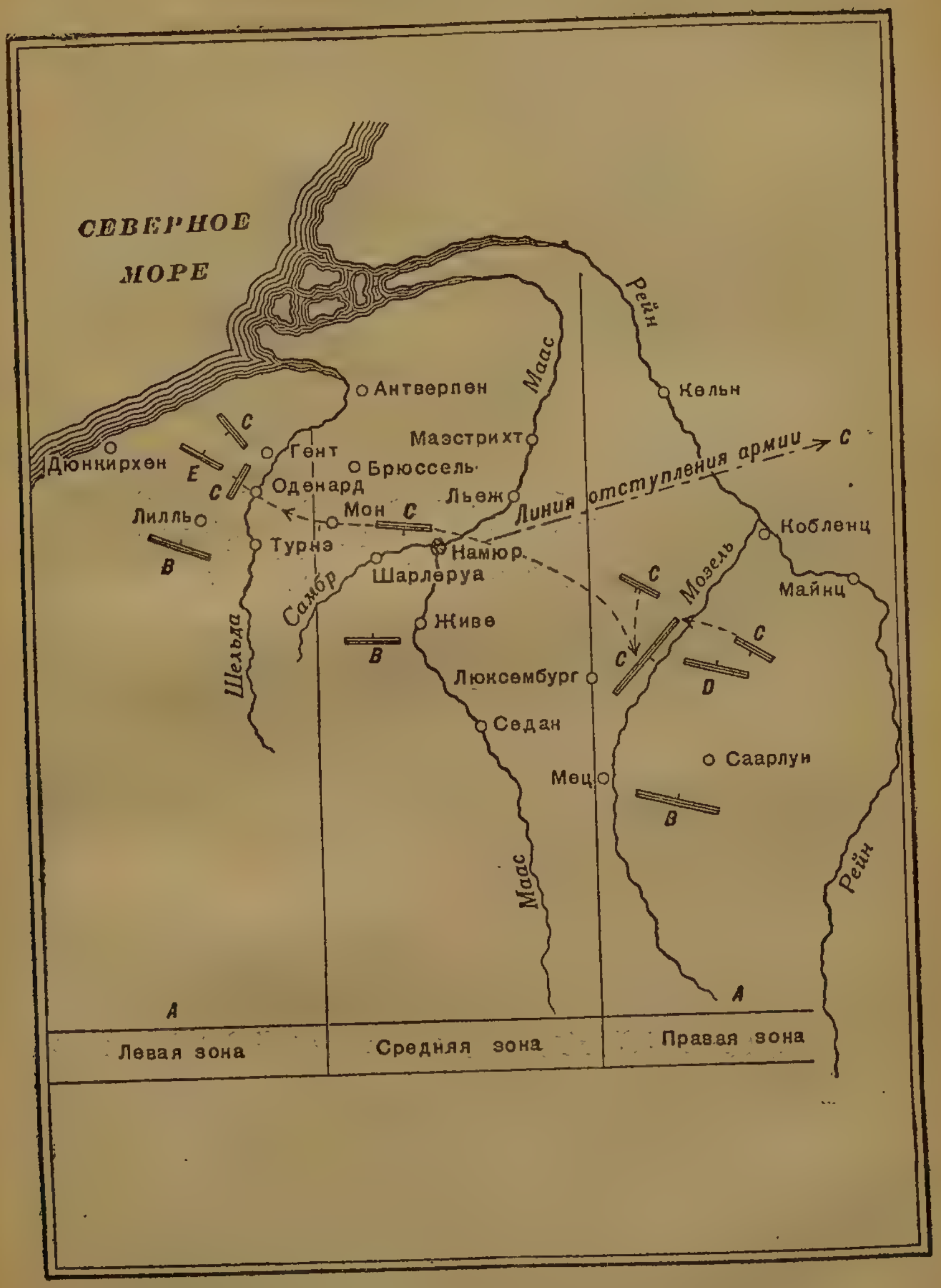
Конечно, всеобщий принцип был применен хорошо, и подобная операция всегда сама по себе будет превосходна, но так как австрийцы составляли половину сил союзников и так как, начиная с пунктов 4, 5, 6, линии их отступления шли на Рейн (A и B), то ясно, что, если бы французы собрали три из своих больших корпусов с тем, чтобы бросить их на корпус Бенжуйского в Тэн (№ 5), а затем обратиться против принца Кобургского, напав на его левый фланг по дороге на Шарлеруа, они отбросили бы имперские армии к Северному морю и, таким образом, добились бы огромных результатов.

Комитет общественного спасения придавал большое значение тому, чтобы Дюнкирхен не попал в руки англичан. Кроме того, корпус герцога Иоркского, расположенный лагерем в дюнах, мог быть отрезан и сброшен в море, а французские массы, которые можно было использовать, находились в Дуэ, Лилле и Касселе. Таким образом, были основательные причины для того, чтобы начать атаку на англичан. Удару недоставало главной цели, потому что Ушар, не оценив своих стратегических преимуществ, не сумел воздействовать на линию отступления англичан и ганноверцев. В наказание за то, что он, хотя и спас Дюнкирхен, но не отрезал англичан, — а он мог это сделать, — его гильотинировали.

Эта последовательная прогулка французского резерва по всему фронту дала пять побед, которые были только полурезультатами, потому что *это были фронтальные атаки.* Крепости были освобождены, союзные армии не были разгромлены, а французский резерв продолжал передвигаться, не будучи в состоянии довести до конца ни одного своего успеха.

Если бы французы, опираясь на свои пять крепостей на Маасе, собрали 100 000 человек путем смелых и быстрых маршманевров, чтобы напасть на центр разбросанных корпусов союзников, раздавить Бенжуйского в направлении на Шарлеруа, напасть с тыла на принца Кобургского, разбить его, преследовать до крайности, как это сделал Наполеон в Регенсбурге и как он хотел сделать в 1815 г. при Линьи, то тогда результат был бы совсем другой.

СХЕМА 1


СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Антверпен
Маас
Рейн
Кельн
Маэстрихт
Гент
Брюссель
Дюнкирхен
Оденард
Льеж
Линия отступления армии
Мон
Лилль
Турнэ
Намюр
Кобленц
Шарлеруа
Самбр
Мозель
Майнц
Шельда
Живе
Люксембург
Седан
Саарлуи
Мец
Маас
Рейн
A
B
C
D
E
Левая зона
Средняя зона
Правая зона

Я привел этот факт как один из тех, которые лучше всего показывают два направления стратегического использования масс, т. е. последовательного использования и использования в решающем пункте *. Отсюда можно, повидимому, притти к заключению, что весь принцип стратегических операций зиждется на двойном применении, которое я только что сделал из этих двух комбинаций.

Всякий образованный военный человек, проникнувшись этими истинами, будет убежден, что хорошее маневрирование в сражениях безусловно зависит от этого же принципа, т. е. что нужно направлять свои усилия на одно из крыльев (флангов) или на центр, в зависимости от расположения неприятельских масс. Следует только заметить, что в сражениях нужно с еще большей точностью производить подсчет расстояний, так как, ввиду большей близости и большей непосредственности результатов, нужно избегать предоставления противнику благоприятных случаев, в особенности когда вся его система очень сжата.

Прибавим к этому спокойствие в действиях; выбор для сражения таких позиций, которые более всего могли бы благоприятствовать применению наступательно-оборонительной системы; одновременное использование сил для возможно более мощного удара, в соответствии с тем, что я говорил о наступательных сражениях (см. ст. XLV — XLVII т. II); талант возбуждать своих солдат и во-время бросать их в атаку. Этим мы исчерпаем все, что может быть залогом победы и в чем заключается талантливое исполнение.

Найти решающий пункт на поле сражения почти всегда легко. Но решительный момент для удара не то же самое. Здесь именно природный гений и опыт — все, а теория — почти ничто.

Важно с вниманием обдумать статью XLII, которая указывает, как генерал, формулируя очень небольшое число предположений о том, что может сделать противник, и о том, что ему самому лучше делать при всех предположениях, сумеет выработать в себе быстрый и надежный глазомер по отношению ко

---

* Операция, которую я привожу, доказывает преимущество использования сил в решающем пункте не потому, что оно состоялось, но напротив, потому что оно не состоялось в 1793 г. Если бы Наполеон был на месте Карно, то он всеми своими силами напал бы на Шарлеруа, откуда обратился бы против левого фланга принца Кобургского и отрезал бы ему путь отступления. Сравнение результатов его ученых маневрирований при Сен-Бернаре и Иене с полуискусной операцией Карно дает возможность сделать вывод.

всем возможностям и заблаговременно предпринять меры для срыва предприятий, которые противник попытается осуществить.

Я должен посоветовать также ознакомление со статьей XXXVI, трактующей о больших отрядах. Это необходимое зло, но при отсутствии нужных мер предосторожности это зло легко может уничтожить наилучшую армию. Выделять поменьше отрядов, *придавать им большую подвижность*, быстро их отзывать к себе, как только это явится возможным, давать им целесообразные указания в предотвращение возможных катастроф—вот существенные правила для благоразумного генерала.

Я ничего не могу сказать здесь относительно двух первых глав, *трактующих о военной политике*. Они сами представляют собой лишь очень краткое резюме по этой части военного искусства, касающейся государственных людей и содержащей положения, которыми крайне необходимо проникнуться. Тем не менее я обращаю особое внимание на статью XIV относительно командования армиями и выбора главнокомандующих. Этот предмет заслуживает всяческой заботы мудрого правительства, потому что от него часто зависит спасение государства. Можно полностью доверять хорошему стратегу при назначении его на должность начальника генерального штаба армии; но для главного командования прежде всего нужен опытный человек, одаренный большим характером и испытанной энергией. Объединение двух людей, одаренных этими различными качествами, может при отсутствии первоклассного полководца обеспечить вождение армии и самые блестящие успехи.

Я ничего не могу добавить ни к стратегическому резюме в томе I, ни к общему заключению, заканчивающему том II, не впадая в бесконечные повторения. Мне остается лишь закончить это краткое резюме указанием на самые простые средства и способы научиться применять на практике изложенные в этом очерке правила.

УКАЗАНИЯ О СПОСОБАХ ВЫРАБОТАТЬ В СЕБЕ ХОРОШИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ГЛАЗОМЕР

Изучение принципов стратегии не может дать хороших результатов, если ограничиться закреплением этих принципов в своей памяти, не стремясь проникнуть во все их комбинации, не упражняя возможно чаще своей способности суждения в применении принципов при работе на карте, пользуясь при этой работе либо предположениями воображаемой войны,

либо разбором наиболее блестящих операций великих полководцев.

С помощью именно таких упражнений можно выработать в себе быстрый и верный стратегический глазомер, что является наиболее драгоценным качеством генерала и без чего наилучшие теории в мире никогда не смогут быть применены на практике.

Когда хорошо осознаны преимущества, доставляемые подвижностью массы, последовательно вводимой в действие против нескольких частей неприятельских сил, а в особенности когда осознана вся важность постоянного направления своих усилий на решающие пункты театра военных действий, то естественно, что любознательный военный человек должен стремиться с первого же взгляда определять эти решающие пункты. В главе III «Очерков военного искусства» я уже дал возможность почувствовать, каким образом при помощи простых приемов анализа можно дойти до такого знания.

В самом деле, поразительной простотой отличается истина, господствующая во всех комбинациях большой войны, а именно: *«в каком бы положении ни находился генерал, ему всегда необходимо только решить, действовать ли ему на своем правом фланге, или на левом фланге, или прямо перед собой».*

Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, представим сначала генерала, находящегося в начале войны в своем кабинете. Его первой заботой, естественно, будет выбор операционной зоны, обещающей ему наибольшие шансы на успех и наименьшие опасности в случае неудачи. Так как весь театр операций не может иметь более трех зон, а именно — правой, средней и левой, то с помощью моих указаний, данных в статьях XVII—XXII относительно способа выявления преимуществ и опасностей этих зон, выбор этот сделать нетрудно.

Когда генерал окончательно остановится на зоне, в которую он решит направить свои главные силы, и когда эти силы будут туда доставлены, они образуют операционный фронт по отношению к неприятельской армии, которая также будет иметь такой фронт. А эти операционные фронты также будут иметь три направления — правое, левое или среднее. Следовательно, тогда ничего больше не останется, как выбрать то направление, которое может причинить наибольший вред противнику, так как это всегда будет наилучшим направлением, в особенности если им можно воспользоваться, не подвергая риску свои собственные сообщения. Для этой цели в «Очерках военного искусства» я перечислил все возможности — и те, которых нужно добиваться, и те, которых нужно избегать,

Наконец, когда обе армии находятся одна перед другой на поле сражения, где должно состояться решающее столкновение, обе они также будут иметь правое крыло, левое крыло и центр. Каждое из этих направлений будет представлять большие или меньшие выгоды для нанесения главных ударов.

Сводя, таким образом, всякую операцию большой войны к трем основным столь простым комбинациям, можно будет легко судить о том, какое из трех направлений было бы лучше всего выбрать; и как только будет выявлено самое выгодное направление, было бы ошибкой остановиться на каком-либо из двух остальных, потому что это значило бы совершенно бесполезно подвергать себя опасностям и отказаться от почти верного успеха.

* * *

Мы сказали, что после выбора зоны нужно применить те же три предположения по отношению к операционному фронту, на котором предстоит маневрировать.

Возьмем для доказательства этой истины тот же театр военных действий между Рейном и Северным морем, на который мы уже ссылались в качестве примера и который изображен на прилагаемой схеме (стр. 185).

Хотя этот театр в некотором роде состоит из четырех географических подразделений, а именно — пространства между Рейном и Мозелем, пространства между Мозелем и Маасом, промежутка между Маасом и Эско (Шельдой) и, наконец, пространства между Эско и морем, — тем не менее справедливо, что армия, базис который был бы в АА, а операционный фронт в ВВ, всегда имела бы на выбор три главных направления, потому что два средних пространства принадлежат одной и той же центральной зоне, а остальные два представляют правую и левую зоны.

Армия ВВ, желая наступать против армии СС, базис которой находится на Рейне, должна была бы выбрать одно из трех направлений. Если бы она проводила свой маневр правым флангом, спускаясь вниз по течению Мозеля (по направлению к D), то, очевидно, она угрожала бы путям отступления противников, стремясь отрезать их от Рейна; но противники, объединив главную массу своих сил у Люксембурга, могли бы обрушиться на левый фланг этой армии D, заставить ее изменить фронт и принять сражение параллельно Рейну, что привело бы ее к гибели в случае серьезного поражения.

Если бы, напротив, армия В хотела сосредоточить свои усилия на оконечности, противоположной ее левой зоне, т. е.

в направлении к E, чтобы воспользоваться преимуществами, создаваемыми прекрасными крепостями Лилля и Валанъсьена, в целях обеспечения ее маневра против правой оконечности оперативного фронта неприятеля, — то она подверглась бы еще большим неудобствам. В самом деле, армия CC, собрав все свои силы около Оденарда, могла бы обрушиться на ее правый фланг и, обходя этот фланг во время боя, отбросить его в тупик, образованный у Антверпена нижним течением Эско и морем, где армии не оставалось бы ничего иного, как положить оружие или же пробиваться, жертвуя половиной своих сил.

Из этих двух истин с очевидностью вытекает, что левая зона была бы наихудшей для армии B, а правая зона, давая некоторые шансы на успех, все же имела бы большие неудобства. Следовательно, остается центральная зона. У нее имеются все желательные преимущества, так как армия B, бросив свою главную массу на Шарлеруа с целью разрезать надвое огромный операционный фронт противника, могла бы разгромить его центр и отбросить его правый фланг к Антверпену и нижнему течению Эско, нимало не рискуя своими сообщениями.

После того как собственные силы собраны в наиболее благоприятной зоне, следует, естественно, направить их затем на ту часть операционного фронта неприятеля, которая соответствовала бы главной цели предпринятой операции.

Таким образом, если вы маневрировали вашим правым флангом против левого фланга неприятеля с намерением отрезать большую часть его армии от его базы на Рейне, то ясно, что вам нужно и дальше действовать в том же направлении, потому что если вы перенесете ваши усилия на правый фланг операционного фронта противника, тогда как ваши первоначальные намерения имели целью действий его левый фланг, то естественно, что вы потеряете все плоды наилучшим образом задуманного плана операции.

Если же, напротив, вы решили принять для действий левую зону, с целью оттеснить противника к морю, которое находится в этом направлении, то очевидно, что вы должны все время маневрировать вашим правым флангом, чтобы отбросить противника на непреодолимое препятствие, потому что если вы будете маневрировать вашим левым флангом, то в случае неудачи прижаты к морю будете вы, а не ваш противник.

Применяя те же самые правила к театрам кампании у Маренго, Ульма, Иены, мы каждый раз находим комбинацию из трех зон, с той лишь разницей, что в этих кампаниях направление на центр уже не было наилучшим. В 1800 г. наи-

лучшим было левое направление, которое выводило прямо на левый берег реки По, на линию отступления Меласа. В 1805 г. наилучшей была левая зона, которая через Донауверт выводила на крайний правый фланг и на линию отступления Мака. Наконец, в 1806 г. наилучшей была, напротив, правая зона, так как Наполеон мог этим направлением выйти на линию отступления пруссаков, пробираясь от Бамберга к Гере.

В 1800 г. Наполеон должен был выбрать между правой операционной линией, которая выводила его на берег моря около Ниццы и Савонны, средней, выводившей с фронта через Мон-Сенис на Турин, и, наконец, левой операционной линией, которая вела его через Сен-Бернар или Симплон на сообщения Меласа. Первые два направления не давали никакого благоприятного шанса, а правая операционная линия могла быть особенно опасной, как это и было в действительности для Массена, который, в конце концов, был отброшен и обложен в Генуе. Поэтому решающим направлением было, очевидно, левое.

Что касается сражений, то там, естественно, имеет место двойное осложнение, так как в сражении нужно сочетать стратегический глазомер с глазомером тактическим. Боевое расположение, по необходимости имеющее отношение к линии отступления и к операционному базису, будет иметь, следовательно, вполне определенное стратегическое направление. Но это расположение будет также иметь отношение и к особенностям местности, где должен произойти бой, равно как и к расположению различных родов войск обеих сторон,—все это представляет собой тактические отношения.

Хотя обычно армия занимает свою боевую линию таким образом, чтобы позади последней сохранить за собой линию отступления, однако очень часто бывает, что армия вынуждена сражаться параллельно линии отступления, причем эта линия находится тогда на продолжении одного из ее крыльев. Если такое положение сложится у неприятеля и вы нападете на это крыло с подавляющими силами, неприятельская армия может быть отрезана, уничтожена или вынуждена прокладывать себе путь оружием.

Я приведу в пример происшедшее в 1757 г. знаменитое сражение при Лейтене, которое я описываю в истории войны Фридриха II, и знаменитые дни при Красном во время отступления из Москвы в 1812 г.

В подобных случаях нельзя колебаться. Решающим пунктом является неприятельское крыло, которое находится ближе к линии отступления; этим крылом и следует постараться завладеть, не подвергая опасности своей линии отступления.

В том случае, когда боевая линия неприятеля будет располагать одной или двумя перпендикулярными к ней линиями отступления, ею следует овладевать путем чисто тактической комбинации. Обычно будет более правильным атаковать центр или то из крыльев, где местные препятствия менее благоприятствуют обороне, так как важнее всего выиграть сражение, не стремясь обязательно к полному разгрому противника. А это находится в зависимости от численного соотношения сил, от морального состояния обеих армий и от обстоятельств, которые нельзя свести к безусловным правилам.

Наконец, бывает также, что какая-либо армия до сражения овладевает линией отступления неприятеля, как это сделал Наполеон при Маренго, Ульме и Иене.

Когда решающий пункт большого значения выигран искусными маршами-маневрами еще до боя, то в дальнейшем борьба будет вестись уже за то, чтобы воспрепятствовать противнику открыть себе проход, и тогда можно противопоставить ему только один маневр, а именно параллельную боевую линию, так как не имеет смысла маневрировать против одного крыла предпочтительнее, чем против другого. Совсем иначе обстоит дело для противника, который отрезан: у него только одно средство к спасению — это определить крыло, через которое он мог бы скорее восстановить свою линию отступления и бросить туда все свои силы, чтобы спасти хотя бы большую их часть. Следовательно, вопрос для него сведется к тому, следует ли направить удар против правого или против левого крыла противника.

Тем не менее следует заметить, что переход через реки в присутствии всей неприятельской армии представляет собой исключение из приведенных выше общих правил. При выполнении этих операций существенно важный пункт состоит в том, чтобы навести свои мосты вне всякой опасности. Если после перехода реки армия направит свои основные массы на свой правый или левый фланг, чтобы завладеть решающим пунктом или отбросить противника к реке, тогда как последний, напротив, соберет все свои силы на противоположной стороне, чтобы завладеть мостами, то армия может очутиться в случае неудачи в самом критическом положении. Сражение при Ваграме дает возможность самым полным образом изучить подобный случай. По этому поводу я был вынужден, обсуждая вопрос о *переходах через реки* (см. ст. XXXVII, т. II), наметить различные, имеющиеся в таких операциях оттенки, которые все же укладываются в общие, указанные там правила.

Только глубоко проникшись этими истинами, военный человек сумеет выработать в себе быстрый и верный глазомер.

Генерал, который будет в этом отношении хорошо подготовлен и натренирован в частом применении правил с помощью чтения военной истории или с помощью упражнений в воображаемых операциях на карте, редко встретит при выполнении своих намерений затруднение в решении вопроса, что ему следует предпринять. И даже тогда, когда противник будет действовать против него неожиданными передвижениями, он всегда сумеет принять наилучшие меры, чтобы сорвать маневр противника, постоянно возвращаясь к комбинациям первоначального плана, основанного на столь простых данных.

Я отнюдь не стремлюсь принизить высшее военное искусство, сводя его к столь незначительному числу мыслей. Кто может лучше меня оценить разницу между руководящими принципами при составлении комбинаций в кабинете и тем «умением действовать», которое необходимо для направления 100 000 чел. с тою же целью, но среди шума и прома сражений?

Я знаю, какими дарованиями и характером нужно быть одаренным для того, чтобы приводить в движение подобные массы, как одного человека; чтобы бросать их в бой одновременно в наиболее решающем пункте и в наиболее выгодный момент; чтобы обеспечить их всеми видами снабжения. Но если именно это «*умение действовать*» и делает главным образом человека военным, то все же, как не признать, что мудрое направление масс на лучшие стратегические пункты является наивысшим качеством великого полководца?

А сколько храбрых армий под командованием доблестных «людей исполнения» проигрывали сражения и даже теряли империи только потому, что они неразумно бросались влево, когда нужно было маневрировать вправо. Можно было бы привести очень много примеров, но достаточно указать на Линьи, Ватерлоо, Бауцен, Денневиц, Лейтен.

На этом я заканчиваю, потому что мне пришлось бы только повторять уже сказанное. И чтобы заранее снять с себя упрек в том, что я слишком большое значение придаю применению столь немногочисленных правил, изложенных в моих трудах, я напомню, что именно я первый провозгласил, что «война — это не точная наука, а преисполненная страстей драма, и что моральное состояние, таланты, умение действовать и великий характер вождей, наконец, страсти масс — все это оказывает громадное влияние на исход войны».

Но после того как я написал критическую историю тридцати войн и сам участвовал в двенадцати наиболее знаменитых кампаниях, пусть мне будет позволено утверждать, что я не знаю ни одного примера, когда хорошо примененные принципы не обеспечили бы победы.

Что касается *умения действовать* и проницательного ума, отличающих человека практики от человека, знающего только то, чему его научили другие, то я считаю, что никакая книга не может привить этих качеств мозгам тех, которые их лишены. Должен признаться, что я видел многих генералов и даже маршалов, приобревших некоторую известность цитированием вкось и вкривь принципов, которых они отнюдь не умели применять на практике, и все же достигших высших командных должностей. Вследствие полного отсутствия дара суждения и необъяснимого самомнения они разработали самые нелепые планы.

Я закончу это краткое резюме напоминанием последней истины, уже изложенной в IV издании моего «Трактата о крупных военных операциях», напечатанного в Париже в конце 1847 г.:

«Главным условием умения победоносно вести войну является твердая воля к борьбе. Если генерал будет воодушевлен подлинно воинственным духом и сумеет передать его своим солдатам, то хотя он и будет делать ошибки, но все же будет одерживать победы и будет увенчан заслуженными лаврами».

ВТОРОЕ ДОБАВЛЕНИЕ К «ОЧЕРКАМ ВОЕННОГО ИСКУССТВА»

О ПОСТРОЕНИИ ВОЙСК ДЛЯ БОЯ

В конце 1851 г., когда я был в Париже, одно знатное лицо удостоило меня чести, спросив, не думаю ли я, что усовершенствование огнестрельного оружия вызовет большие изменения в способе ведения войны.

Я ответил, что это обстоятельство, вероятно, окажет некоторое влияние на подробности тактических действий, но что в крупных стратегических операциях и в больших боевых комбинациях победа всегда будет обеспечиваться применением тех же принципов, какие доставляли славу великим полководцам всех веков — как Александру и Цезарю, так и Наполеону. Эта точка зрения была, повидимому, вполне разделена моим собеседником.

Героические события, которые недавно происходили у Севастополя, ни в какой степени не смогли изменить моего мнения. Эта гигантская борьба двух укрепленных лагерей, занятых целыми армиями и располагавших 2 000 орудий самого крупного калибра, останется событием, не имевшим прецедентов в минувших веках и ни с чем не сравнимым в будущих столетиях, так как вызвавшие его причины никогда больше не смогут повториться.

Впрочем, борьба пушек против укреплений, не имея никакого сходства с регулярными сражениями, происходящими внутри континента, не смогла бы в будущем повлиять чем-либо на крупные военные комбинации и даже на тактику сражений.

Но так как кровопролитные бои у Альмы и Инкермана засвидетельствовали смертоносный эффект нового огнестрельного оружия, то я, естественно, вынужден исследовать те перемены, которые могут вследствие этого произойти в тактике пехоты. Это и является той задачей, которую я сейчас

попытаюсь выполнить в немногих словах, с целью пополнить все, что было мною опубликовано по этому вопросу в течение 20 лет в «Очерках военного искусства».

Большой вопрос о значении ружейного огня в сражениях не является новым. Начало его относится к эпохе Фридриха II и, в частности, к сражению при Мольвице, которое, как говорят, было выиграно потому, что пехота Фридриха, заряжавшая свои ружья цилиндрическими шомполами, делала на три выстрела в минуту больше, чем ее противник. Поднявшиеся в этот период споры между сторонниками тонкого и сторонниками глубокого боевых порядков известны всем сколько-нибудь образованным военным.

Для построения пехоты была принята система развернутых линий в три человека или в три шеренги глубиной; кавалерия строилась в две шеренги, причем в боевом порядке она бывала развернута либо на крыльях, либо частично в резерве.

Знаменитым постановлением о маневрах 1791 г. единственным боевым порядком признавался развернутый порядок. Это постановление допускало двойную батальонную колонну из середины только для частных боев, применявшихся исключительно для нападения на отдельные посты, деревню, лес, небольшое укрепление *.

Недостаточное обучение республиканских войск маневрированию вынуждало генералов, которые сами были мало «маневроспособны», применять в бою систему колонн, поддерживаемых многочисленными стрелками. Кроме того, характер местности, на которой происходили бои,— Вогезы, Альпы, Пиренеи и пересеченная поверхность Вандеи, делал эту систему практически малоприменимой. Каким образом можно было атаковать развернутыми полками лагери Саорджио, Фигьера и Мон-Сениса?

При Наполеоне обычно применялась система колонн, так как его армии почти всегда были нападавшими.

Таково было положение вещей, когда в 1807 г. я опубликовал в Глогау в Силезии небольшую брошюру под заглавием: «*Резюме общих принципов военного искусства*», в которой я предполагал принять для тактики систему линий из батальонных колонн, построенных по-дивизионно, в две полуроты по фронту, т. е. подходить к противнику в линиях сомкнутых батальонов или на полуротных дистанциях; впереди линий должны были находиться многочисленные стрелки, а колоннам

---

* Массивные батальонные колонны предназначались, повидимому, для сбора или для смыкания длинных походных колонн, в целях более удобного их развертывания.

надлежало соблюдать между собой интервалы, наибольший размер которых должен был соответствовать протяжению фронта развертывания, а наименьший—протяжению фронта колонны.

То, что я видел в знаменитых кампаниях — Ульмской, Аустерлицкой, Иенской и Эйлауской, показало мне трудность, если не невозможность, бросать армию против занимающего позицию противника, заставляя ее передвигаться в развернутых линиях в две или три шеренги глубиной.

Успехи Веллингтона в Испании и при Ватерлоо, достигнутые развернутыми линиями глубиной в две шеренги и приписываемые обычно убийственному огню его превосходной пехоты, вызвали сомнение в пользе применения малых колонн. Но споры о наилучшем построении для боя возобновились лишь после 1815 г. по поводу брошюры маркиза де-Шамбре.

В этих спорах я заметил пагубную тенденцию лучших умов — *желание свести каждую военную систему к абсолютным формам и претензию втиснуть в одну и ту же форму все тактические комбинации, которые может задумать генерал,* не учитывая при этом ни местных условий, ни морального состояния, ни национального характера, ни таланта начальников. Я предложил строить линии небольших колонн, особенно для движения в атаку, *но я никогда не имел в виду обращать это в исключительную систему, особенно для обороны.*

Впрочем, я дважды имел случай убедиться, что это построение встретило сочувствие со стороны самых крупных полководцев нашего века. В первый раз это сочувствие было высказано на Венском конгрессе. Эрцгерцог Карл сказал мне, что «он мне очень обязан за «Резюме», которое я опубликовал в 1807 г. и которое генерал Вальмоден привез ему в 1808 г. с курорта Вальбруннена в Силезии». В начале войны 1809 г. эрцгерцог не считал возможным применить предложенное мною построение, но в сражении при Эслингене ограниченное пространство поля сражения заставило его построить часть своей армии (особенно ландвер) в батальонные колонны, и эти войска удивительно противостояли яростным атакам кирасир испанского генерала, чего, по признанию эрцгерцога, они наверно не смогли бы сделать, если бы были развернуты.

В сражении при Ваграме большая часть австрийской линии была построена, как при Эслингене. После двух дней упорной борьбы, стоившей 20 000 человек, эрцгерцог покинул поле сражения, но не потому, что его армия серьезно пострадала, а потому, что его левый фланг был расстроен и оттеснен,

а это угрожало путям его отступления в Венгрию. Эрцгерцог был убежден, что проявленное войсками упорство явилось отчасти результатом того, что с развернутыми батальонами были перемешаны небольшие колонны.

Другое свидетельство, внешне менее убедительное, исходило от Веллингтона. Будучи представлен ему на Веронском конгрессе в 1823 г.; я имел случай беседовать с ним о спорах, поднятых по поводу его системы построения для боя; этой системе приписывалась большая часть успехов Веллингтона. По его словам, он был действительно убежден, что применявшийся французами способ атаки в более или менее глубоких колоннах очень опасен против устойчивой пехоты, вооруженной отличными ружьями, уверенной в своем огне и хорошо поддержанной артиллерией и кавалерией.

Я заметил Веллингтону, что эти глубокие колонны сильно отличаются от предлагаемых мною небольших колонн; последние придают атаке большую устойчивость, большой порыв и большую подвижность, тогда как крупные массы не дают ни большей подвижности, ни большего импульса, чем развернутые линии, и притом в большей степени подвержены опустошительному огню артиллерии.

Я спросил знаменитого полководца, не он ли строил в батальонные колонны ганноверские и брауншвейгские войска, а также бельгийцев из Шассэ. Он ответил: «Да, потому что я не был так уверен в этих солдатах, как в своих англичанах». Тогда я указал ему, что его признания достаточно для подтверждения того, что линия батальонных колонн ему казалась более солидной, чем длинные развернутые линии. На это он возразил:

«Конечно, они также хороши; но это всегда зависит от местных условий и от морального состояния войск; нельзя действовать одинаково при всяких обстоятельствах».

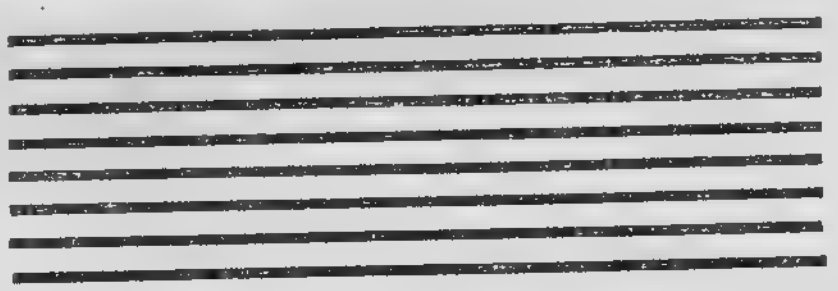
К приведенным выше двум знаменитым свидетельствам я мог бы добавить, что сам Наполеон в кампанию 1813 г. предписал применять для атаки, как наиболее подходящее, построение пехоты в колонны по дивизионам (в две полуроты) в две шеренги, а это было абсолютно то же самое, что я предлагал в 1807 г.

Герцог Веллингтон согласился также, что французские колонны при Ватерлоо, особенно на правом фланге, были не маленькими колоннами в один батальон, но огромными массами, значительно более тяжелыми и более глубокими. Если верить реляциям и планам, опубликованным пруссаками, то окажется, что 4 дивизии Нея образовали только 4 колонны, — по край-

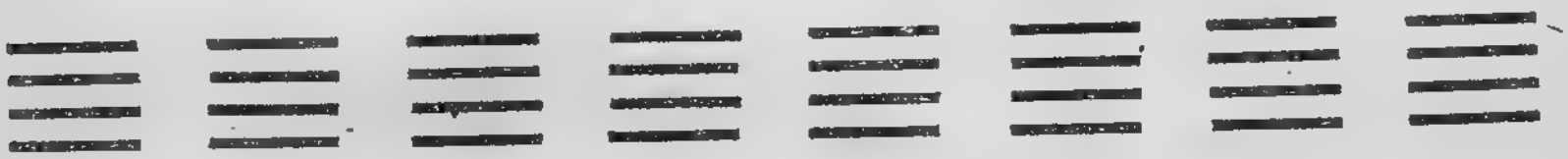
ней мере, во время их наступательного марша, — для движения в атаку против фермы Хе-Сент и линии между этой фермой и Папелют. Я не присутствовал на этом сражении, но несколько опрошенных мною офицеров уверяли меня, что одно время действительно были построены дивизионные колонны из двух бригад, причем батальоны были развернуты один за другим на 6 шагов дистанции.

Это обстоятельство показывает, насколько еще далек от совершенства военный язык, по крайней мере французский. Одно и то же название «дивизион» дают и соединению из 4 полков и подразделению в составе двух полурот, что совершенно абсурдно *. Предположим, например, что утром 18 июня Наполеон приказал построить линию колонн, дивизионных и батальонных, находясь в полной уверенности, что этот приказ будет выполнен по формуле, предписанной им в 1813 г. Его помощники легко могли понять приказ иначе, причем, в соответствии с тем толкованием, которое они могли дать приказу, возможно было следующее:

1) или 4 дивизии правого крыла могли образовать 4 крупные массы, каждая из 8—12 батальонов (в зависимости от состава полков), развернутые одна за другой, как указано ниже на чертеже, изображающем 8 батальонов **;



2) или, наоборот, каждая дивизия могла быть построена в 8—12 батальонных колонн по-дивизионно, каждый дивизион в составе двух полурот, согласно предложенной мною системе:



* В этом последнем смысле термин „дивизион" существовал во времена Жомини и в русской армии. В настоящее время французский термин „дивизион" (division) обозначает только дивизию, а нашему современному термину „дивизион" (артиллерийский, кавалерийский) соответствует французский термин „groupe" (de batteries, d'escadrons).— *Ред.*

** Здесь предположено, что каждый полк состоит из 2 батальонов. Если бы полки были в 3-батальонном составе, то было бы 12 линий, т. е. 24 или 36 шеренг, а на следующем чертеже было бы в линии 12 батальонов вместо 8, причем глубина оставалась бы прежней.

Конечно, я не утверждаю, что построенные при Ватерлоо крупные массы явились результатом указанной выше путаницы понятий, но ведь это могло произойти, а потому для всех армий важно установить различные термины для обозначения двух столь различных частей, как «дивизион» из 12 батальонов и «дивизион» из двух полурот (четверть батальона).

Под впечатлением всего вышесказанного я счел себя обязанным внести изменения в свое «Резюме», как слишком краткое, и посвятить в «Очерках военного искусства» специальную главу (VII) обсуждению выгодных и невыгодных сторон разных построений для боя. Затем я добавил несколько соображений относительно смешанной системы, примененной при Эйлау ген. Беннигсеном и состоявшей в построении полка из трех батальонов таким образом, что один — в центре — был развернутым, а остальные два — на флангах — в колоннах:

В результате разного рода дебатов по этому поводу я все же пришел к заключению:

1) что система Веллингтона была, конечно, хороша для обороны;

2) что система Беннигсена могла быть, в зависимости от обстоятельств, хороша и для наступления и для обороны, так как она была с успехом применена Наполеоном при Тальяменто;

3) что самый искусный тактик оказался бы в большом затруднении, если бы ему пришлось вести 40—50 батальонов развернутыми в 2 или 3 шеренги, целиной на протяжении 1 000—2 000 *м*, сохраняя при этом порядок, необходимый для того, чтобы атаковать с некоторыми шансами на успех противника, занимающего такую позицию, фронт которой поражался бы артиллерийским и ружейным огнем. Что касается меня, то, так как я никогда не видел на войне ничего подобного, я считаю такую вещь невозможной и убежден, что никакая армия не смогла бы выполнить такое движение настолько сомкнуто, чтобы сообщить атаке необходимый для успеха порыв.

Наполеон всегда давал своим маршалам такой совет: «*Увлекайте за собой ваши войска и смело атакуйте противника*». Так вот я и спрашиваю: каким способом можно увлечь за собою сразу 40 или 50 батальонов и атаковать противника, к которому эти батальоны подойдут врозь и размельченными до

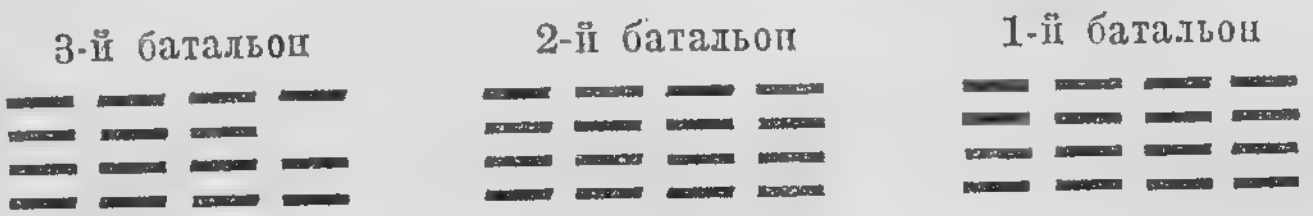
взводов, а командир не будет больше в состоянии как-нибудь воздействовать на своих солдат?

Я не видел этого ни под Ульмом, ни под Иеной, ни под Эйлау, ни у Бауцена, ни при Кульме, ни под Лейпцигом; этого не было ни под Аустерлицем, ни под Фридландом, ни при Кацбахе, ни под Денневицем.

Я даже не знаю, двигался ли Веллингтон таким порядком в каком-либо из своих сражений для атаки неприятельской позиции; обычно он ожидал, чтобы противник подошел к нему. При Витгории (город в Испании.—*Ред.*) и при Тулузе он достиг победы, маневрируя против флангов; при Тулузе было разбито правое крыло Сульта, когда оно спускалось с высот, чтобы атаковать Веллингтона; наконец, даже при Ватерлоо какая судьба постигла бы английскую армию, если бы она, покинув плато Мон-Сен-Жан, двигалась развернутой линией против Наполеона, занимавшего высоты Бель-Альянс?

Пусть эти пересказы не будут поставлены мне в вину, так как почти те же соображения я высказал в своих «Очерках военного искусства»; но я счел себя обязанным повторить их здесь, чтобы таким образом ближе подойти к возникшему позднее вопросу.

Некоторые германские генералы, оценив в 1813 г. преимущества, достигнутые при помощи системы батальонных колонн, стремились использовать досуг продолжительного мирного периода для усовершенствования этой системы, подразделяя те же колонны таким образом, чтобы сделать их еще менее глубокими и облегчить переход из колонны в развернутую линию. С этой целью они предложили вместо построения 4 дивизионов или рот одних за другими ставить их рядом не развернутыми в линию, но небольшими колоннами. Следовательно, если в батальоне 4 роты по 240 человек, то каждая рота была бы подразделена на 4 взвода по 60 человек, причем один из этих взводов был бы рассыпан в застрельщики, а остальные три (построенные в 3 шеренги) образовали бы небольшую ротную колонну. Таким образом, батальон вместо построения только одной колонны построил бы их четыре, а полк 3-батальонного состава построил бы двенадцать небольших колонн вместо трех:



Несомненно, что подразделенную таким образом линию было бы легче вести к противнику, чем если бы эта линия была раз-

вернутой. Но крошечные колонки, составленные каждая из 60 стрелков и 180 рядовых бойцов, никогда не смогли бы сохранить такой порядок и такую плотность, как единая батальонная колонна. Тем не менее, поскольку они обладают некоторыми преимуществами, эта система заслуживает быть испытанной и даже применяется уже в Пруссии и в Австрии.

То же самое построение может быть применено в батальонах 6- и 8-ротного состава. В таком случае батальон строился бы не по ротам, а по 2-ротным дивизионам, т. е. в 3 или 4 колонны, в зависимости от числа рот.

Все же, мне кажется, следует отметить крупный недостаток обеих указанных выше систем, а именно: против смелой кавалерийской атаки *эти небольшие пакеты* могли бы оказаться в затруднительном положении, если бы они, атаковав неприятельскую линию и будучи отброшены, подверглись преследованию; тогда беспорядок возник бы в них скорее, чем в батальонных колоннах. Наконец, как ту, так и другую систему можно применять в зависимости от обстоятельств, от местных условий и от морального состояния войск. Я не знаю, имели ли уже австрийцы случай испытать ротные колонны под Кустоццой и Наваррой или же эти колонны и до сегодняшнего дня применяются только на маневренных полях.

Как бы то ни было, но подлежит решению и другой, не менее важный вопрос, а именно: могут ли карабины Минье, нарезные ружья и усовершенствованные пули внести значительные изменения *в построения для боя* или же в установившиеся в настоящее время тактические идеи?

Если все это оружие благоприятствовало союзникам при Альме и Инкермане потому, что они одни были им снабжены, то не следует упускать из виду, что через один-два года все армии будут располагать этим оружием, и тогда выгоды будут одинаковы на обеих сторонах...

Каковы же будут последствия этого в области тактики? Будут ли рассыпать в линию стрелков всю армию? И не нужно ли будет все-таки сохранить либо целиком развернутые линии, состоящие из двух или трех шеренг, либо линии батальонных колонн? А сражения, — сделаются ли они дуэлями на карабинах или же обе стороны будут расстреливать одна другую на месте, пока какая-нибудь из них не побежит или не будет уничтожена? Кто из военных решился бы положительно ответить на этот вопрос? Но если нельзя решить судьбу сражения, стоя на месте, то, очевидно, победа будет на стороне того из

генералов, который будет лучше маневрировать. А он сможет маневрировать только развернутыми линиями или батальонными колоннами, причем колонны могут быть либо сплошными, либо подразделенными на небольшие колонны в одну или две роты. Претендовать на то, чтобы в уставе были указаны случаи, когда именно следует *применять* то или другое построение, было бы абсурдом.

Если бы можно было найти настолько искусного генерала и настолько маневроспособную армию, чтобы двигаться на противника с 40 или 50 батальонами в развернутой линии, то следовало бы предписать применение тонкого порядка, а порядок в колоннах разрешить единственно лишь для атак изолированных постов. Но я искренно признаюсь, что на таких условиях никогда не принял бы на себя командование армией. Единственно, что необходимо регламентировать в боевом порядке, это — запретить построение слишком глубоких и слишком тяжелых колонн, так как такие колонны столь же трудно увлечь за собою и двигать вперед, как и развернутые линии. Более того, они представляют собою такую цель для артиллерии, что их уничтожение следует считать неизбежным, тогда как они не обеспечивают никаких шансов на успех.

Если бы мне было поручено организовать армию, то я принял бы для пехоты построение в две шеренги, причем организацию полков согласовал бы с построением для боя.

Таким образом, я дал бы своим полкам состав в три батальона и одно депо. Каждый батальон состоял бы из 6 рот по 6 взводов; будучи развернут в дивизионные колонны, батальон имел бы только 3 дивизиона, в 6 шеренг глубиной.

Такое построение мне кажется наиболее рациональным как при желании развернуть весь полк, так и при желании построить для атаки дивизионные колонны из середины каждого батальона или по какому-либо из дивизионов.

При этом последнем предположении построение по дивизионам, имея только три шеренги глубины, не представило бы собой слишком хорошей цели для артиллерии и вместе с тем сохраняло бы за собой всю ту подвижность, которая желательна для подъема войск и для сообщения им порыва. Развертывание этих небольших колонн также выполнялось бы очень быстро, а для построения каре колонна в 3 дивизиона была бы во многих отношениях предпочтительнее колонны в 4 или 6 дивизионов глубиной.

Так как в русской армии батальон состоит из 4 рот по 250 чел., то эти роты равнозначащи дивизиону (двум полу-

ротам) французской уставной организации. Отсюда следует, что в России *двойная колонна из середины* непрактична, так как середину образует пустота, т. е. интервал между 2-й и 3-й ротами. Следовательно, нужно было бы строить простую колонну, но не из середины, а по той или другой из четырех рот. Если бы нужно было построить двойную колонну из середины, то за основание следовало бы взять 2-ю и 3-ю роты, позади которых стали бы рядом 1-я и 4-я роты. Но тогда батальон оказался бы построенным в две линии скорее, чем в колонну, — это является причиной, которая заставляет меня предпочесть состав батальона в 6 рот, или в 3 дивизиона.

Правда, так как каждая из четырех нынешних рот подразделяется на две полуроты, то батальон, составленный таким образом из 8 полурот, мог бы построить двойную колонну по четвертой и пятой полуротам, образующим середину. Но поскольку эти две полуроты принадлежат к составу разных рот, вышло бы так, что и все остальные полуроты, которые сходились бы вместе справа и слева для образования двойной колонны, также были бы от разных рот, вследствие чего командиры рот имели бы половину своих солдат выделенными под командование другого командира, а у каждого из них половина их дивизиона была бы из состава другой роты. Подобная аномалия при движении к противнику представила бы огромные неудобства, так как ротный командир, если он является для солдат своей роты настоящим начальником, отцом и судьей, всегда сможет добиться от них бо́льших результатов, чем от чужих солдат. Кроме того, если бы подобная двойная колонна была быстро отведена назад и ее хотели бы перестроить в линию, то трудно было бы избежать беспорядка между полуротами, стремящимися в разные стороны для присоединения к своим ротам. При французской организации, по которой батальон состоит из 8 рот, образующих для маневрирования столько же полурот, этого неудобства нет, так как каждая рота в двойной колонне находится под командованием своего командира и не требует никакого перемещения. В самом деле, каждая из двух рот, которые должны соединиться, чтобы образовать дивизион, имела бы отдельного начальника, и это было бы скорее хорошо, чем плохо, так как между командирами рот и их солдатами возникло бы состязание в усердии и храбрости, — а известно, что соревнование и самолюбие являются источниками мужества. Впрочем, если бы явилась необходимость, старший из ротных командиров смог бы по праву командовать дивизионом.

Однако, в конце концов, пора оставить все эти определенно второстепенные подробности и возвратиться к главному занимающему нас вопросу.

Так как я говорил об общей системе, принятой Веллингтоном, то, прежде чем закончить, я должен объяснить, в чем заключалась эта система, поскольку о ней можно судить на основании данных истории.

В Испании и особенно в Португалии Веллингтон имел в своем распоряжении массу местных войск, на которые он не мог особенно полагаться в сражениях, так как им нехватало выучки и дисциплины, но которые, будучи преисполнены вражды к французам, давали множество превосходных стрелков, беспокоивших неприятеля. Ознакомившись на практике с стремительными атаками колонн, возглавляемых «массенами» и «неями», Веллингтон совершенно правильно нашел те средства, которые способны были укротить эту стремительность и восторжествовать над ней. Веллингтон старался выбирать труднодоступные позиции, подступы к которым он прикрывал тучами испанских и португальских стрелков, искусно использовавших всякого рода закрытия местности; он помещал часть своей артиллерии на тактическом гребне позиции, а остальную часть располагал позади и таким образом подвергал походные колонны противника убийственному ружейному и артиллерийскому огню, в то время как превосходная английская пехота, удерживаемая в сотне шагов за гребнем, оставалась ожидать подхода этих колонн, не неся никаких потерь. Затем, когда неприятельские колонны достигали вершины уже усталыми, запыхавшимися и с поредевшими рядами, Веллингтон встречал их общими ружейными и артиллерийскими залпами, после чего бросал свою линию в штыки против наполовину расстроенных колонн противника.

Эта вполне рациональная система, применявшаяся в Испании и Португалии при участии массы местных войск, которые могли быть использованы в качестве застрельщиков на чрезвычайно разнообразной местности, потребовала некоторых изменений при применении ее в Бельгии. Под Ватерлоо английский генерал занял позицию на плато, имевшем слабое падение в сторону противника и образовавшего гласис, с которого для артиллерии открывался великолепный обстрел и откуда она производила самые ужасные опустошения. При этом оба фланга позиции были хорошо прикрыты.

С гребня этого плато Веллингтон замечал малейшие передвижения французской армии, которая со своих позиций не видела ничего. Но, несмотря на все эти преимущества, система

Веллингтона не преминула бы привести к поражению, если бы ей не пришло на помощь много других обстоятельств.

Всем более или менее точно известны перипетии этого знаменитого сражения, которое я, впрочем, с полным беспристрастием описал, показав, что победа не может быть приписана ни ружейному огню, ни развернутым линиям, а что она обязана следующим случайным причинам:

1) дождю, который, растворив почву, сделал наступательный марш французов очень медленным и очень трудным, лишил первые атаки всякого порыва и помешал поддерживать их как следует артиллерией;

2) первоначальному построению в слишком глубокие колонны, главным образом справа;

3) бессвязному применению трех родов войск: пехота и кавалерия выполнили несколько последовательных атак, но ни одной из них не предприняли одновременно;

4) *наконец, — и это самое главное, — неожиданному прибытию всей прусской армии, начавшей в решающий момент атаку против правого фланга и почти против тыла французов.*

Каждый военный, имеющий опыт, согласится, что, если бы, несмотря на грязную почву и на отличные качества английской пехоты, главные силы французской пехоты *бросались в батальонных колоннах вслед за большой атакой кавалерии*, объединенная армия была бы прорвана и отброшена на Антверпен. Даже независимо от этих обстоятельств английская армия, если бы не прибыл Блюхер, была бы вынуждена отступить. И я остаюсь при убеждении, что это сражение не должно считаться в числе тех, которые могли бы доказать превосходство ружейного огня при атаках хорошо направленными колоннами.

Из всего этого обсуждения я считаю себя вправе сделать следующие выводы:

1) Усовершенствование огнестрельного оружия не могло бы вызвать заметного изменения в способе введения войск в бой, *но было бы полезно ввести в пехотный устав построение ротных колонн, иметь большое число хороших стрелков и побольше упражнять войска в стрельбе.* Те армии, которые имеют в своем составе целые стрелковые полки, могли бы использовать их для этой службы, распределяя их в бригадах. Тем не менее всегда будет предпочтительнее брать попеременно этих стрелков в каждой роте, по мере того как в них будет встречаться потребность, и это будет нетрудно, когда войска будут натренированы в стрельбе; таким путем явится возможность использовать стрелковые полки в линии наравне с другими,

а если числа стрелков, извлекаемых из рот, было бы иной раз недостаточно, то можно было бы добавлять по одному батальону стрелков на дивизию.

2) Примененная Веллингтоном система развернутых линий и ружейного огня превосходна при обороне, но представляется столь же затруднительным, как и прежде, использовать ее для того, чтобы бросить армию в атаку неприятельской позиции.

3) Несмотря на усовершенствование огнестрельного оружия, две армии, встретившись и желая дать сражение, не смогли бы целый день издали расстреливать одна другую; всегда будет необходимо, чтобы одна из армий двинулась вперед для атаки другой.

4) И впредь, как до сих пор, успех будет зависеть от более искусного маневра, в соответствии с принципами высшей тактики, заключающимися в том, чтобы *уметь бросить в благоприятный момент массу своих войск против того пункта поля сражения, который может решить победу, заставляя в то же время все три рода войск содействовать победе одновременно.*

5) Было бы трудно добавить многое к тому, что я высказал по данному вопросу в главах IV и V моих «Очерков военного искусства», и представляется мало рациональным предписывать уставом абсолютную систему построения войск для боя, так как устав должен ограничиваться предписанием лишь движений для выполнения.

6) При наступлении один из первых залогов победы будет всегда заключаться в том, чтобы генерал обладал талантом увлекать свои войска в бой и смело атаковать противника, применяя такую систему построения, которая соответствовала бы местности, качеству и духу войск, а также его собственным дарованиям.

Я закончу эти строки напоминанием, что *война, далеко не будучи точной наукой, является ужасной, преисполненной страстей драмой, которая хотя, правда, и подчиняется трем или четырем общим принципам, но результат которой находится в зависимости от тысячи моральных и физических осложнений.* Эту истину я провозгласил семь лет тому назад.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
ГЛАВА IV.	**О высшей тактике и о сражениях**	3
Статья	*XXX.* О позициях и оборонительных сражениях .	4
Статья	*XXXI.* Наступательное сражение и различные боевые порядки	10
Статья	*XXXII.* Об обходных маневрах и о слишком широком размахе движений в сражениях	27
Статья	*XXXIII.* О встрече двух армий на марше	31
Статья	*XXXIV.* О внезапных нападениях на армию	33
Статья	*XXXV.* Об атаках живой (открытой) силой крепостей, укрепленных лагерей или линий. О внезапных нападениях (поисках) вообще	34
ГЛАВА V.	**О различных смешанных операциях, относящихся одновременно к стратегии и тактике**	43
Статья	*XXXVI.* О диверсиях и больших отрядах	—
Статья	*XXXVII.* О переправах через малые и большие реки	50
Статья	*XXXVIII.* Об отступлениях и преследованиях	56
Статья	*XXXIX.* О расквартировании войск на марше и о размещении их по зимним квартирам	71
Статья	*XL.* О десантах	73
ГЛАВА VI.	**О логистике, или о практическом искусстве приводить армии в движение**	77
Статья	*XLI.* Несколько слов о логистике вообще	—
Статья	*XLII.* О разведках и других способах своевременно узнавать о передвижениях противника . . .	93
ГЛАВА VII.	**О построении войск для боя и о применении трех родов войск как порознь, так и совместно**	103
Статья	*XLIII.* О размещении войск в боевой линии . . .	104
Статья	*XLIV.* О построении и применении пехоты	114
Статья	*XLV.* О кавалерии	128
Статья	*XLVI.* О применении артиллерии	142
Статья	*XLVII.* О совместном применении трех родов войск	149
Заключение	. . . . .	151
Приложение	. . . . .	156
	Обзор главных заморских экспедиций	—
Добавление к „Очеркам военного искусства“	. . . . .	178
	Стратегическое резюме	179
	Указания о способах выработать в себе хороший стратегический глазомер	187
Второе добавление к „Очеркам военного искусства“	. . . . .	195
	О построении войск для боя	—
Таблицы 2, 3 и схема 2.		

СХЕМА 2

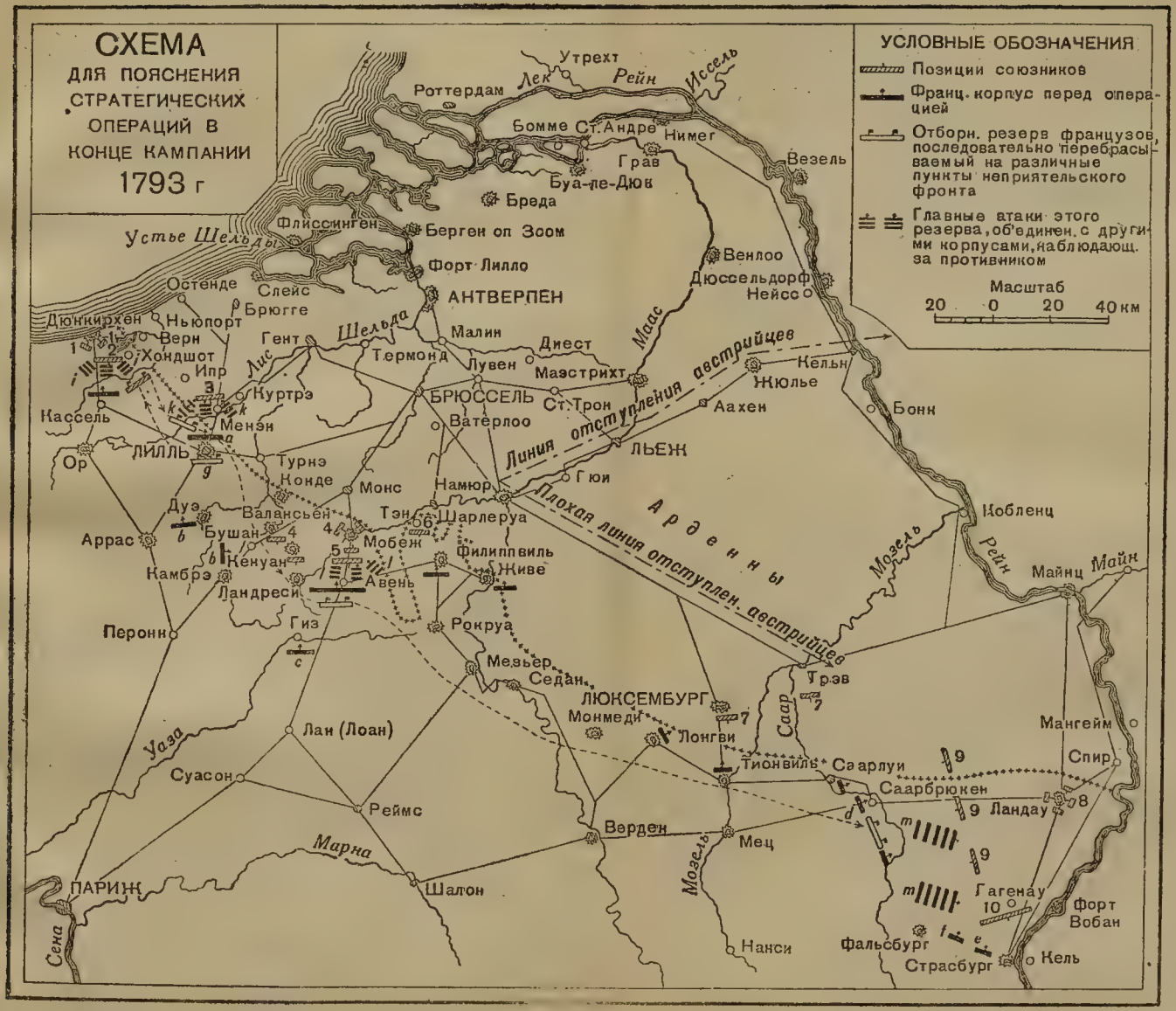


СХЕМА
ДЛЯ ПОЯСНЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ В КОНЦЕ КАМПАНИИ 1793 г
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Позиции союзников
Франц. корпус перед операцией
Отборн. резерв французов, последовательно перебрасываемый на различные пункты неприятельского фронта
Главные атаки этого резерва, об'единен. с другими корпусами, наблюдающ. за противником
Масштаб
20 0 20 40 км
Утрехт
Лек
Рейн
Иссель
Роттердам
Бомме
Ст. Андре
Нимег
Грав
Буа-ле-Дюк
Везель
Бреда
Флиссинген
Устье Шельды
Берген оп Зоом
Венлоо
Форт Лилло
Дюссельдорф
Нейсс
Остенде
Слейс
АНТВЕРПЕН
Брюгге
Дюнкирхен
Ньюпорт
Верн
Шельда
Малин
Маас
Гент
Термонд
Диест
Хондшот
Ипр
Лис
Лувен
Маэстрихт
Кельн
Куртрэ
БРЮССЕЛЬ
Ст. Трон
Жюлье
Кассель
Менэн
Ватерлоо
Аахен
Бонн
Линия отступления австрийцев
ЛИЛЛЬ
ЛЬЕЖ
Ор
Турнэ
Конде
Монс
Намюр
Гюи
Дуэ
Валансьен
Тэн
Шарлеруа
Кобленц
Аррас
Бушан
Мобеж
Филиппвиль
Мозель
Рейн
Майнц
Майн
Камбрэ
Кенуан
Живе
Ландреси
Авень
Перонн
Гиз
Рокруа
Мезьер
Седан
Трэв
ЛЮКСЕМБУРГ
Монмеди
Саар
Мангейм
Лан (Лоан)
Уаза
Лонгви
Тионвиль
Саарлуи
Спир
Суасон
Саарбрюкен
Ландау
Реймс
Верден
Марна
Мец
Мозель
ПАРИЖ
Шалон
Гагенау
Форт Вобан
Сена
Нанси
Фальсбург
Страсбург
Кель

ТАБЛИЦА 2

Различные построения боевой линии двух пехотных корпусов

Два корпуса развернуты один за другим

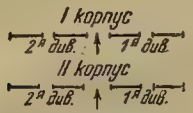


Рис. 1

Два корпуса построены рядом

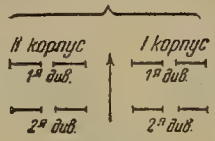


Рис. 2

Два корпуса из двух трехбригадных дивизий

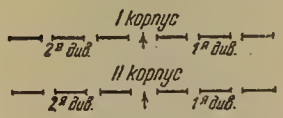


Рис. 3

Два корпуса поставлены рядом

Рис. 4

Два корпуса из двух трехбригадных дивизий

Рис. 5

То же, что на рис. 5, но корпуса рядом

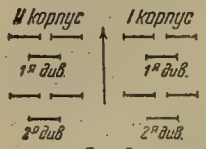


Рис. 6

Построение двух корпусов из трех двухбригадных дивизий

Рис. 7

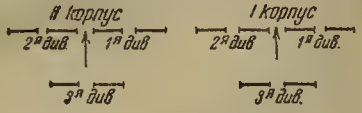


Рис. 8

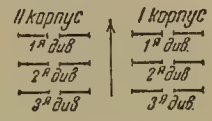


Рис. 9

Построение корпусов из трех трехбригадных дивизий

Рис. 10

Рис. 11

Наиболее тонкое построение: 12 бригад в 1ую, 6 бригад во 2ую линии.

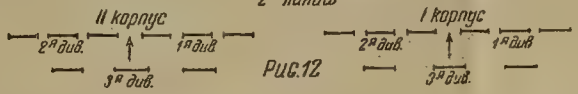


Рис. 12

Во всех изображенных построениях в основе строя — бригады в линии; но эти линии могут быть построены из развернутых батальонов или в штурмовых колоннах по-дивизионно из двух взводов. Приданная корпусам кавалерия располагается на флангах. Можно также ставить бригады так, что у всех бригад один их полк будет в первой линии, а один во второй.

ТАБЛИЦА 3

Различные построения для боя

(все расположения показаны для дивизии из 12 батальонов)

Рис.1 Развернутый в 2 линии боевой порядок

Вместо того чтобы ставить батальоны в колоннах сзади 1го и 4го дивизионов, можно их ставить рядом с ними, что увеличит длину фронта полков на 2 дивизиона.

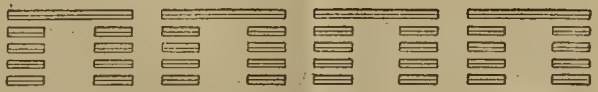
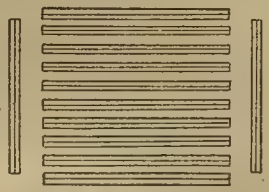


Рис. 2 Четыре полка из трех батальонов, из которых один развернут, а два в колоннах

Рис.3 Колонна из 10 батальонов, развернутых один за другим, с двумя батальонами, идущими на флангах рядами



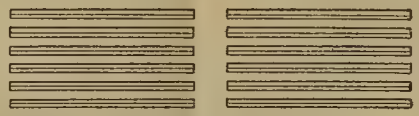


Рис.4 Та же дивизия, построенная по-бригадно

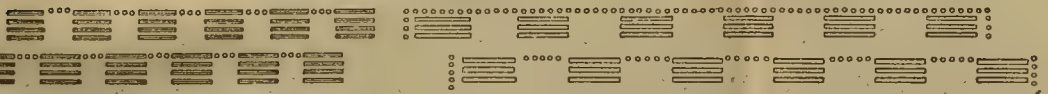


Рис.5 12 батальонов в штурмовых колоннах, в двух линиях, с застрельщиками в интервалах

Рис.6 Батальоны построены в 2 шеренги вместо 3, а 4й дивизион рассыпан в стрелковую цепь

Рис.7 Дивизия в батальонных каре, в шахматном порядке

Рис.8 Удлиненные каре

Рис.9 Каре из трехбатальонных полков

Каре могут быть также построены открытыми уступами

Рис.10 Кавалерийская дивизия из пяти полков

Кавалерия скорее должна быть развернута в шахматном порядке, чем сплошными линиями

Можно все боевые порядки строить из каре так же, как из развернутых линий

II
A-845